

**КАДЕМИЯ НАУК СССР
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ**

В. Д. КУБАРЕВ

ДРЕВНЕТЮРКСКИЕ ИЗВАЯНИЯ АЛТАЯ
Ответственный редактор д-р ист. наук Е. И. Деревянко

**ИЗДАТЕЛЬСТВО "НАУКА" СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ Новосибирск-
1984**

**Кубарев В. Д. Древнетюркские изваяния Алтая.- Новосибирск:
Наука, 1984.**

Монография является первым исчерпывающим изданием древнетюркских каменных изваяний Алтая, значительная часть которых открыта автором. Приведены материалы о более чем 200 алтайских изваяниях, обобщены результаты многолетних археологических раскопок древнетюркских поминальных сооружений, сопровождающих изваяния. На основе новых материалов с привлечением этнографических источников реконструирован "поминальный" обряд восточно-алтайских тюрков, а также рассмотрены вопросы, связанные с семантикой, хронологией и культурной и этнографов.

Рецензенты: А. И. Мартынов, В. И. Молодин

Введение

Глава 1. Распространение изваяний, их общая характеристика

Глава 2. Реалии на изваяниях как источник по хронологии и этнографии

Глава 3. Поминальные сооружения

Заключение

Список сокращений

Примечание

Приложение

Таблицы

ВВЕДЕНИЕ

Среди многочисленных памятников древности особое место занимают каменные изваяния, известные в археологической литературе под неточным, но традиционным названием "каменные бабы"¹. Усилиями отечественных и зарубежных ученых разновременные и разнотипные виды каменных изваяний были подразделены на несколько культурно-хронологических групп. Это изваяния эпохи бронзы и скифского времени ("оленные камни"), древнетюркские и кыпчакско-половецкие изваяния южнорусских степей.

Одну из крупнейших групп составляют древнетюркские изваяния, в большом количестве распространенные на обширных горно-степных пространствах Центральной и Средней Азии. Они в основном изображают в сидячей позе мужчин монголоидного облика с широкоскулым лицом, раскосыми миндалевидными глазами, очень часто с усами и бородой. На отдельных изваяниях изображены в ушах серьги, на шее гладкие гривы или ожерелья; показана также одежда: разнотипные головные уборы, халаты и кафтаны с отворотами на груди, узкими или широкими рукавами и манжетами. На узком поясе, набранном из различных по форме бляшек, подвешаны кинжал и сабля в ножнах, а также сумочка, точило и другие предметы. Почти на всех изваяниях изображен сосуд, обычно в правой руке (левая рука, как правило, лежит на поясе или оружии).

Древнетюркским каменным изваяниям посвящено большое количество публикаций, в том числе несколько монографических работ. И это вполне естественно, так как одиноко стоящие каменные фигуры, резко выделяющиеся на фоне азиатских гор и степей, одними из первых привлекали внимание путешественников и ученых.

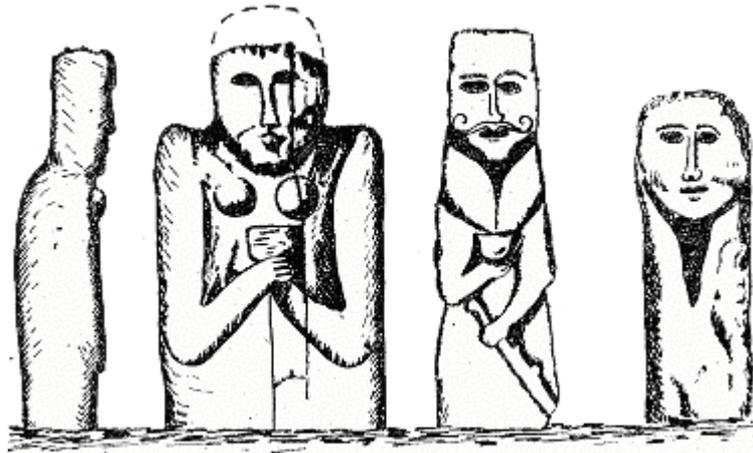

Рис. 1. Древние надгробные памятники из Алтайских гор (по Г. И. Спасскому, 1819).

Первые краткие сведения о каменных изваяниях Алтая содержатся в сообщениях русских рудознатцев, исследовавших алтайские горы в поисках руд в начале-XVIII в. Вслед за отдельными рудознатцами на Алтай отправляются комплексные экспедиции.

Первая такая экспедиция, возглавляемая Петром Шелегиным, была послана русским правительством в 1745 г. Она собрала ценные географические данные о районе Телецкого озера и бассейна Чулышмана. Лаврентий Феденев и Никита Шангин, участники рудно-поисковой партии 1785 г., обнаружили и впервые зарисовали "древних народов статую" в устье р. Каменки (левый приток р. Катунь)³. Упоминаются каменные изваяния и в путевых записях академика П. С. Палласа, руководителя двух экспедиций на Алтай ⁴.

Значительную роль в археологическом изучении края сыграл один из зачинателей буржуазно-либерального направления в историографии сибирской археологии Г. И. Спасский. Более 8 лет он жил и работал на Алтае. В одной из его работ помещены рисунки "древних надгробных памятников из Алтайских гор"⁵ (рис. 1).

В 1826 г. известный естествоиспытатель профессор Дерптского университета К. Ф. Ледебур также организовал экспедицию на Алтай. В "Алтайских сопках" им осмотрены древние могилы, на которых были воздвигнуты сланцевые плиты с изображением человеческих фигур ⁶.

Каменные изваяния и в дальнейшем привлекали внимание исследователей. Отдельные заметки и записи о них можно встретить в трудах П. А. Чихачева (1842), А. И. Шренка (1840-1843), Г. Е. Шуровского (1844) и П. И. Небольсина (1845).

В 1848-1851 гг. на Алтае проводил геологические изыскания горный инженер Влангали. Он также неоднократно встречал "чуждые" курганы с поставленными на них каменными изображениями людей ⁷. В монографическом описании Западной Сибири, составленном И. Завалишиным, собраны сведения о древних памятниках края. В их число были включены и каменные изваяния ⁸.

Особое место в археологическом изучении Алтая во второй половине XIX в.

необходимо отвести деятельности В. В. Радлова. Первые свои экспедиции по юго-западным районам края он организовал в 1860-1861 гг., а затем в 1865 г. В путевых заметках и отчетах ученого постоянно упоминаются "грубые каменные изображения людей (бабы)"⁹, сделаны с них рисунки.

Среди местных исследователей древностей Алтая нельзя не выделить видных краеведов С. И. и Н. С. Гуляевых, Занимаясь в основном фольклором Сибири, С. И. Гуляев отдавал также много времени сбору сведений об археологических памятниках. По его заключению все курганы Западной Сибири имели земляные насыпи, в отличие от них курганы Горного Алтая были из камня. Нередко на таких могилах стоят каменные столбы или изваяния в виде человеческой фигуры. Все данные о памятниках С. И. Гуляев обобщил в рукописных статьях: "Заметки о чудских буграх", "О буграх или курганах в Сибири" и т. д.¹⁰ Н. С. Гуляев продолжил сбор археологических находок и учет различных памятников древности.¹¹ По его сведениям, целая группа каменных изваяний ("идолов") прежде стояла на курганах по дороге из с. Батурово в дер. Идолово (отсюда и название деревни)¹². Н. С. Гуляев опубликовал рисунок одного из изваяний на р. Коксу. Первоначально изваяние напоминало каменный столб с "крайне неопределенным начертанием"¹³. Впоследствии был найден еще один обломок этого каменного столба и "неопределенные начертания" превратились в лицо изваяния (см. табл. XXXII, 193, 1).

Известный исследователь Центральной Азии Г. Н. Потанин по пути в Монголию (1879 г.) описал местонахождение некоторых алтайских изваяний и опубликовал их рисунки и. Одновременно с Другим исследователем Сибири, Н. М. Ядринцевым, он издал и рисунок чуйского оленного камня с личиной. Причем Н. М. Ядринцев, побывавший в 1878-1880 гг. в самых отдаленных уголках Горного Алтая, более основательно и полно описал разнообразные археологические памятники. Его внимание было обращено, прежде всего, к загадочным "Коже-Таши"- каменным бабам, которых он встречал на протяжении всего своего маршрута по долинам рек Чулышман, Башкаус, Чуя и Коксу. Он не только тщательнейшим образом обработал каменные изваяния (сделав рисунки и сняв размеры), но и опубликовал целую серию их в своей статье.¹⁵ Собранные Г. Н. Потаниным и Н. М. Ядринцевым материалы оказались весьма ценными для археологической науки, так как одни из этих каменных "баб" уже утрачены, другие плохо сохранились за прошедшие 100 лет. По следам Н. М. Ядринцева прошел А. В. Адрианов во время путешествия 1881 г. Он обследовал древние памятники речных долин Чулышмана, Яан-Улагана и Башкауса.¹⁶ При этом еще раз описал и зарисовал отдельные каменные фигуры, открытые Н. М. Ядринцевым. Но несомненно новыми и чрезвычайно интересными, оказались результаты работ А. В. Адрианова, проведенных им в системе рек Бухтармы и Нарыма спустя 30 лет. Были произведены раскопки некоторых курганов, собраны данные о писаницах и открыта большая группа каменных изваяний. В его большой работе (посвященной поездке 1911 г.) впервые приводятся фотографии алтайских изваяний.¹⁷

Члены статистической экспедиции, направленной в 1897 г. управлением Алтайского округа для изучения "калмыцких" стойбищ (С. П. Швецов, М. Швецова, П. М. Юхнев и Н. Я. Никифоров), также проявили большой интерес к древним памятникам Алтая. Они еще раз (вслед за Г. Н. Потаниным и Н. М. Ядринцевым) опубликовали рисунки чуйского оленного камня и впервые сделали подробный

рисунок каменного изваяния "Кезер" из Курайской степи 18. Оба памятника были обработаны для своего времени отлично, что выгодно отличало эту экспедицию от предшествовавших.

Разрозненные сведения об отдельных каменных изваяниях Алтая встречаются в малоизвестных отчетах чиновников, рапортах и сообщениях местных жителей. В 1899 г. крестьянином Г. В. Коневым в долине р. Белый Ануй найдено каменное изваяние, лежавшее под слоем земли. В тот же год сельский староста Егоров сообщил рапортом о находке в статистическое бюро при Главном управлении Алтайского округа. Через некоторое время изваяние было вывезено в г. Томск, правда, в несколько поврежденном виде (было отбито лицо). Однако М. А. Деминым в архивах обнаружен рисунок этого изваяния 19, выполненный еще до повреждения, что позволяет полностью восстановить облик уникальной каменной фигуры.

Землеустроителем П. М. Бочкаревым в 1906 г. впервые сделана фотография каменного изваяния "Кезер" (см. табл. XX, 121) из Курайской степи 20.

Статским советником В. И. Долбежеевым, совершившим поездку на Алтай в 1907 г., сообщалось в отчете об изваянии из устья р. Каракол (правый приток р. Урсул). К описанию прилагался рисунок 21.

Весьма интересными оказались поездки ботаника В. И. Верещагина, преподавателя Барнаульского реального училища, совершенные им в юго-восточные районы Алтая (1907-1908) по заданию Алтайского подотдела Западно-Сибирского отдела Русского географического общества. Он упоминает о уже известных "каменных бабах" ниже устья р. Ян-Улагана, на правом берегу р. Башкаус (Узун-Язы), о "чудских могилах, вертикальных рядах камней и каменных бабах" в долине р. Ясатера (Джазатера)²².

И. Г. Гранэ в 1907 г., следуя из г. Бийска до с. Кош-Агач и далее в Монголию, у с. Теньги сфотографировал и зарисовал несколько каменных изваяний и стел. Эти иллюстрации, опубликованные в работе И. Г. Гранэ ²³, остаются единственным свидетельством, так как изваяния до сих пор не обнаружены и, возможно, утрачены.

Таким образом, в дореволюционное время Алтай посещался лишь отдельными учеными, частными лицами или небольшими экспедициями. Отсюда отрывочность сведений о древних памятниках, бессистемность случайных раскопок. Тем разительнее первые успехи советских ученых в изучении памятников археологии Алтая, исторического прошлого его населения. Совершенно иная методологическая база полевых изысканий, государственное финансирование работ, создание стационарных научно-исследовательских организаций и планомерные полевые экспедиции - все это позволило ученым в кратчайший срок поднять на очень высокий уровень археологию Алтая.

Одной из первых была Алтайская экспедиция (1924- 1925), организованная бывшим этнографическим отделом Государственного Русского музея, под руководством С. И. Руденко. Отряды этой экспедиции, проводя систематические раскопки в Верхнеобье и предгорьях Алтая, большое внимание уделяли поискам и картографированию еще неизвестных науке археологических памятников в

труднодоступных районах Горного Алтая. В 1924 г. участником экспедиции А. Н. Глуховым обследовались памятники в Сайлюгемской степи 24. На р. Бугузун им раскопаны три древнетюркские оградки, у одной из которых стояло каменное изваяние. При осмотре этих оградок в 1980 г. автором этой книги было обнаружено еще одно разбитое изваяние (см. табл. XXXVI, 215)²⁵. В том же 1924 г. С. И. Руденко вскрыл одну оградку на р. Кукури и открыл ряд каменных изваяний, которые были им кратко описаны и сфотографированы 26. Отдельным отрядом Алтайской экспедиции также обследовалась приустьевая часть р. Чулышман и берега Телецкого озера. В архиве М. П. Грязнова нам удалось разыскать фотографию небольшого каменного изваяния (см. табл. XIII, 87), обнаруженного в 1925 г. А. Н. Глуховым у с. Беле на юго-восточном берегу Телецкого озера.

Большая группа курганов древнетюркского времени была раскопана С. И. Руденко и А. Н. Глуховым в урочище Кудыргэ, на правом берегу р. Чулышман в 1924-1925 гг.²⁷ В могиле под № 16 был найден продолговатый валун, представляющий собой миниатюрное изваяние (см. табл. XIV, 93). На одной из широких плоскостей его нанесено изображение мужского лица, на обратной стороне - "сцена коленопреклонения"²⁸. Интерпретация изображений на кудыргинском валуне по сей день является предметом впадов специалистов.

Другая археологическая экспедиция, возглавляемая известными учеными С. В. Киселевым и Л. А. Евтюховой, обследовала многие районы Горного Алтая и его предгорья. За годы работы Саяно-Алтайской экспедиции (1934- 1935, 1937) в зоне строительства Чуйского тракта были раскопаны десятки разновременных курганов, серия древнетюркских каменных оградок с изваяниями и без них, были открыты древние выработки железной руды, остатки оросительных каналов и многие другие исторические памятники 29. При этом исключительно большой вклад в изучение происхождения, хронологии и семантики древнетюркских каменных изваяний внесла Л.А.Евтюхова. Уже с первых лет работы экспедиции она начала систематический сбор материалов по каменным изваяниям. Итогом этой работы явилась сводная статья о каменных изваяниях Южной Сибири и Монголии, в которую была включена и большая группа (28 экз.) рисунков алтайских изваяний 30. Параллельно с Л. А. Евтюховой этой темой постоянно занимался М. П. Грязнов.

Существенное значение в методологическом плане имели его раскопки оградок в Яконуре 31. К тому же М. П. Грязнов, работая в сибирских музеях, собирал любые сведения об изваяниях. Его прекрасно выполненные копии с рисунков известных алтайских художников Г. И. Чорос-Гуркина 32 и Д. И. Кузнецова 33 затем были переданы Л. А. Евтюховой, которая и опубликовала их в своей работе 34. Значительную часть подборок из личного архива М. П. Грязнова, посвященных каменным изваяниям Алтая, удалось просмотреть и автору настоящей работы.

В 1936, 1937 и 1940 гг. доцент Иркутского государственного университета П. П. Хороших в долинах рек Коксу и Аргута обнаружил неизвестные ранее наскальные изображения и каменные изваяния. Что это за памятники, можно лишь догадываться, так как, к сожалению, П. П. Хороших оставил о них только краткое упоминание в своей статье 35.

Два полевых сезона (1935, 1937) на Западном Алтае работала экспедиция ИИМК

АН СССР. Зарегистрированы разнообразные археологические памятники: свыше 1000 курганов разных типов, 19 пунктов наскальных изображений, развалины двух джунгарских крепостей XVII в., каменные изваяния и т. д.36

Сразу же после окончания Великой Отечественной войны центральные научные учреждения продолжили изучение древних памятников Алтая. В первой половине 50-х гг. С. И. Руденко закончил раскопки уникальной группы курганов ранних кочевников в урочище Пазырык, а также провел исследование больших курганов в долине р. Урсул у с. Туэкта и в урочище Башадар близ с. Кулада. Несмотря на всю сложность работ, связанных с раскопками промерзших курганов, а в первую очередь с недостатком полевого времени, С. И. Руденко всегда живо интересовался и другими археологическими объектами. В его описании могильного поля в урочище Башадар есть такие строки: "Курган № 52 представляет собой плоское возвышение из задернованных камней диаметром 6 м, в центре его неглубокая воронка. У восточного края этого кургана стояла (в 1950 г. мы нашли ее упавшей) "каменная баба", подобная той, что стоит в аиле Кулада"37. Через 30 лет мы нашли это изваяние (см, табл., VIII, 52) в том же месте благодаря точному плану, составленному С. И. Руденко.

С 1964 по 1966 г. на Алтае работала Южно-Алтайская археологическая экспедиция Государственного Эрмитажа во главе с С.С. Сорокиным. Проводились раскопки курганов в долинах рек Джазатер, Аргут и Коксу. Открыто четыре каменных изваяния 38.

С этого времени древнетюркскими каменными изваяниями специально никто не занимался. Но сведения о местонахождении некоторых изваянии (в большей части уже известных) можно найти в отдельных статьях, заметках и отчетах Д. Г. Савинова 39, Н. А. Алексеева 40, Н. М. Зинякова 41 и других.

В 1974-1975 гг. разведочные поездки по Алтаю предпринял директор Бийского музея им. Бианки археолог Б. Х. Кадиков. Им была открыта небольшая группа каменных изваянии в степи Макажан, на правом берегу р. Коксу 42. В составе отряда были профессиональные фотографы А. А. Позняков и Н. Н. Понамарев. Фотографии каменных изваянии из Макажана были опубликованы в сборнике статей 43, об отдельных изваяниях также неоднократно сообщалось в научно-популярной печати 447.

Поиски и исследование древнетюркских изваяний на Алтае начаты автором в 1968 г. и продолжались до 1982 г. Особенно удачными оказались четыре полевых сезона (1978-1981) Восточно-алтайского отряда Североазиатской экспедиции ИИФФ СО АН СССР, когда было открыто более половины известных сегодня каменных изваянии на Алтае. Результатам этих работ посвящены отдельные статьи 45 и небольшие заметки 46 в археологической литературе и периодической печати 47.

Одним из источников сведений о каменных изваяниях послужили сообщения местных жителей. Неоценимую помощь автору оказали жители сел Балыктыюль, Кокоря и Бельтир, участники наших разведывательных выездов В. Ф. Чумакаев, С. Акчинов и К. А. Бидинов. Благодаря им, настоящим энтузиастам краеведения, были открыты в труднодоступных высокогорных урочищах уникальные памятники, длительное время остававшиеся неизвестными. Это их усилиями были созданы местные краеведческие музеи, где нашли свое место многие ценные экспонаты

далекой старины, в том числе и древнетюркские изваяния. Старожил Алтай бывшего пос. Аргут показал нам изваяния и труднодоступных урочищах Кеме-Кечу и Кырлан-дын-Кини на р. Аргут

Отдельные сведения о местонахождениях каменных изваянии сообщили нам также сотрудники Горно-Алтайской противочумной экспедиции И. И. Ешелкин и А. Г. Де-ревщиков.

Изваяния древних тюрков обнаружены в глухом логу Чадыр сотрудниками Алтайской геофизической экспедиции Ю. В. Никифоровым и Ф. Б. Бакштом 48. Новые данные по древнетюркским изваяниям были представлены коллегами по работе в институте Е.М. Тоцаковой и А. П. Погожевой. Академиком А. П. Окладниковым совместно с автором летом 1980 г. осмотрены каменные изваяния близ с. Ортолык на р. Чуе;

Ряд новых сведений об изваяниях и других памятниках древности были переданы автору туристами приборостроительного завода им. Ленина г. Новосибирска. С этой группой туристов, возглавляемой А. Н. Ерохиным, в течение нескольких полевых сезонов нами были организованы совместные экспедиции, нацеленные на поиски каменных изваянии 49.

Наряду с памятниками, изученными автором непосредственно в поле, в работе также использованы коллекции краеведческих музеев Горно-Алтайска (21 изваяние), Бийска (12 изваянии), Барнаула (7 изваянии), Томска (1 изваяние) и Ленинграда (3 изваяния). Возможность обработать изваяния, дополнительные сведения о них были любезно предоставлены нам Л. А. Давыдовой, Б. Х. Кадиковым, А. П. Уманским, Л. М. Плетневой и С. С. Сорокиным. Всем им автор выражает глубокую признательность и благодарность за оказанную помощь и предоставленные материалы, без которых публикация была бы не достаточно полной.

Самой же значительной (по числу фигур) коллекцией алтайских каменных изваянии в настоящее время владеет музей Института истории, филологии и философии СО АН СССР. В экспозиции и фондах его находится 46 изваянии.

Остеологический материал из раскопанных древнетюркских оградок обработан палеонтологом Н. Д. Оводовым.

К интересным выводам приводит и. работа по определению пород камня, из которого изготовлены изваяния. Она проделана геологами В. И. Богнибовым (ИГиГ СО АН СССР), Я. М. Гумаком (КЭ) и А. М. Боровиковым (НГУ), которым автор также приносит искреннюю благодарность.

В заключение хотелось бы с признательностью назвать здесь имена товарищей по Восточно-алтайскому отряду, деливших с автором и невзгоды полевой жизни, и радости первых открытий. Это прежде всего бессменные помощники - сотрудники Горно-Алтайского краеведческого музея С. С. Зяблицкий, В. А. Кочеев и Л. М. Чевалков; в те годы еще студенты А. В. Гребенщиков, А. Д. Журавлева, Л. С. Марсадоллов, лаборант А. С. Смирнов и шоферы А. И. Артемов и А. В. Борисов.

Основной целью настоящей работы является публикация всех открытых к настоящему времени изваянии, с тем, чтобы привлечь внимание специалистов и

общественности к этим уникальным памятникам изобразительного искусства средневековых кочевников Алтая. Надеемся, что издание книги поможет сохранить от разрушения те каменные изваяния, которые находятся в районах интенсивного сельскохозяйственного и промышленного освоения.

Собранные материалы, полевые дневники и отчеты автора хранятся в архиве Института истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР. Экспедиционные отчеты, в которые также вошли сведения о почти всех каменных изваяниях Алтая, находятся в архиве Отдела полевых исследований Института археологии АН СССР. Таблицы, рисунки и фотографии в книге выполнены автором.

ПРИМЕЧАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

1. По мнению Г. А. Федорова-Давыдова, "это название относится, видимо, к XVIII в. Раньше степные статуи называли "человек камеи", "девка камня" и т. п." (Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966, с. 166). М. П. Грязнов объясняет, что название "каменная баба", первоначально применявшееся к женским статуям Южной России, затем перешло к сибирским памятникам (Грязнов М., Шнейдер Е. Древние изваяния минусинских степей.- Материалы по этнографии, Л., 1929, т. 4, вып. 2, с. 63).

2 Сводку работ см.: Евтюхова Л. А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии; М., 1952, с. 72-120 (МИА, № 24); см. также: Казакевич В. А. Намогильные статуи в Дариганге. Л., 1930; Сэр-Оджав Эртний турэгууд (VI-VIII зуун) (Древние тюрки VI- VIII вв.).- Улан-Батор, 1970, т. V, fase. 2; Грач А. Д. Древнетюркские изваяния Тувы. М., 1961; Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века. М., 1969,- с. 23-35; об изваяниях Средней Азии см. сводку работ: Шер Я. А. Каменные изваяния Семиречья. М.- Л., 1966; а также: Чариков А. А. Раннесредневековые скульптуры из Восточного Казахстана.- СА, 1976, № 4, с. 153.

3 ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18519.

4 Паллас П. С. Путешествие по разным местам Российского государства, ч. 2, кн. 2. Спб., 1786, с. 197-198.

5 Спасский Г. Путешествие по южным алтайским горам в 1809 году.- Сибирские вести. Спб., 1819, ч. 4, табл. VIII.

6 Ледебур К. Ф. Отчет о путешествии по Алтайским горам.- Записки, издаваемые Департаментом народного просвещения, Спб., 1827, кн. 2, с. 254-278.

7 Семенов П. П., Потанин Г. Н. Алтайско-Саянская горная система в пределах Российской империи и по китайской границе по новейшим сведениям 1832-1876 годов. Дополнение к III тому Карла Риттера "Землеведение Азии". Спб., 1877, с. 136.

- 8 Завалишин И. Описание Западной Сибири, т. 2. М., 1865.
- 9 Сибирские древности. Из путевых записок В. В. Радлова.- ЗРАО, 1895, т. 7, вып. 3-4, с. 172; Архив ИИМК, ф. 1, 1865 г., д. 8, акв. л. 78.
- 10 Архив ГМЭ, ф. 1, оп. 2, д. 212, л. 1-36; д. 213, л. 1-12.
- 11 Демин М. А. Археологические исследования Н. С. Гуляева на Алтае.- Изв. СО АН СССР, 1978, № 6. Сер. обществ, наук, вып. 2, с. 126.
- 12 Архив ГМЭ.ф. I, оп.2, д. 215, л. 2, 3,5.
- 13 Гуляев Н. "Писанные камни", найденные в Усть-Каменогорском уезде Семипалатинской области в 1913 году.- ЗСОРГО, Омск, т. XXXVIII, 1916, с. 263.
- 14 Потанин Г. Н. Памятники древности в Северной Монголии.- Тр. МАО, М., т. X, 1886, с. 50-57.
- 15 Ядриниев Н. М. Описание сибирских курганов и древностей.- Тр. МАО, М., т. XI, вып. 2, 1886, с. 181-205.
- 16 Адрианов А. В. Путешствие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 г.- Зап. РГО по общей географии, Спб., т, XI, 1888, с. 222, 228-229, 381-421.
- 17 Адрианов А. В. К археологии Западного Алтая.- ИАК, Пг., 1916, вып. 62, с. 79-91, рис. 34-38.
- 18 Швецова М. Алтайские калмыки.- ЗСОРГО, Омск, 1898, кн. XXIII, с. 3-4, рис. 1, 3.
- 19 Архив ЛОИА, ф, 1, д. 84-1898, л. 75; д. 32-1900, л. 1, 2, 7, 9.
- 20 "Каменная баба" в Курайской степи.- За науку в Сибири, 1980, 14 февр.
- 21 Архив ИИМК, ф. 1, 1907., д. 13.
- 22 Верещагин В. И. От Барнаула до Монголии.- Алтайский сборник, Барнаул, 1908, т. 11, с. 20, 30, 35-36, 57.
- 23 Grano J. G. Archaologische Beobachtungen von ben Reisen in ben norblichen Grenzgegenben Chinas. Aikak vskiria journal. Helsinki, 1909, табл. VIII, фиг. 26-29.
- 24 Архив ЛОИА, 1924, д. 126.
25. Это стало возможным благодаря плану оградок, снятому А. Н. Глуховым и предоставленному автору М. П. Грязновым из его личного архива.
- 28 Государственный этнографический музей, фототека №4688-8,4688-9,4688-11.

- 27 Руденко С. И., Глухов А. Н. Могильник Кудыргэ на Алтае.- МЭ, 1927, вып. III, № 2.
- 28 Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.- Л., 1965, с. 19.
- 29 Евтюхова Л. А., Киселев С. В. Отчет о работе Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 году.- ТГИМ, М., 1941, вып. XVI; Киселев С. В. Саяно-Алтайская археологическая экспедиция в 1937 году. М., 1938, № 2(3).
- 30 Евтюхова Л. А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии.- МИА, М., 1952, т. 1, № 24, с. 72-120.
- 31 Грязнов М. П. Раскопки на Алтае.- Сообщ. ГЭ, М., 1940, вып. 1, с. 17.
- 32 Рисунки изваяний хранятся в краеведческом музее г. Горно-Алтайска.
- 33 Рисунки хранятся в музее им. Бианки г. Бийска.
- 34 Евтюхова Л. А. Каменные изваяния..., с. 119, рис. 71.
- 35 Хороших П. П. Писаницы Алтая.- КСИИМК, 1947, вып. XIV.
- 36 Черников С. С. Древняя металлургия и горное дело Западного Алтая.- КСИИМК, М.-Л., 1948, вып. XXII, с. 96.
- 37 Руденко С. И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.- Л., 1960, с. 24; см. также: Евтюхова Л. А. Каменные изваяния..., с. 73, рис. 2 (каменное изваяние № 8).
- 38 Сорокин С. С. Материалы к археологии Горного Алтая.- Учен. зап. ГАНИИЯЛИ, Барнаул, 1969, вып. 8, с. 84-85.
- 39 Савинов Д. Г. Археологические памятники в районе хребта Чихачева.- АО 1971 года. М., 1972, с. 286.
- 40 Алексеев Н. А. Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск, 1980, с. 194-195, рис. 24, 25.
- 41 Един В. Н., Зиняков Н. М. Разведочные работы в Горном Алтае. - АО 1976 года. М., 1977, с. 202.
- 42 Кубарев В. Д., Кадиков Б. Х., Чевалков Л. М. Разведки по рекам Аргут, Чуя и Башкаус,- АО 1978 года. М., 1979, с. 238.
- 43 Данников Р. Л. Охрана природы - государственное дело.- В кн.: Родная природа. Барнаул, 1979, с. 37-38.
- 44 Уманский А. П. Безмолвные стражи алтайских степей.- Алтай, 1966, №

2(37), с. 107.

45 Кубарев В. Д. Древнетюркский поминальный комплекс на Дьер-Тебе.- В кн.: Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978, с. 86-97; Он же. Новые сведения о древнетюркских оградках Восточного Алтая.- В кн.: Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1979, с. 135-160; и др.

46 Кубарев В. Д. Разведка на Алтае.- АО 1977 года. М., 1978, с. 245; Он же. Работы на Алтае.- АО 1980 года. М., 1981, с. 188; и т. д.

47 Кубарев В. По следам далеких предков.- Вечерний Новосибирск, 1975, 22 сент.; Он же. Стережущие золото грифы.- За науку в Сибири, 1976, 1 янв.; Он же. Новые находки археологов.- Звезда Алтая, 1976, 2 дек.

48 Кубарев В. Д., Бакшт Ф. Б. Археологические памятники междуречья Барбургазы и Юстыда.- Изв. СО АН СССР, 1976, № 1. Сер. обществ. наук, вып. 1, с. 94-98.

49 Ерохин А. Будущее начинается в прошлом.- Рабочая трибуна, 1980, 24 июля; Он же. Дорога в глубь веков.- Вечерний Новосибирск, 1981, 12 июня; Иванова Т. По следам красного волка.- Социалистическая индустрия, 1982, 27 янв.

Г л а в а 1

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ИЗВАЯНИЙ, ИХ ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Алтай - обширная горная страна, известная своими сверкающими вершинами, тысячами голубых озер, порожистыми бурными реками, зеленью темнохвойной тайги и полынью высокогорных степей. Наиболее высокие хребты Алтая - Катунский, Северо-Чуйский и Южно-Чуйский, которые, достигая высоты 4000 м, разделяют бассейны крупнейших рек Южной Сибири - Оби и Иртыша. Истоками этих рек служат основные реки Алтая - Бия, Катунь, Бухтарма и Чуя. Для края также характерны хребты и массивы высотой 1500-2000 м, со слаборасчлененными гребнями, разделенными межгорными котловинами, получившими название степей: Чуйская, Курайская, Ябоганская и т. д.

На Алтае распространены горно-степные, горно-лесные и высокогорные ландшафты. Первые встречаются в основном на периферии горной области: в предгорьях и низкогорьях, окаймляя в виде довольно широкой полосы Западный, Северный и Южный Алтай. В Центральном Алтае степные ландшафты имеются либо в межгорных котловинах, либо на южных склонах хребтов. Горно-лесные ландшафты занимают больше половины площади края и представляют собой участки низкогорий и среднегорий, покрытых хвойными и мелколиственными лесами. И, наконец, высокогорные ландшафты характерны для наиболее возвышенных частей Горного Алтая. Формирование их определено значительной гипсометрической приподнятостью, чем объясняются суровые климатические условия, наличие современного оледенения (Горный Алтай. Томск, 1971, с. 199-

204). Орографические особенности территории позволяют разделить Алтай на отдельные области - Центральную, Южную, Восточную, Северо-Западную и Северо-Восточную.

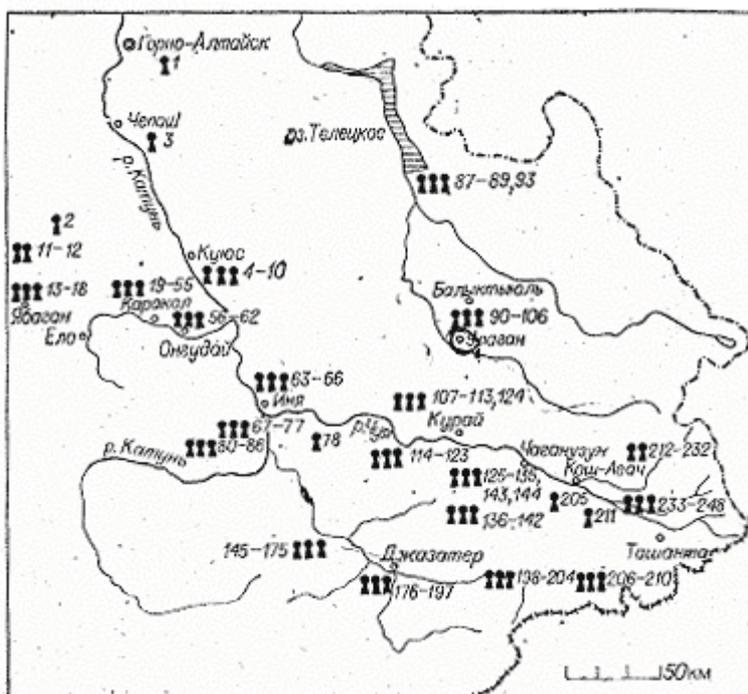

Рис. 2. Сводная карта древнетюркских изваяний Алтая.

Картографирование сведений о каменных изваяниях Алтая ограничено территорией Горно-Алтайской автономной области, так как автор по многим причинам не имел возможности ознакомиться с археологическими памятниками Юго-Западного Алтая (Восточный Казахстан).

Для наглядного представления о распределении каменных изваяний на территории Алтая составлена сводная карта (рис. 2), которая отражает также количественное распределение исследованных изваяний по районам: Майминский район - 1 изваяние, Шебалинский - 9, Усть-Канский - 8, Онгудайский - 60, Усть-Коксинский - 8, Кош-Агачский - 146, Улаганский - 20 и на остальной территории Алтая - 4 изваяния.

Наибольшее скопление приходится на Кош-Агачский и Онгудайский районы. Это, конечно же, обусловлено тем, что оба района - исконные места обитания степняков-скотоводов, материальными памятниками истории которых и являются рассматриваемые нами изваяния. Изучение картографических данных о каменных изваяниях Алтая со всей очевидностью показало, что места сооружения этих памятников выбирались в основном в межгорных котловинах ("степях") и по долинам рек. Как правило, это небольшие по площади степные долинки с панорамой на величественные, священные в древности горы. Значительная часть изваяний сосредоточена на Алтае вдоль оживленных в древности дорог и троп из Монголии, Тувы и Казахстана. Эти пути в условиях горного рельефа остаются единственно удобными и традиционными и в наши дни. В горно-лесных районах Северного Алтая не обнаружено ни одного изваяния. По-видимому, их нет и в высокогорных зонах Алтая, как не встречаются они на огромном по площади

плоскогорье Укок, отличающемся суровым климатом и трудно доступностью.

Для выяснения локальных (возможно, этногеографических) особенностей в распространении каменных изваяний их можно сгруппировать по территориальному признаку - в каждую группу объединить памятники, обнаруженные в пределах конкретной зоны. Условно все алтайские изваяния можно разделить на семь таких групп.

I. Урскульская группа (43 изваяния) находится в долине р. Урсул и по речным долинам ее притоков Талдушки, Теньги, Каерлыка, Куроты, Нижней Талды, Каракола, Улиты и Малого Ильгуменя. Характерная особенность основной части урскульских изваяний - единый стиль и манера исполнения. На широких сторонах массивных необработанных стел изображены только лица людей, иногда подчеркнута обведенные овальной чертой, намечающей очертания головы.

II. Катунская группа (33 изваяния) располагается в верхнем и среднем течении долины р. Катунь, а также в долинах ее притоков Малый Еломан, Юхтинер, Терebetы и Тургунда.

III. Улаганская группа (20 изваяний находится на Телецком озере, в системе рек Башкаус, Чулышман и по речным долинам их притоков Балыктыюль, Малая Балыкса и Большой Улаган.

IV. Курайская группа (18 изваяний) находится в основном в Курайской степи, в долинах р. Чуй и ее притоков Таджикилу, Тото, Тьдугем и у оз. Джанысколь.

V. Чаганузунская группа (20 изваяний находится в основном в долине р. Чаганузун и по долинам ее притоков Казыл-Шина, Ак-Кая, Ак-Кола, а также на левом берегу р. Чуй и в долине ее притока р.Туярык близ с. Чаганузун.

VI. Аргутская группа (61 изваяние) - в долинах рек Аргут, Коксу и Джазатера, а также в долинах их притоков Карагема, Самахи, Аюты и др. В группе представляется возможным выделить три крупных, и самостоятельных комплекса.

Первый комплекс находится на левом берегу р. Аргут, в устье р. Карагем. Насчитывает более 60 древнетюркских оградок и три больших каменных кургана. Все они расположены в небольшой горной впадине, окруженной невысокими увалами и называемой у алтайцев Кырландын-Кини. Около половины оградок могут быть отнесены к малым древнетюркским оградкам, устроенным попарно. Часто у одной оградки стоит изваяние, а рядом - меньшая по размерам антропоморфная стела. В таком же сочетании встречаются у оградок и парные разновысокие стелы. В Кырландын-Кини пять изваяний (табл. XXIV, 146-150), которые объединяются небольшими, почти одинаковыми размерами и примитивной техникой обработки.

Продолжением этого комплекса, очевидно, можно считать группу каменных изваяний на противоположном (правом) берегу р. Аргут у старой лодочной переправы (по-алтайски Кеме-Кечу). Местность Кеме-Кечу представляет собой низкую и ровную надпойменную террасу площадью не более 3 кв. км. На ней установлено 13 каменных изваяний, сооружена 21 древнетюркская оградка, поставлено 4 стелы, устроено 5 курганов и более десятка ритуальных выкладок в

виде колец, небольших курганчиков и т. п. (табл. XXV). Из этой группы резко выделяются более тщательной обработкой, подробной детализацией головных уборов, одежды и вооружения три каменные фигуры (табл. XXV, 151, 153; табл. XXVI, 158).

Основную часть второго комплекса составляют изваяния из Макажана. Небольшая степь Макажан площадью 4-5 кв. км. находится на правом берегу р. Коксу, в приустьевой ее части. Археологические объекты в Макажане расположены в основном в двух противоположных концах степи: курганы в северо-восточной, а древнетюркские оградки в юго-западной.

Оградок 68. У 15 из них найдены целые каменные изваяния (табл. XXIX, 179-184; табл. XXXI, 186-192) или крупные их обломки.

Третий комплекс, включающий несколько десятков древнетюркских оградок, курганы и ритуальные каменные выкладки, расположен на высокогорном плато Кып-чыл, отделяющем долину р. Джазатер от поймы устья р. Аюты. Исключительно интересны две сооруженные рядом оградки, с восточной стороны которых установлены реалистично исполненные каменные изваяния (табл. XXXIII, 198, 199). Они окружены валом и рвом. К западу и юго-западу от оградок с изваяниями находится могильник, насчитывающий два-три десятка каменных насыпей.

VII. Чуйская группа (47 изваяний) в долине Чуи, ее истоков и притоков: Чаганбургазы, Кокоринки, Бугузу-на, Текелю, Барбургазы и Юстыда. Несколько изваяний находится в Сайлюгемской и Узунтальской степях (междуречье Барбургазы и Бугузуна).

В обширной Чуйской степи, занимающей значительную часть Кош-Агачского района, изваяния зафиксированы у подножия гор, окружающих степь со всех сторон. Они сгруппированы в основном по долинам рек. Основная же масса каменных изваяний находится в северо-восточной части Чуйской степи, на границе с Тувой и Монголией. Несмотря на то, что многие из них (Мухор-Тархата (табл. XXXV, 205), Терс-Акан (табл. XXXV, 211), Ак-Товурак (табл. XXXVI, 214), Ардун-Тебе (табл. XXXVII, 221), Дьер-Тебе (табл. XXXVIII, 222) и т. д.) были установлены одиночно, все они входили в какой-то культовый комплекс, включающий, как правило, погребальные памятники разных эпох, самые различные культовые выкладки, в том числе многочисленные древнетюркские оградки со стелами и балбалами и очень часто петроглифы. Но наиболее интересны те комплексы, в Чуйской степи, где изваяния встречены целыми группами. Например, такой самостоятельной группой можно считать пять каменных изваяний (табл. XXXV, 206-210) из долины р. Ча-ганбургазы, входящих в комплекс из нескольких курганов древнетюркского времени, и около десятка оградок.

Другой характерный комплекс находится в среднем течении р. Бугузун, в урочище Малталу. В нем сосредоточены курганные могильники ранних кочевников и поминальные сооружения. Причем могилы устроены в западной части, а древнетюркские оградки, изваяния, выкладки, стелы и одиночные курганы ритуального характера в основном в восточной части долины. В центре урочища выделяются типичные номинальные сооружения древнетюркской знати.

В необычных условиях были найдены три каменных изваяния (табл. XLVI, 240-242) в глухом логу Чадыр (междуречье Барбургазы и Юстыда). Они стояли неподалеку друг от друга в небольших прямоугольных оградках. Три другие оградки, несомненно, имеющие прямое отношение к изваяниям, были сооружены в некотором отдалении от них.

Другие каменные изваяния, открытые или известные в северо-западных районах Алтая, в значительной части своей смещены со своих первоначальных мест установки и являются разрозненными остатками некогда многочисленных групп изваянии, входивших в древнетюркские культовые комплексы. Так, Ануйская и Чарышская группы (табл. I; табл. II, 11-18), расположенные в долинах рек Песчаная, Белый Ануй, Чарыш и Ябоган, насчитывают всего девять изваянии. Несомненно, что в этих районах раньше было несравненно больше изваянии, но они не сохранились до наших дней ввиду интенсивного освоения степных долин под земледелие.

Большое число каменных изваяний, открытых на территории Алтая, свидетельствуют об их широко налаженном производстве. Мастерские заменяли каменные карьеры, созданные самой природой. Десятками и даже сотнями в разломах лежат каменные блоки и плиты правильной прямоугольной формы. Они в основном и использовались для изготовления изваянии.

Более половины алтайских изваяний выполнены именно на таких, специально подобранных, каменных блоках, уже внешне напоминающих очертания человеческой фигуры. Такие антропоморфные блоки и плиты для большего сходства подтесывались, их грани округлялись оббивкой и последующей шлифовкой. Очень часто и удачно использовались скатанные плиты и валуны удлиненных форм. Определение Пород камня, из которого изготовлены изваяния, показало, что главным материалом служили мягкие породы: песчаник, гнейс, алевролит и различные сланцы. Гораздо реже применялись интрузивные горные породы: граниты, диориты и габбро, что, конечно же, связано со сложностью их обработки. Материал некоторых изваянии удалось "привязать" к конкретным свитам пород и с большей точностью к определенным скальным выходам. Как и предполагалось, местонахождения древнетюркских культовых комплексов с изваяниями, стелами и оградками чаще всего располагались в непосредственной близости от выходов этих пород. Например, в районах верхнего течения р. Чаганузун у с. Бельтыр в обнажениях верхней катунской свиты и кок-узекской свиты верхнего кембрия преобладают удобные выходы песчаников, алевролитов и хлорит-серицитовых кремнистых сланцев. Породы эти мягкие, пестроцветные, что и привлекало древних каменотесов, создававших Чаганузунскую группу изваянии. Удалось установить, что здесь материал для изготовления изваяний брался всего в 1-2 км от мест их установки.

Аналогично, по-видимому, складывалась картина в районах степей Самаха и Макажан, а также плато Кып-чыл, где имеются доступные скальные обнажения песчаников, алевролитов и хлорит-серицитовых сланцев, относящихся к катунской свите верхнего кембрия. Особенно ярко выражены они на стрелке рек Аргут и Коксу, где в основном и находятся изваяния Аргутской группы. Только в районах Юстыда, Барбургазы и Сайлюгемской степи древним мастерам приходилось вывозить каменные заготовки или уже готовые изваяния в места их установки на

расстояние до 10 км и более. Здесь преобладают темно-серые, серые, иногда зеленоватые породы. Преимущественно это алевролиты, песчаники и глинистые сланцы, несомненно, взятые из доступных обнажений ташантинской свиты среднего девона.

Точная "привязка" сделана и для образцов некоторых изваяний из долины р. Бугузун. Материал, взятый для их изготовления, характеризует бугузунский комплекс высокометаморфизованных пород докембрия. Среди изваяний Кош-Агачского района также выделяется небольшая группа (шесть фигур), для которой был использован одинаковый материал. Это в основном разновидности мусковитового гнейса, иногда искрящегося на изломе блестками слюды. Порода эта относится к кубадринскому комплексу, и выходы ее находятся в осевой части Курайского хребта. И если на реках Кокоринке, Бугузун заготовки для изваяний были взяты всего в 3-5 км от мест их установки, то для изваяний Чуйской степи (Мухор-Тархата, Терс-Акан и др.) они вывозились на расстояние до 15-20 км.

Остальные образцы алтайских изваяний точной стратиграфической привязки не дают, ибо встречаются во многих свитах и сериях самого разного возраста от верхнего протерозоя до карбона включительно.

Технические приемы выаяния и применяемые инструменты в целом, вероятно, были одинаковыми у мастеров Алтая, Тувы, Монголии и Семиречья, так как каменные изваяния - памятники единого круга средневековых кочевников. Культовый характер памятников канонизировал не только иконографические черты древнетюркских изваяний, но и определил консервативность основных технических приемов. Это достаточно хорошо видно, если сравнить каменные изваяния из различных, иногда отдаленных друг от друга регионов Центральной и Средней Азии.

Самым распространенным техническим приемом у древнеалтайских мастеров был барельеф. Значительная часть изваяний Алтая выполнена в технике высокого и низкого рельефа. Наряду с ними на Алтае очень много изваяний и лицевых стел, на гладких поверхностях которых точечной техникой нанесены только изображения лица или головы человека. Все детали на таких изваяниях выполнены серией редких и неглубоких точек, иногда сливающихся в полосу или неглубокий желобок. Крайне редко на алтайских изваяниях встречается техника контурного резного рисунка и совсем мало изваяний, где сочетаются контурная техника и элементы барельефа.¹

Работа мастера над изваянием проходила несколько основных стадий. Грубая первоначальная обработка каменного блока включала контурное выявление основных объемов - головы, плеч, рук, талии фигуры. Затем делался острием ножа эскизный набросок или рисунок кистью лица, украшений, деталей костюма, сосуда и оружия. Специальными ударными инструментами типа долота углублялся "фон" вокруг намеченных деталей. Окончательная отделка включала шлифовку отдельных фигур, а в некоторых случаях, возможно, и раскраску деталей в различные цвета.

По иконографии алтайские изваяния могут быть разделены на четыре основных типа.

1. Изваяния с сосудом в правой руке, с поясом и оружием. Группа насчитывает 56 фигур, выполненных в основном в технике барельефа из мягких пород камня. Их также объединяет тщательность обработки и единая изобразительная манера: мужчина анфас, держит правой рукой сосуд перед грудью, левая опирается на рукоять сабли или кинжала.

2. Изваяния с сосудом в правой руке, без оружия - 42 фигуры. Исполнены в технике барельефа, отдельные детали - контурным резным рисунком, преимущественно на мягких породах камня. Объединяющим признаком служит отсутствие изображений оружия, а также пояса у некоторых изваяний. Сохранен основной изобразительный канон: мужчина анфас, держит правой рукой сосуд перед грудью, левая - на поясе или под правой рукой.

3. Изваяния с сосудом в обеих руках. Известно всего четыре фигуры. Две из них выполнены в технике барельефа на массивных каменных блоках. Их также объединяет изображение чрезмерно большого сосуда, поддерживаемого руками перед животом. Два других небольших изваяния, выполненные контурной и точечной техникой на сланцевых плитах. У обоих изображены миниатюрные сосуды в руках на уровне груди и показаны детали одежды.

4. Изваяния с изображением только лица или силуэта головы человека. Самая многочисленная группа - 135 фигур. (При типологическом анализе не учитывались фрагментарные и обломанные изваяния). Значительное число этих изваяний выполнено на плитах и валунах из твердых пород. Техника в основном точечная, иногда отдельные детали лица выполнены рельефом и контурной техникой. Выделяются стилистическими особенностями: особо тщательно выполнено лицо и увеличена или равна туловищу голова.

Основная масса алтайских изваяний отнесенная нами к типу 4, выполнена на стелах и даже на оленных камнях, стоявших ранее в погребальных комплексах эпохи бронзы и раннего железного века. Особенно интересны лицевые изваяния Урскульской группы (табл. III-V, VIII-IX). Все они выполнены на массивных стелах, которые ранее стояли у афанасьевских курганов и у больших курганов ранних кочевников. Не случайно на них точечной техникой нанесены только лица, так как полная обработка таких стел из гранита или гранодиорита требовала значительных физических затрат.

Вторичное использование стел под изваяния, очевидно, объясняется не только отсутствием близлежащих каменных разломов с мягкими породами, но и какими-то идеологическими воззрениями древних тюрков. Может быть, одиноко стоящие стелы на могильниках более всего подходили для "вселения в них душ умерших". Возможно, эти представления и были заложены в основе обычая повсеместного использования более древних памятников под изваяния. Так, в логу Чадыр, на р. Карагем и в степи Макажан стелы скифского времени даже не перенесены из небольших прямоугольных оградок. На широких сторонах этих стел выбиты человеческие лица. На примере урскульских и других лицевых изваяний хорошо видно, что данный изобразительный канон, прежде всего, был обусловлен техническими трудностями, связанными с обработкой твердых пород камня, а не с забытой традицией изготовления объемных реалистичных фигур типов 1 и 2. Этот фактор необходимо учитывать при хронологических построениях, так как некоторые исследователи считают лицевые изваяния самыми поздними из всех древнетюркских изваяний и выделяют их в особый стеловидный тип. В прямой

зависимости от материала зачастую была и техника ваяния. Поэтому и технические приемы мастеров не могут быть положены в основу классификации изваяний или использованы в качестве объективных признаков для датировки этих памятников. Одним из основных источников для датирования каменных изваяний остаются изображения различных предметов на них. Для этого используется известный и испытанный метод сопоставления изображенных предметов с конкретными находками из древнетюркских погребений и с другими памятниками изобразительного искусства. Такой сопоставительный анализ проведен в следующей главе.

Г л а в а 2

РЕАЛИИ НА ИЗВАЯНИЯХ КАК ИСТОЧНИК ПО ХРОНОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Рассмотрение предметов, изображенных на алтайских изваяниях, позволит установить дату отдельных фигур, а также выявить этнографические особенности одежды, головных уборов и других реалий. Все изображения (реалии) можно разделить на восемь групп: головные уборы, одежда, серьги, гривны и ожерелья, сосуды, пояса, оружие, сумочки и другие предметы.

Головные уборы, изображенные в основном на изваяниях типов 1 и 2, могли подразумеваться и на изваяниях типа 4. Для них сознательно подбирались плиты и валуны с конической, округлой или прямоугольной верхней частью. Но, несмотря на всю выразительность отдельных лицевых изваяний, предполагаемые типы головных уборов на них не рассматриваются, потому что эти реалии носят явно субъективный характер.

Разнообразные головные уборы изображены всего на 49 фигурах. Среди них можно выделить четыре основных типа (рис. 3)

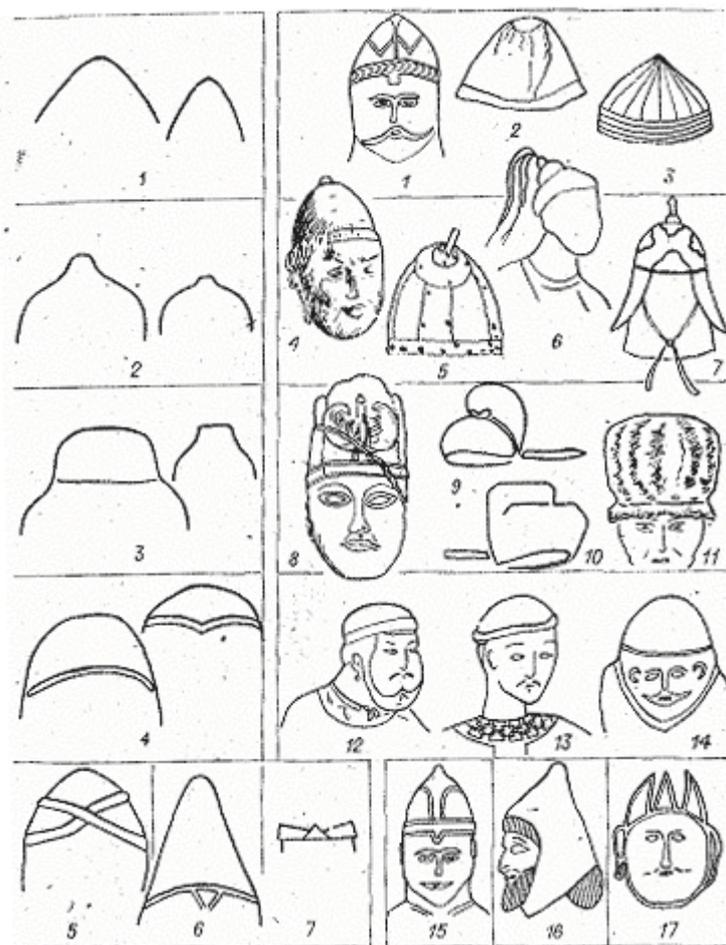

Рис. 3. Головные уборы.

Левая сторона: 1-7 - типы головных уборов на изваяниях; правая сторона: 1 - половецкий шлем, 2 - алтайский головной убор - колпук, 3 - тибетейка, 4 - кушанский шлем на скульптуре из Таксилы, 5 - кыргызский шлем, 6 - головной убор на персонаже из Варахши (бухарский Согд), 7 - маньчжурский шлем, 8 - головной убор на скульптуре Кюль-Тегина из Кошо-Цайдама (Монголия), 9, 10 - китайский головной убор-путоу, 11 - алтайская меховая шапка, 12 - налобная повязка на персонаже из Афрасиаба (Тохаристан-Чаганиан), 13 - облегающая шапочка на персонаже из Пенджикента, 14, 15 - шлемы на половецких статуях, 16 - скифский колпак на воине из Персеполя (Иран), 17 - трехрогая личина из Семиречья.

Тип 1 Шапочки конической или сфероконической формы, плотно облегающие голову, являются одним из преобладающих видов уборов (изваяния 4, 37, 78, 93, 99, 120, 122, 132, 133, 194, 205, 234, 246, 255). По форме они напоминают наиболее распространенные у кочевников Центральной и Средней Азии тибетейки 1. Их также можно сравнить (ввиду обобщенности очертаний и некоторой аморфности) со сфероконическими шлемами половецких изваянии 2. Такие металлические шлемы, конечно же, могли изображаться и на алтайских изваяниях воинов, так как они были широко распространены в древнетюркской армии. На Алтае подобный головной убор дожил до наших дней в виде шапочки, называемой колпук или колпук 3.

Тип 2. По форме почти не отличается от головных уборов типа 1. Выделение их в отдельный тип обусловлено наличием одной дополнительной детали - круглой

шишки на макушке. Изображены на изваяниях 50, 70, 90, 91, 95, 97, 100, 112, 134, 138, 146, 179, 240 и 248. Головной убор имеет многочисленные аналоги и, возможно, впервые появляется в Евразии в виде сфероконических шлемов, увенчанных шариком 4. Такой же формы шлемы известны по изображениям воинов с р. Елангаш 5 и на известной Сулекской писанице, где изображены кыргызские воины в шлемах с перьями 6. Сфероконический шлем с втулкой для плюмажа был известен не только у кыргызов 7, но применялся в средневековом вооружении многих народов Центральной и Средней Азии 8. Аристократия, чиновники, монахи 9 и рядовые кочевники носили в это время сходной формы головной убор, сшитый из меха, кожи или войлока. У знати такие шапки имели дополнительные украшения в виде разного рода наверхий. На шляпах (боли) монголов-завоевателей (династия Юань) и головных уборах маньчжуров наверхия украшались павлиньими перьями и драгоценными камнями, которые являлись знаками различия 10. Шапки с меховым околышем, металлическими или парчовыми наверхиями носила в XV в. знать и дворцовая челядь Средней Азии и. Круглую черную шапку (сяо мао) типа тибетейки с черной или красной шишечкой на макушке до сих пор носят в Китае 12. У современных алтайцев шапки мужские и женские не различались. Они имели коническую форму и кисточку из цветных ниток на макушке 13 т. е. идентичны по форме типу 2 головных уборов на изваяниях.

Тип 3. Шапочка усеченно-конусообразной формы изваяния 2, 11, 17, 48, 49, 121, 140, 141, 173, 203, 215, 218, 229) представлена не только на изваяниях нашей серии. Такой же формы шапочки имеют девять каменных изваяний из Тувы 14, два из Монголии 15 и три из Семиречья 16. Почти все они изображены на реалистично выполненных фигурах военачальников и знатных воинов.

Два изваяния (203, 209) из нашей серии, на головах которых изображены такие шапочки, найдены у поминальных сооружений древнетюркской знати, что, следовательно, позволяет отнести их к особым головным уборам древнетюркской аристократии. Конструкция головного убора не совсем понятна, но можно предположить, что он состоял из двух частей: круглой шапочки-основы, плотно облегающей голову, и пришитой к ней цилиндрической или усеченно-конусообразной тульи. По форме и предполагаемой конструкции он похож на шапку путоу, которую носили в Китае при династии Суй-Тан 17. Из сообщений письменных источников известно, что среди древнетюркской аристократии были распространены парадная одежда и головные уборы, присланные из Китая. Надо полагать, что если головные уборы типов 1 и 2 служили в своем исконном значении для защиты от непогоды и входили в защитное вооружение тюрков, то головные уборы рассматриваемого типа 3 являлись официальным украшением, имеющим иерархическое или ритуальное значение. Это подтверждается при сравнении головного убора, изображенного на голове древнетюркского полководца Кюль-Тегина, с парадными головными уборами тунтяньгуань на портретах сунских императоров 18. Головные уборы с высокой цилиндрической тульей, охватывающей голову нижней частью, окаймленной полосой, имеют на лбу золотое украшение бабочки - символ вечного круговорота времени. В лобной части головного убора Кюль-Тегина иное украшение - геральдическое изображение птицы, возможно являвшееся символом каганской власти. Головной убор Кюль-Тегина, несомненно, отличается размерами и подробной детализацией от головных уборов типа 3 на изваяниях из нашей серии. Но все же представляется очевидным, что все они копируют (сохраняя форму) каганский

головной убор, отличаясь лишь размерами, согласно установлениям, соответствующим рангу носителя. По этой причине головной убор оставался редким в средние века и в последующие времена, хотя и сохранился до XV в, в одежде знати Средней Азии. Последние представляли собой маленькие низкие шапки с плоским верхом и цилиндрической, редко конической, тульей 19. На Алтае и в наши дни мужчины и женщины носят сходной формы головные уборы, сшитые из лапок зверей, с высоким меховым околышем, суживающимся назад 20.

Тип 4. Шапочки гладкие, очевидно металлические, плотно облегающие голову. Изображены на изваяниях 41, 176, 182, 187, 193, 230. Судя по пенджикентским росписям, головной убор подобного типа был известен в Средней Азии и изображался только на персонажах с выраженными, монголоидными чертами 21. Он также ассоциируется с налобными лентами-повязками на персонажах степных росписей в Афрасиабе 22 и Дильберджине 23. Возможна связь его и с поздними половецкими шлемами полусферической формы 24.

Тип 5. К этому типу можно отнести две шапки изображенные на изваяниях 151 и 153. Впрочем, они могли быть и боевыми шлемами. Оба сфероконической формы у изваяния 153 - со срезанным верхом. Выпуклыми диагональными валиками на них показаны швы на тулье (шапка) или железные полосы (шлем). Подобные головные уборы или шлемы впервые стали известны на древнетюркских изваяниях. Внешне сходные по форме и технике исполнения шлемы изображены в большом количестве на половецких изваян 25. Своей формой они также отдаленно напоминают старинные казахские шапки 26.

Тип 6. Высокий головной убор (30 см) или конический шлем с наносником 27.

Встречается в одном экземпляре (изваяние 192). (Аналогов этому головному убору можно назвать очень много, так как он повторяет форму простого мягкого колпака, известного с глубокой древности до наших дней у многих кочевых народов Евразии) 28.

Тип 7. Встречается в единственном экземпляре (табл. III, 23). Он не находит параллелей в других памятниках изобразительного искусства, являясь, очевидно, плохой копией "трехрогого" головного убора, изображенного на голове женщины, с известного кудыргинского валуна (табл. XIV, 3).

Головной убор всегда был стойким этническим определителем, сохранявшим традиционные консервативные элементы. И потому те немногие изображения разнотипных головных уборов на алтайских изваяниях свидетельствуют, на наш взгляд, не о какой-то этнической неоднородности населения, оставившего эти памятники, а скорее о различном социальном положении изображенных. Так, металлические шлемы, возможно изображенные на отдельных изваяниях, в реальной жизни представляли собой дорогостоящие предметы, свидетельствующие о высоком социальном положении их владельцев. То же самое можно сказать и о шапках типа 3, изображенных только на каменных фигурах древнетюркской знати. Шапка и пояс у кочевников являлись не переменным знаком власти и знатности, как, например, сочетание слов "пояс и шапка" в древнем Китае всегда было связано с представлением о карьере чиновника 29.

Одежда редко изображалась на алтайских изваяниях. Но на многих фигурах

показан менее или более глубокий вырез верхней распашной одежды, открывающий шею и часть груди (рис. 4). На двух изваяниях (181, 198) одежда детализирована двусторонними, треугольной формы, отворотами. Причем на изваянии 198 лацканы отворотов показаны с застежками. Судя по этим изваяниям, более распространенной манерой было изображение одежды, расстегнутой на груди, полы которой отворачивались и образовывали лацканы, т. е. в данном случае запечатлен один из способов ношения верхней одежды. Два других изваяния (151, 153), свидетельствуют о втором способе ношения верхней одежды, когда ее ворот наглухо застегивался у шеи.

У некоторых изваяний (139, 141, 153, 168, 173, 247 и др.) на груди и вокруг шеи изображены меховые воротники. В последнем убеждает необычно высокий рельефный валик, при помощи которого и показана эта непременная деталь наплечной зимней одежды. Шубы, сшитые из ценных мехов, носила древнетюркская знать, о чем свидетельствуют археологические данные 30. Такие шубы крылись дорогим шелком и иногда украшались многочисленными золотыми бляшками (порой до тысячи штук). Возможно, именно такие золотые бляшки полусферической формы были найдены нами в одной из поминальных оградок, раскопанных в логу Чадыр (табл. XLVI, 1). Наиболее выразительным доказательством существования такой парадной одежды является изваяние 177 из Самахи. На нем выбивкой изображены мелкие круглые бляшки. Они нанесены в определенном порядке: на вороте, плечах и рукавах, что прямо соответствует оформлению дорогой тканью ворота и плеч одежды на персонажах фресок Афрасиаба и Пенджикента, датируемых VII-VIII вв.³¹ Как известно, на них изображены в основном знатные согдийцы и тюрки. В значительной мере. это подтверждается сравнением их одежды с одеждой тюрков, изображенной на семиреченских и отчасти на алтайских изваяниях (рис. 4, 1-4, 9). Общее сходство (верхняя одежда одинакового покроя, с левым запахом, двусторонними отворотами и манжетами; наборный пояс с однотипными оружием и аксессуарами; общность прически - косы, лежащие на спине 32) дополняется такими немаловажными деталями, как цветовая раскраска одежды, которая позволила установить характер и происхождение тканей. В основном это были узорные шелка из Ирана и Китая, нередко местные среднеазиатские камчатные ткани 33, что опять же подтверждается археологическими материалами 34. Таким образом, в одежде средневековой знати Центральной и Средней Азии заметен процесс нивелировки этнических особенностей костюма, что, несомненно, было связано с политической обстановкой в этих регионах. Возможно, в древнетюркскую эпоху "уже создались синтезированные формы одежды, сложившиеся на базе как согдийского, так и тюркского костюма"³⁵. В известной мере процесс этот повлиял на характер одежды кочевников и в последующие времена. Подобного покроя одежды (называемой исследователями кафтанами или халатами) мы увидим на многих половецких статуях 36 и в одежде современных кочевых народов Центральной Азии.

Рис. 4. Одежда.

Левая сторона: 1-5 - типы одежды и защитного вооружения на изваяниях; правая сторона: 1 - одежда с двусторонними отворотами (Бамиан, VII в.), 2 - одежда с двусторонними отворотами и застежками на лацканах семиреченского изваяния (по Я. А. Шеру), 3,4 - согдийская одежда с глухим воротом (Пенджикент), 5-одежда с глухим воротом на половецкой статуе, 6,7 - одежда с меховым воротником на тувинском и семиреченском изваяниях, 8, 9 - одежда с отделкой ворота, плеч и манжет (Пенджикент), 10- 12 - защитные панцирные бляхи на тувинских и половецких изваяниях.

В состав одежды, воспроизведенной на каменных изваяниях Алтая, иногда входили круглые парные бляхи - деталь защитного панциря. Они изображались выпуклыми (изваяния 44, 219) или выбитыми кружками (изваяния 150, 182). Изваяния с нагрудными бляхами известны в Туве 37.

Украшения дополняли костюм мужчины. Они представлены на изваяниях серьгами, гривнами, ожерельями и браслетами (рис. 5).

Серьги изображенные на изваяниях 120, 121, 137, 173, 198, 199, 230, 232, 244, 248, пщ форме можно подразделить на два основных типа.

Тип 1-круглые, кольчатые, с шариком. Разновидностью являлись серьги, имеющие на шарике маленький стерженек (244). На отдельных изваяниях (121, 232, 244) колечки серег не изображались, а шаровидные подвески примыкают непосредственно к мочке уха. Такой типичный древнетюркский изобразительный прием характерен и для монгольских, тувинских, прииртышских и семиреченских изваяний 38. Они воспроизводят широко распространенную форму золотых, чаще серебряных и бронзовых серег с напаянным полым шариком (жемчужиной, стеклянной бусиной), имеющим иногда коническую или каплевидную подвеску. На Алтае такие серьги найдены в Кудыргэ 39, Сростках 40 и в Узунтале 41. Точно такого же типа серьги изображены на персонажах феодальной знати в росписях Афрасиаба 42 и Пенджикента 43.

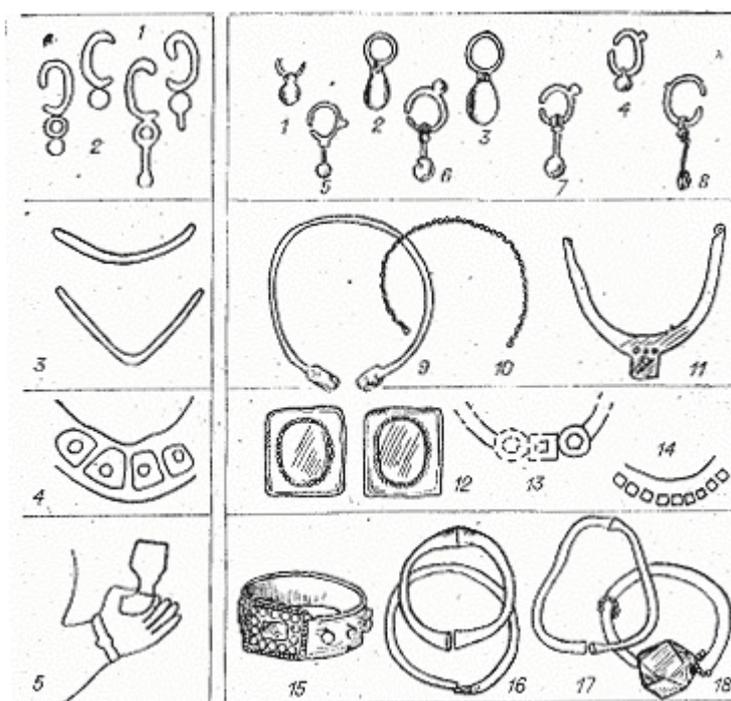

Рис. 5. Украшения.

Левая сторона: 1-5 - серьги, гривны, ожерелья и браслеты на изваяниях; правая сторона: 1-4 - серьги первого типа (Кудыргэ, Сростки - Алтай), 5-8 - серьги второго типа (Сростки, Курай - Алтай), 9 - золотая гривна из Тугознововского погребения на Чарыше (Алтай), 10, 11 - витая и пластинчатая гривны из средневековых погребений на Ближних Елбанах (Алтай), 12 - золотые бляхи со вставкой сердолика (Казахстан), 13 - ожерелье на персонаже из настенных росписей Афрасиаба (УП в.), 14 - ожерелье на одной из половецких статуй, 15, 16 - золотые браслеты из Перещепинского клада, VII в. (Полтавская обл.), 17 - серебряный браслет из Копенского чаатаса (Хакасия), 18-браслет из северокавказского погребения средневековых кочевников.

Тип 2 - круглые, кольчатые, со стерженьком, расширяющимся книзу. Разновидность - серьги с шариком на стерженьке (173, 198). Также известны на Алтае из курганов у Курая 44 и в инвентаре сrostкинской культуры 45. Позднее в памятниках кочевников восточно-европейских степей (салтово-маяцкая культура) появляются разнообразные варианты этого типа серег 46, которые изображены и на некоторых половецких скульптурах 47. В эпоху средневековья рассмотренного типа серьги были распространены в кочевническом мире от Дальнего Востока 48 до Кавказа 49. Поэтому серьги, изображенные на каменных фигурах, не могут служить точно датирующими предметами, но они все же органически входят в комплекс украшений костюма древнетюркского воина, что неоднократно подтверждалось вещественными археологическими находками.

Гривны изображены на изваяниях 44, 61, 119, 133, 144, 155, 166, 174, 175, 181, 198. Все однотипные - гладкие, круглые в сечении. Расположены в виде рельефных валиков или полос на шее каменных фигур. Золотые и серебряные гривны, известные на Алтае еще в скифское время, продолжают здесь оставаться одним из основных украшений знатного воина и в средневековую эпоху. Ранние типы таких гривн найдены в алтайских погребениях V в. на р. Чарыш у с. Тугозвоново 50 и на Ближних Елбанах близ с. Большая Речка 51. Сходным образом изображались гривны на прииртышских 52, семиреченских 53 и половецких изваяниях 54. Витые и дутые гривны, часто усложненные различными вставками, подвесками, показаны почти на всех персонажах живописи Афрасиаба и Пенджикента 55. Вероятно, менее распространены были гривны на востоке от Алтая. Например, они редко встречаются в раннесредневековых погребениях, а изображения их отсутствуют на известных изваяниях Монголии и Тувы.

Ожерелья имеются только на двух алтайских изваяниях (158, 171). Каждое состоит из четырех крупных подвесок подквадратной формы. Причем на подвесках изваяния 158 по центру дополнительно нанесены глубокие круглые ямки. Возможно, таким способом показано богатое ожерелье с подвесками, инкрустированными драгоценными камнями. По форме они напоминают квадратные золотые бляхи со вставкой крупного сердолика, найденные в Казахстане 56, или подвески из золота с сердоликом в разрушенном погребении "тугозвоновского князя" на р. Чарыш 57. Такие же подвески с драгоценными камнями были основным украшением ожерелий и гривн, изображенных на представителях согдийской и тюркской знати в афрасиабских росписях 58. На древнетюркских изваяниях ожерелья изображались очень редко. Можно указать лишь на одно изваяние из Монголии, на груди которого изображено ожерелье из крупных бус 59. Какая-то связь, вероятно, существует между ожерельями на алтайских и половецких изваяниях 60.

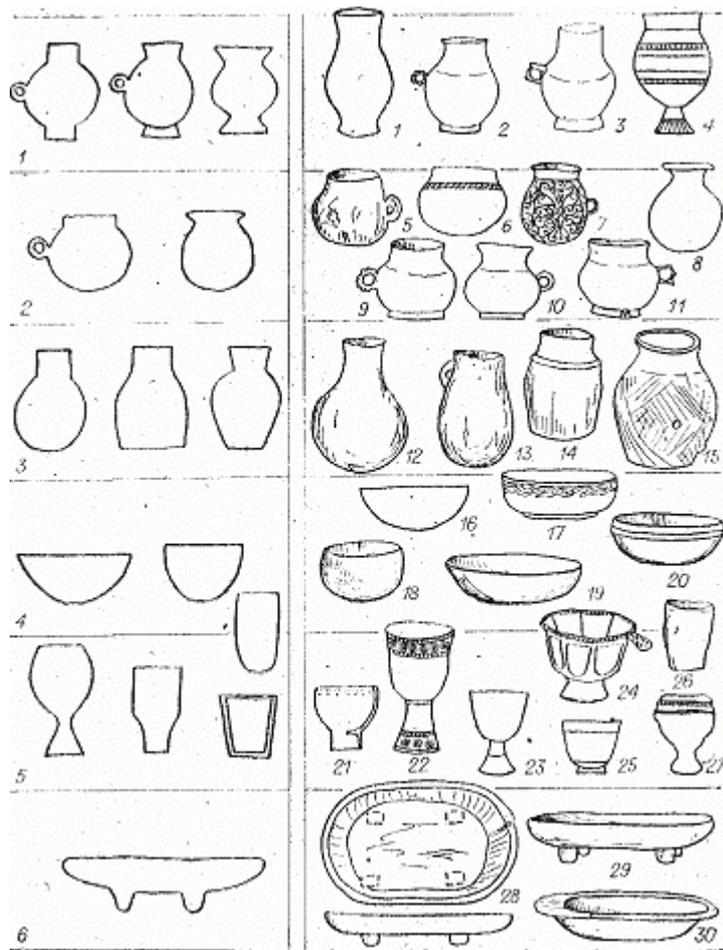

Рис. 6. Сосуды.

Левая сторона: 1-6 - типы сосудов на изваяниях; правая сторона: 1 - керамический сосуд из Елаугаша (Алтай), 2 - серебряный сосуд из Курая (Алтай), 3 - серебряный сосуд из Копенского чаатаса (Хакасия), 4 - якутский чорон, 5 -- деревянная кружка из Уландрыкских курганов (Алтай), 6 - серебряная сасанидская кружка, 7 - золотая обкладка деревянной кружки из Перещепинского клада, VI в. (Полтавская обл.), 8 - Тесинский чаатас, 9 - серебряная кружка из Туяхты (Алтай), 10 - серебряная кружка из Монгун-Тайги (Тува), 11 - серебряная кружка с Юстыда (Алтай) 12- керамический сосуд из Пазырыка (Алтай), 13 - керамический сосуд из Уландрыка (Алтай), 14 - керамический сосуд из оградки с р. Юстыд, 15 - керамический сосуд из оградки в степи Макажан (Алтай), 16 - бронзовая чаша из погребения "Над Поляной" (Хакасия), 17 - серебряная чаша (Казахстан), 18 - деревянная чаша из Уландрыка, 19 - согдийская бронзовая чаша (Пенджикент), 20 - алтайская деревянная чашка, 21 - тагарский керамический кубок, 22 - серебряный кубок из погребения на Часовенной горе (Хакасия), 23 - серебряный кубок из Урбюна (Тува), 24 - серебряный кубок из погребения "Над Поляной", 25 - сосуд из Калбак-Шата (Хакасия), 26- керамический сосуд из погребения на р. Юстыд, 27-якутский чорон, 28 - деревянное блюдо из Кокзля (Тува), 29 - деревянное блюдо из Уландрыкских курганов, 30 - алтайское деревянное блюдо - тепши.

Браслеты, также занимающие значительное место среди украшений костюма средневекового воина, изображены на изваяниях 11, 48, 78, 121, 143, 198, 229, 239 61. Они имели преимущественно форму узкого кольца с несомкнутыми закругленными концами и надевались, очевидно, путем легкого их разгибания. Такой сплошной (округлый в сечении) браслет оригинально изображен на изваянии из Казахстана 62. На руке этого изваяния показан браслет с несомкнутыми концами. Возможно, как и в этнографическое время, подобные браслеты из бронзы и низкопробного серебра были распространены среди основной массы кочевого населения; золотые браслеты, инкрустированные драгоценными камнями, носили представители аристократических родов и знатные воины. Последние и воспроизводились на изваяниях иначе - с утолщенной серединкой или округлым выступом на середине браслета. С помощью такого же простого изобразительного приема выполнены дорогие браслеты на запястьях рук древнетюркских каменных фигур Тувы и Семиречья. Аналогичные браслеты, сделанные из золотого прута с расширениями на концах и посередине, найдены при раскопках средневековых курганов Копенского чаатаса и Капчалы 63. Значительно более скромные пластинчатые бронзовые браслеты известны из погребений в Ближних Елбанах 64.

Сосуды изображены всего на 94 изваяниях и подразделяются по форме на шесть основных типов (рис. 6).

Тип 1. Сосуды с округлым, удлиненным туловом, высоким прямым горлом и вертикально профилированным поддоном (8 экз.). Вариантами этого типа были сосуды с таким же туловом, но с отогнутым горлом и конусовидным поддоном (21 экз.) Отдельные из них (изваяния 221, 233) выделяются резко отграниченным от тулова поддоном и горлом треугольной формы. Подобные по форме сосуды, выполненные из золота и серебра, были распространены на Алтае 65 и в Минусинской котловине 66 на протяжении VII-XII вв. Их форма восходит, очевидно, к традицион ным алтайским образцам. Идентичной формой керамические или деревянные сосуды на поддонах появляются на Алтае уже в скифское время 67. О местном происхождении сосудов типа 1 свидетельствует и тот факт, что сосуды рассматриваемого типа наиболее часто изображались на алтайских (29 экз.), тувинских (около 20 экз.) и крайне редко на монгольских (2 экз.) и семиреченских (5 экз.) изваяниях. Судя по многочисленным находкам в Сибири золотой и серебряной посуды такого же типа, часто с орхоно-енисейскими надписями и датирующими предметами, значительная часть сосудов типа 1 на изваяниях нашей серии относится к VII-VIII вв.

Тип 2. Сосуды с шаровидным туловом, без поддона, с невысоким прямым или отогнутым горлом. Как и сосуды типа 1, они, очевидно, имели небольшие ручки в виде круглых колечек (например, она различима на сосуде изваяния 233). На это также указывает характерное положение рук поддерживающих сосуды типа 2 на 11 изваяниях нашей серии.

Их происхождение также связано с ранними формами деревянной посуды Алтая 68 и Тувы 69. Такие же деревянные кружкообразные сосуды с округлым дном и небольшой ручкой были основной бытовой посудой и у средневековых кочевников Алтая, (табл. XLIV, 10). Им аналогичны по форме и назначению серебряные "кружки", найденные в древнетюркских погребениях Алтая 70 и Тувы 71. Особое значение имеет находка серебряного сосуда подобного типа у древнетюркской

оградки на р. Юстыд (Восточный Алтай) 72. Все эти сосуды, принадлежавшие представителям тюркской знати, по форме совпадают с сосудами, изображенными на алтайских изваяниях и выделенных нами в тип 2. Единственным несущественным различием являются встречающиеся у металлических сосудов низенькие поддоны в виде узких серебряных колечек, припаянных к округлому дну. Вполне возможно, что сосуды могли использоваться и без таких поддонов, которые, например, отсутствуют на серебряных сасанидских "кружках"⁷³ и деревянных сосудах ранних кочевников. Их могли заменять, как известно по пазырыкским курганам, войлочные кольца, пришивавшиеся на дорогие ковры. Сосуды типа 2 датируются VII-IX вв. по находкам из Монгун-Тайги и Юстыда.

Тип 3. Сосуды с округлым, удлиненным туловом и прямым высоким горлом. Варианты: 1) с округлым туловом и отогнутым конусовидным горлом; 2) с плоским дном и прямым горлом; 3) с плоским дном и отогнутым конусовидным горлом. Изображены на 22 изваяниях. Вероятно, они воспроизводят два типа керамических горшков с округлым и плоским дном, распространенных на Алтае в VII-X вв. и известных по находкам таких горшков у древнетюркских оградок (рис. 6, 14, 15). Необходимо сказать, что подобной формы керамическая посуда бытовала на Алтае уже в эпоху ранних кочевников ⁷⁴.

Тип 4. Чаши полусферической формы, без поддона (8 экз.). Вариантами являются более глубокие, полуовальной формы чаши (4 экз.). Такие чаши и чашечки из дерева повсеместно использовались в качестве бытовой посуды у населения Алтая с эпохи ранних кочевников до этнографической современности. На изваяниях же, очевидно, изображались золотые, серебряные или бронзовые чаши, распространенные в Монголии ⁷⁵ и Казахстане ⁷⁶ с VII по XII в. Судя по живописи Афрасиаба и Пенджикента, на пирах знатные согдийцы пользовались именно такими золотыми и серебряными чашами, происходящими как из Бактрии и сасанидского Ирана, так и изготовленными местными среднеазиатскими мастерами ⁷⁷. Бронзовые чаши полусферической формы были необходимой принадлежностью согдийского быта. Как показали археологические находки из Пенджикента, они принадлежали рядовым горожанам и датируются третьей четвертью VIII в.⁷⁸

Тип 5. Переходная форма от чаши к кубку, которую, вероятно, можно определить как бокаловидный сосуд, выполненный на изваяниях 8, 131 и 142. Единственная на Алтае аналогия ему - миниатюрный керамический сосуд из древнетюркского погребения IX-X вв., раскопанного нами в 1981 г. на р. Юстыд (рис. 6, 26).

Тип 6. Кубки различной формы, на ножке и без нее. Изображены на 14 изваяниях. По мнению некоторых исследователей, основными поставщиками этой парадной посуды были Иран и Китай. Однако Л. А. Евтюхова отмечает, что "такого рода глиняные сосуды в форме кубков хорошо известны в Южной Сибири и особенно в Минусинской котловине еще с тагарской и таштыкской эпох"⁷⁹. Одним из центров изготовления металлических кубков, наверное, была Средняя Азия ⁸⁰, откуда они распространились в VI-IX вв. в Восточную Европу, вплоть до Северного Кавказа ⁸¹, и отчасти в Южную Сибирь и Монголию. В последнем убеждают золотые и серебряные кубки, найденные в Хакасии ⁸² и Туве ⁸³, бытовавшие здесь до XII-XIV вв.⁸⁴. Обращает внимание и то обстоятельство, что изображения кубков имеются только на тех изваяниях нашей серии, которые обнаружены в

пограничных с Монголией и Казахстаном районах Восточного Алтая. Эти данные подтверждают выводы отдельных исследователей о распространении определенных форм сосудов по различным регионам. Так, по мнению Л. А. Евтюховой и Я. А. Шера, кубки и полусферические чаши (у нас типы 4 и 5) изображены главным образом на изваяниях Монголии и Средней Азии 85. Возможно, дорогие металлические кубки, доступные в древнетюркское время только представителям родовой знати, не были распространенным типом посуды в основной кочевнической среде. Но с течением времени и они постепенно внедрялись в бытовую посуду сибирских народов. Особенно показательны в этом отношении якутские деревянные чороны, прототипами, которых, несомненно, послужили средневековые кубки 86.

Всего один сосуд (изваяние 214) имеет форму овального блюда на четырех ножках. Подобные деревянные блюда-столики, предназначенные для мясной пищи (тепши - алт., тепси - хакас., tevsi - древнетюрк.), найдены в большом количестве в курганах ранних кочевников Алтая 87 и соседней Тувы 88. Их форма и назначение почти не изменились до наших дней. Тем более очевидным представляется использование таких блюд у кочевников Алтая в древнетюркский период 90. Изображение блюда на изваянии встречено впервые. Может быть, в таком необычном изобразительном приеме заложена информация о жертвенном назначении этого типа деревянной посуды, обломки которой неоднократно находили в алтайских оградках вместе с остатками мясной пищи. Наше предположение основано и на местоположении блюда в нижней части изваяния, т. е. у подразумеваемых ног каменной фигуры.

Пояса были непременной принадлежностью костюма древнетюркского воина. Цвет, материал, украшения и характер прикрепленных к ним предметов обычно служили знаками различия военной аристократии, жрецов, чиновников и купечества. Богатые пояса украшались наборами золотых или серебряных бляшек различной формы, драгоценными камнями. На подвесных ремешках к поясам прикреплялись палаши, сабли, ножи, мешочки, оселки и другие предметы.

Пояса, различные по степени отделки и сочетанию наборов, выполнены на 82 алтайских изваяниях. Представляется возможным разделить их на шесть типов.

Тип 1. Гладкие пояса в виде рельефных валиков или узких полос; пояса, намеченные на некоторых фигурах Двумя параллельными бороздками (всего 42 экз.). Отсутствие на поясах наборных бляшек не должно интерпретироваться как знак низкого социального положения (хотя бы по той причине, что 14 изваянии нашей серии на гладких поясах имеют оружие), это, скорее всего, широко распространенный в древнетюркской иконографии изобразительный прием. В качестве примера могут послужить каменные изваяния Семиречья, где из 32 поясов, выполненных на них, только 4. детализированы изображениями накладных блях 81. Гладкие пояса невозможно датировать, но, судя по алтайскому изваянию 199, входящему в единовременный поминальный комплекс древнетюркской знати, они могли изображаться и на ранних изваяниях VII-VIII вв..

Тип 2. Пояса с гладкими бляшками квадратной или подпрямоугольной формы, на которых в отдельных случаях имитированы узкие прорезы для подвесных ремней (25 экз.). Такие пояса без декоративных подвесных ремешков считаются одним из ранних типов. Сопутствующие им сумочки с волютами (датирующиеся

поррхонским статуям 730 г. н. э.), кинжалы "уйбатского" типа и другие предметы, изображенные на алтайских изваяниях 143, 191, 198, 214, 215, 228, 233, уточняют раннюю дату (VII-VIII вв.) их установки. Простые пояса с гладкими бляшками бытовали и в более позднее время. Такой пояс, например, изображен на изваянии 182, датированном изображениями нагрудных блях X, возможно IX в;

Тип 3. Пояса с округлыми бляшками, имеющими прорези в нижней части для подвесных ремней (4 экз.). Похожие по форме поясные бляшки обнаружены в Кудыргэ. 93

Тип 4. Пояса с полукруглыми, со срезанным нижним краем бляшками 2 экз.). Подобного рода бляшки зафиксированы на поясах из древнетюркских погребений VII- VIII вв. в Туэкте (Алтай) и Монгун-Тайге (Тува)⁹⁴ и во многих других средневековых памятниках Евразии ⁹⁵.

Тип 5. Представлен одним поясом на известном изваянии "Кезер" (121) в Курайской степи. Набран бляшками редкого типа - подквадратной формы с фестончатыми краями. Целый пояс со сходными по форме бляшками (рис. 7, 4) найден нами в погребении VIII-IX вв. на р. Юстыд (Алтай). Отдельные бляшки этого типа происходят из еще одного алтайского памятника у с. Иня ⁹⁶ (рис. 7, 4), Хакасии ⁹⁷, Забайкалья ⁹⁸ и даже с Амура⁹⁹. Они в основном датируются VIII-X вв.

Тип 6. Включает несколько поясов, различающихся наборами разнотипных бляшек. Обычно в поясе сочетаются бляшки трех типов: 1) квадратные, сердцевидные, округлые (изваяние 139); 2) квадратные, полукруглые, со срезанным низом и сердцевидные (изваяние 73); 3) квадратные, сердцевидные и лунницеобразные (изваяние 78). На, двух фигурах нашей серии пояса набраны бляшками двух типов: квадратными и лунницеобразными (120); квадратными и сердцевидными (247). Пояса с точно такими же комбинациями бляшек прежде всего характерны для древнетюркского времени. Они найдены в курганах Туэкты, Курая 100 и Барбургасы (рис. 7, 7), в погребении у изваяния 235 из Ак-Кообы (табл. XLIV, 7). Среди поясов, выделенных нами в тип 6, особенно интересен пояс, выполненный на фигуре 11 (табл. II). В его вполне обычный набор из подквадратных и сердцевидных блях включены две оригинальные бляшки подквадратной формы с крестообразной прорезью. В Сибири, на изваяниях, да и среди археологического материала, бляшки такого типа не встречаются. Несколько подобных бляшек найдено только в Средней Азии, а также на поясах знатных согдийцев в живописи Пенджикента 101. По-видимому, они местного, согдийского, происхождения.

Наборные пояса рассмотренного типа в VI-X вв. были распространены на всей территории Евразии. Они сохранились и в традиционном costume ряда современных народов: алтайцев, тувинцев, казахов, киргизов, ногайцев, каракалпаков и др.

Оружие служило одним из показателей знатности и высокого социального положения в древнетюркском обществе. (Наступательное оружие ближнего боя - мечи, палаши, сабли и кинжалы в средневековье были привилегией феодальной знати, состоятельных лиц и профессиональных воинов. На 57 каменных фигурах с Алтая, вероятно, показаны все виды указанного оружия, бытовавшего в V-X вв. от

Дальнего Востока до Кавказа 102. К сожалению, многие из них (25 экз.) изображались очень схематично и примитивно - в виде узкой или широкой полосы, контурным желобком и т. д. Понятно, что такие изображения, к тому же часто выполненные без соблюдения масштаба, не являются достоверным источником по оружию. Единственное, что можно сказать о них, - все они в основном изображали меч или саблю. Последние обычно помещались также с левой стороны, наискось по отношению к поясу фигуры. Однако некоторые из этих изображений дополняются редкими деталями, характерными для отдельных видов оружия ближнего боя. Так, на изваянии 84, возможно, изображен меч раннего типа с овально-кольцевидным навершием или рукоятью. Мечи с кольцевидными навершиями найдены в памятниках III- VII вв. на Алтае 103, в Туве 104 и Восточной Европе 105. Они также изображены в живописи Афрасиаба и Пенджи-кента 106. На других аморфных рисунках оружия (изваяния 2, 17, 33, 35, 133, 14.3, 144, 203 и др.) показаны ножны, скрепленные обоймами с полукруглыми выступами-петлями для ремней портупеи. Вполне может быть, что они все-таки являются законченными изображениями палашей и сабель, не имевших на рукоятках перекрестий. Ведь такие палаши и сабли известны даже среди единичных находок на Алтае 107 и в Минусинской котловине 108. Сабля без перекрестья, но с характерными насечками на рукояти 109 изображена и на изваянии 48 публикуемой серии. О применении такого вида оружия в Центральной Азии свидетельствуют другие его изображения на изваяниях Тувы, Монголии 110 и Семиречья 111

Мечи или палаши с крестообразными перекрестиями изображены на изваяниях 185, 192 и 229. От сабель их отличают длинные рукояти и прямые клинки с ножнами.

Сабли с крестообразными перекрестиями отмечены на 12 изваяниях. На тщательно выполненных экземплярах (изваяния 36, 120, 228, 230 и др.) хорошо заметно, что рукояти сабель отогнуты в сторону лезвия. Слабо изогнуты и клинки сабель. На рукояти сабли изваяния 214 показано округлое навершие. Сабля, - так же как и мечи палаши, носилась в ножнах на левом боку, в наклонном положении, для чего верхний ремень портупеи делали короче нижнего.

Кинжалы изображены на 16 изваяниях. Значительная часть их (11 экз.) выполнена в той же условной манере, что и сабли. На пяти других изваяниях (121, 143, 151, 214, 218) показаны крестообразные перекрестья. Почти все кинжалы имеют ножны с полукруглыми или подквадратными петлями для ремней. Несмотря на внешнее сходство кинжалов с саблями, первые отличает от вторых:

- 1) малые размеры (на отдельных экземплярах рукоять почти равна по длине клинку); 2) горизонтальное расположение кинжалов под поясом (параллельно ему); 3) рукояти некоторых кинжалов отогнуты под острым углом в сторону лезвия (58, 214, 233 и 254). Последние экземпляры относятся к так называемому "уйбатскому" типу, выделенному еще Л. А. Евтюховой на изваяниях Тувы и Монголии (рис. 8, 7-11 77-11). Датируются эти кинжалы VII- VIII вв.

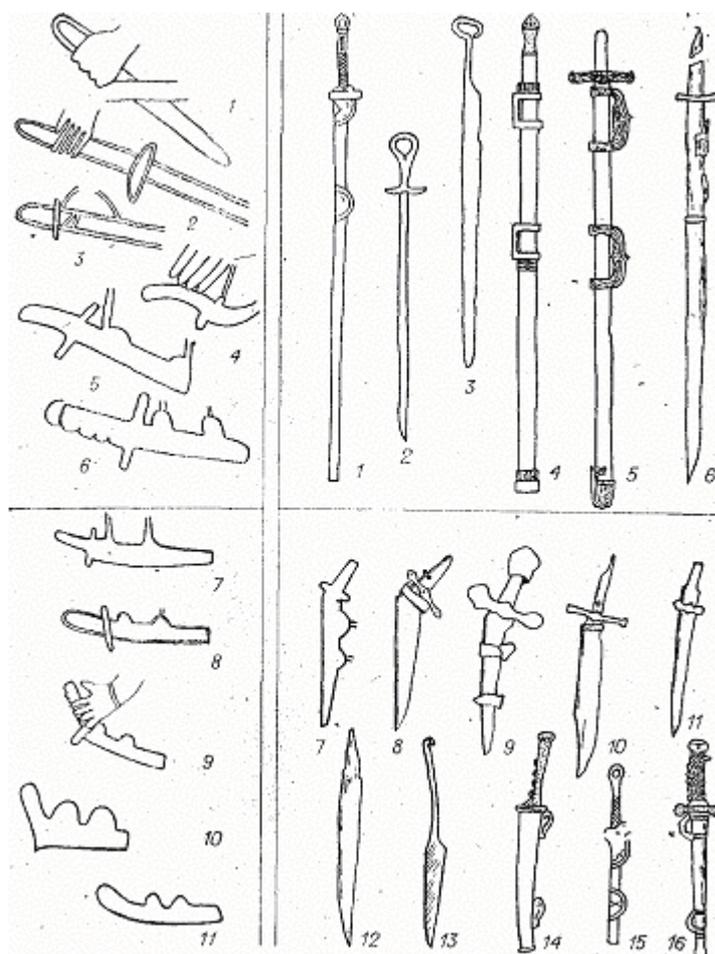

Рис. 8. Оружие.

Левая сторона: 1, 2 - мечи, 3 - палаш, 4-6 - сабли, 7-и - кинжалы;
правая сторона: 1 - изображение меча на персонаже из Пснджикента, 2 -
железный меч III-V вв. из Тувы, 3 - железный меч из Берели (Алтай), 4 -
железный палаш в ножнах (погребение на р. Чарыш - Алтай), 5- железный
меч в ножнах (Сростки - Алтай), 6- железная сабля из погребения на
Ближних Елбанах (Алтай), 7 - изображение кинжала на изваянии из
Деспена (Тува), 8 - кинжал из Уйбатекого чаатаса (Хакасия), 9 - кинжал с
"Архиерейской" заимки близ г. Томска, 10, 16 - кинжалы из средневековых
могильников на Северном Кавказе, 11 - кинжал из Тополи (Харьковская
обл.), 12, 13 - железные кинжалы с Ближних Елбанов и Курая (Алтай), 14,
15, 16 - изображения кинжалов изнастенных росписей Пенджикента.

Рис. 9. Сумочки и другие предметы.

Левая сторона: 1-5 - типы сумочек и точильных брусков, изображенных на изваяниях; правая сторона: 1 - железное огниво из погребения в Ак-Кообы (Алтай), 2 - железное огниво из тувинского погребения, 3 - бронзовая пряжка из впускного алтайского погребения в Уландрыкских курганах (Алтай), 4 - изображение полукруглой сумки на тувинском изваянии 12 (по А. Д. Грачу), 5, 6 - железные огнива из Узунтала и Кор-Кечу (Алтай; по Д. Г. Савинову и А. С. Васютину), 7 - кожаная сумочка с серебряными застежками из древнетюркского погребения на р. Юстыд (Алтай), 8, 9 - точильные бруски из Ак-Кообы и Кудыргэ (Алтай), 10 - сумочка на поясе персонажа из настенных росписей Пенджикента, 11 - изображение сумочки на прииртышском изваянии (по А. А. Чарикову), 12, 13 - шелковые мешочки из погребения на р. Юстыд, 14 - роговая подпружная пряжка из Кудыргэ, 15, 16 - железные огнива из Барбургазы и Кор-Кечу (Алтай), 17 - тувинское кресало этнографического времени.

Нож имеется всего лишь на одном алтайском изваянии (71). По форме он напоминает точильные брусочки, подвешенные к поясам многих центрально-азиатских фигур. Но расположение его на левом боку, где всегда находится оружие, позволяет отождествлять этот предмет именно с ножом. Ножи, как известно, иногда изображались на изваяниях 113.

На десяти наиболее тщательно выполненных изваяниях рассмотренные типы оружия представлены одним комплектом, включающим саблю и кинжал. Вероятно, такие комплекты дорогого оружия, нередко инкрустированные золотом и драгоценными камнями, являлись неременной принадлежностью костюма древнетюркских аристократов. В таком же сочетании (меч и кинжал) изображено оружие у персонажей пенджикентской живописи. При этом очевидно, не случайно

рукояти, ножны и украшения мечей и кинжалов совпадают по форме и украшениям. Корни этой традиции уходят в глубокую древность. С мечом и кинжалом, обложенными золотом, был погребен знатный сакский воин в кургане Иссык 114.

Сумочки разной формы и величины воспроизведены на 53 изваяниях (рис. 9). Все они изображены подвешенными к поясу с правой стороны, в двух случаях (изваяния 111 и 214) - по две рядом. Преобладающая форма сумочек круглая (тип 1 - 29 экз.). К типу 2 нами отнесены сумочки полукруглой формы (7 экз.). Имеются на изваяниях и сумочки овальной (тип 3 - 10 экз.), полуовальной (тип 4 - 4 экз.) и трапециевидной (тип 5 - 3 экз.) форм. Рядом с сумочками нередко изображены узкие точильные бруски, подвешенные к поясу.

Разнообразные кожаные мешочки, содержащие минеральные красители, бронзовые зеркала, а также различные амулеты (глазчатые бусины, косточки фруктов, кусочек горного хрусталя, человеческие зубы и др.), были найдены в алтайских курганах ранних кочевников (V-III вв. до н. э.). Традиция изготовления таких мешочков или сумочек сохранилась у древнетюркского населения Алтая. Об этом свидетельствуют изображения сумочек на изваяниях и археологические параллели им из раскопок погребений древнетюркского времени. На Алтае кожаные сумочки найдены в курганах Курая. В одной из них находились несколько кремней и железное огниво. Здесь же обнаружены и мешочки, сшитые из узорчатого китайского шелка 115. Совершенно идентичной формы шелковый мешочек известен из древнетюркского погребения VIII-IX вв., раскопанного нами на р. Юстыд. Он лежал внутри небольшой кожаной сумочки с серебряными застежками. Для того чтобы не потерять этот мешочек, и одному углу его пришили шелковую нитку, другим; концом скрепленную с кожаной сумочкой (рис. 9).

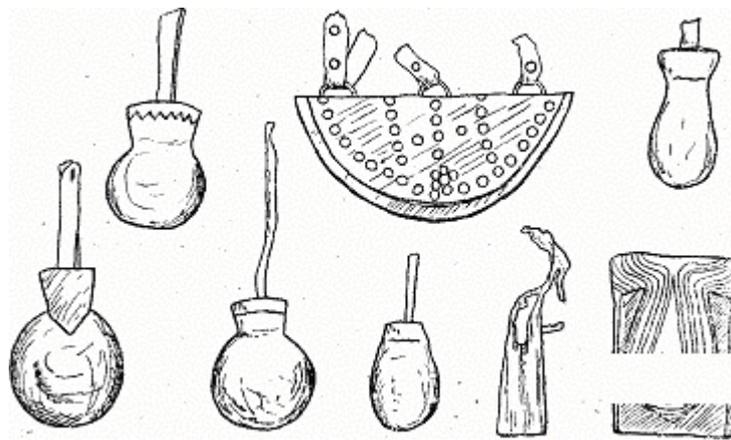

Рис. 10. Алтайские сумочки из школьного музея с. Бельтыр.

На Алтае при раскопках найдено несколько кожаных сумочек, имеющих с наружной стороны фигурные железные накладки с пряжечками - огнива. Подобные сумочки-огнива, изображенные и на каменных изваяниях (рис. 9), являлись основным прибором для добывания огня у средневековых кочевников Южной Сибири 116 и Средней Азии 117.

Железные огнива, впервые появившиеся в Центральной Азии где-то в VII-VIII вв., очевидно, сменили традиционный деревянный прибор для добывания огня 118,

который был известен еще ранним кочевникам (V-III вв. до н. э.). Огнива, иногда их называют кресалами, стали особенно распространенными в кочевнической среде в X-XIV вв., сохранившись до наших дней в быту многих сибирских народов.

Сумочки или мешочки для мелких предметов, называемые каптаргак, наблюдал в XIII в. у кыпчаков Гильом Рубрук 119. Это название сохранилось у алтайцев для охотничьих кожаных сумок полукруглой формы 120 (рис. 10). У алтайцев до сих пор бытуют сумочки и других форм.

Точильные бруски, выполненные на поясе некоторых каменных фигур, довольно часто встречаются среди погребального инвентаря древних тюрков 121. Но, пожалуй, самой близкой аналогией этой группе предметов может служить длинный, квадратный в сечении брусочек, найденный нами в погребении у изваяний 235 из Ак-Кообы (табл. XLIV, 6). В отличие от кудыргинских он не имеет отверстия, необходимого для подвешивания бруска к поясу. Подобные брусочки, вероятно, - носились в специальных чехлах, сшитых из кожи или ткани.

Итак, суммируя краткие данные, полученные в результате анализа реалий на алтайских каменных фигурах, сделаем некоторые выводы. Прежде всего, необходимо сказать о датировке изваяния. Сопоставление реалий, изображенных на фигурах (1-го и 2-го иконографических типов), и предметными аналогиями из датированных погребений Алтая и сопредельных областей позволяет отнести значительное число алтайских изваяний к VII-X вв. Из их числа представляется возможным выделить группу фигур, датируемых VIII в. комплексом предметов (головные уборы, сосуды, пояса, оружие и др.), изображенных на них. В основном это изваяния, входящие в поминальные сооружения древнетюркской знати (табл. XIX, 114, 115; табл. XXX, 185; табл. XXXII, 194; табл. XXXIII, 198, 199; табл. XXXIV, 203 и табл. XXXV, 209), и изваяния, отнесенные нами к первому иконографическому типу.

Другие изваяния типов 1 и 2 не имеют точной даты, но и среди них, возможно, есть ранние (фигура 84 с оружием VI-VII вв.) и более поздние - X-XI вв. К последним, вероятно, относится примитивно выполненное изваяние 204, установленное у малой оградки, входящей в поминальный комплекс древнетюркской знати на плато Кыпчыл (табл. XXXIV, 1).

Расположение оградки с этим изваянием между двумя основными сооружениями уже само по себе свидетельствует о поздней дате изваяния 204. Да и установка его рядом с реалистично исполненным изваянием 203, несомненно, изображающим представителя местной аристократии, могла быть осуществлена только спустя много лет после сооружения кыпчильского памятника 122.

Изваяния типа 3 (с сосудом в обеих руках), несмотря на некоторые стилистические различия между собой, также должны быть отнесены к уйгурскому периоду (VIII- IX вв.) по изображениям сосудов и выразительным аналогиям из Тувы 123. Пожалуй, единственное, что их отличает от тувинских фигур, это установка лицом на восток у типичных поминальных оградок 124.

Изваяния типа 4 практически невозможно датировать из-за отсутствия на них изображений каких-либо предметов. Однако, судя по тому, что они составляют более половины всех известных на Алтае изваяний, среди них, несомненно, также

есть ранние и поздние фигуры. Хронологические различия между ними могут быть отражены в разных изобразительных манерах. Так, в серии лицевых изваяний типа 4 большая группа фигур имеет только изображение лица или, точнее, головы человека. В них заметны такие стилистические особенности, как отсутствие бороды и усов на многих экземплярах и тщательно выполненные уши. Эта группа локализуется в основном в долинах рек Урсул (табл. III) и Катунь (табл. XIII). Отдельные фигуры подобного типа встречаются в междуречье Башкауса и Чулышмана (табл. XXXI, XXXII) и на реках Барбургазы (табл. XLV) и Юстыд (табл. XLVII). Возможно, что некоторые изваяния из этой группы созданы еще в дотюркский период, но какие конкретно, сказать пока трудно. Ведь именно они входят в большие и древнейшие на Алтае культовые комплексы, включающие кроме курганов различных эпох самые разнообразные ритуальные выкладки, в том числе оградки, первые из которых, вероятно, были сооружены уже на рубеже нашей эры. Где-то здесь впервые и появились прото-тюркские изваяния, подобные лицевому изваянию-валуну из Кудыргэ (табл. XIV, 93), датируемому VI-VII вв. Основная же масса изваяний типа 4 относится к VIII-X вв. и выполнена в той же технике и манере, что и фигуры двух первых типов. В первую очередь это ряд стилистических аналогий в изображении глаз, бровей и других деталей лица. Поздние изваяния типа 4, установленные у малых оградок, отличаются грубым примитивным исполнением и датируются X-XII вв., а возможно, даже еще более поздним временем (вплоть до XIV в.). Они находятся в отдаленных районах Алтая (табл. XXI, 125, 126, 128, 135; табл. XXIV, 149, 150; табл. XXVII, 164, 167 и др.).

В заключение следует отметить, что многие исследователи, используя довольно устаревший сравнительный анализ для определения даты и культурной принадлежности изваяния, отмечали все несовершенство этого метода, не претендующего на безошибочность и точность. Следует полагать, что в будущем он будет дополнен какими-то новыми, более совершенными методами.

Одним из источников, полнее характеризующим исследуемые памятники, остаются каменные оградки с балбалами, которые сопровождают почти все алтайские изваяния. Их прекрасная сохранность, наличие датирующих находок и новые конструктивные элементы устройства служат не только для уточнения даты некоторых древнетюркских изваяний, но и являются ключом для разгадки их семантики.

ПРИМЕЧАНИЯ

ГЛАВА 2

1 Народы Средней Азии и Казахстана. М., 1963, с. 248, 417.

2 Плетнева С. А. Половецкие каменные изваяния.- САИ, М., 1974, вып. Е4-2, с. 25-26, рис. 6, 1.

3 Сатлаев Ф. Кумандинцы. Горно-Алтайск, 1974, с. 133, рис. 16.

4 Горелик М. В. Кушанский доспех.- В кн.: Древняя Индия. М., 1982, с. 100-102, табл. 11, яс, а, к.

-
- 5 Окладников А. П. Петроглифы долины р. Елангаш. Новосибирск, 1979, табл. 68, 87, 89.
- 6 Худяков Ю. С. Вооружение енисейских кыргызов. Новосибирск, 1980, с. 147, табл. 1.
7. Там же, с. 129, табл. XLIV.
- 8 Новгородова Э. А. Памятники изобразительного искусства Древнетюркского времени.- В. кн.: Тюркологический сборник 1977 г. М., 1981, с. 218; Лобачева Н. П. Средневековый костюм раннесредневековой эпохи.- В кн.: Костюм народов Средней Азии. М., 1979, с. 37, рис. 4, 4.
- 9 История искусства народов СССР, т. 2. М., 1973, с. 25, рис. 12.
- 10 Сычев Л. П., Сычев В. Л. Китайский костюм. М., 1975, табл. XXVIII, 4-й и 6-й ряды.-
- 11 Горелик М. В. Среднеазиатский мужской костюм на миниатюрах XV-XIX вв.- В кн.: Костюм народов Средней Азии. М., 1979, с. 66, рис. 7, 35, 36, 38, 45.
- 12 Стариков В. С. Материальная культура китайцев. М., 1967, с. 102.
- 13 Потапов Л. П. Очерки по истории алтайцев. М.- Л., 1953, с. 294.
- 14 Евтюхова Л. А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии.- МИА, М., 1952, вып. 24, изваяние 35; Грач А. Д. Древнетюркские изваяния Тувы. М., 1961, изваяния 5, 37, 44; Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века. М., 1969, с. 28, рис. 3.1, 3, 4; Он же. Древняя Тува. М., 1979, с. 128. рис. 90, 2, 4.
- 15 Евтюхова Л. А. Каменные изваяния..., с. 74, 80.
- 16 Шер Я. А. Каменные изваяния Семиречья. М.- Л., 1966, изваяния 30, 57, 124.
- 17 Сычев Л. П., Сычев В. Л. Китайский..., с. 59-60, табл. XXVIII, 1-й и 2-й ряды.
18. Там же, с. 57-58, табл. XXVI, 5, 6.
- 19 Горелик М. В. Среднеазиатский мужской костюм..., с. 66, рис. 7, 55.
- 20 Потапов Л. П. Очерки по истории..., с. 294.
- 21 Лобачева Н. П. Средневековый костюм..., с. 23, рис. 1, 2, с. 39.
- 22 История искусства народов СССР, т. 2, с. 14-15, рис. 2, 3.
- 23 Кругликова И. Т. Настенные росписи в помещении 16-го северо-восточного культового комплекса Дильберджина.- В кн.: Древняя Бактрия. М., 1979, с. 132, рис. 19.
- 24 Плетнева С. А. Половецкие каменные.... с. 26, рис. 6, 5.

25. Там же, рис. 6 , 3.

26 Народы Средней Азии и Казахстана, с. 415, рис. 5.

27 По форме идентичен с половецкими коническими шлемами. См.: Плетнева С. А. Половецкие каменные..., с. 26, рис. 6, 4.

28 Акишев К. А., Акишев А. К. Происхождение и семантика иссыкского головного убора.- В кн.: Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. Алма-Ата,- 1980, с. 14, -рис. 1-4.

29 Сычев Л. П., Сычев В. Л. Китайский ..., с. 56.

30 Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, с. 527.

31 Лобачева Н. П. Средневековый костюм..., с. 23, рис. 1, 2, 4 и т. д. .

32. На Алтае только у двух изваянии (102, 224) ияображены косы.

33 Лобачева Н. П. Средневековый костюм..., с. 28.

34 Степи Евразии в эпоху средневековья.- В кн.: Археология СССР. М., 1981, с. 38,

41. Китайские шелковые ткани золотистого и темно-красного цвета от одежды найдены нами также при раскопках древнетюркских курганов VIII-IX вв. на р. Юстыд. Материалы не опубликованы.

35 Лобачева Н. П. Средневековый костюм..., с. 24.

36 Плетнева С. А. Половецкие каменные..., с. 34-35, рис. 12.

37 Вайнштейн С. И. История народного искусства Тувы. М., 1974, с. 69, рис. 7, 9.

38 Евтюхова Л. А. Каменные изваяния..., с. 105-106, рис. 62, 7, 8; Грач А. Д. Древнетюркские изваяния Тувы. М., 1961, с. 62; Чариков А. А. Каменные скульптуры средневековых кочевников Прииртышья - В кн.: Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана. Алма-Ата, 1980, с. 135; Шер Я. А. Каменные изваяния..., изваяния 1, 25, 94.

39 Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.- Л., 1965, с. 39, табл. XVIII, 1.

40 Грязнов М. П. История древних племен верхней Оби.- МИА, М - Л., 1956, № 48, табл. XI, 15, 16.

41 Савинов Д. Г. Древнетюркские курганы Узунтала.- В кн.: Археология Северной Азии. Новосибирск, 1982, с. 108, рис. 5, 5, 7,

42 Искусство Средней Азии и Казахстана, с. 14-15, рис. 2, 3.

- 43 Лобачева Н. П. Средневековый костюм..., с. 27, рис. 2, 7; с 37. рис. 4, 6.
- 44 Евтюхова Л. А., Киселев С. В. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 году.- Тр. ГИМ, 1941, XVI, рис. 23.
- 45 Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981, с. 135, рис 87, 88 (Старая Преображенка).
46. Там же, с. 150, рис. 37, 3-5; 98, 99, 140, 141.
- 47 Плетнева С. А. Половецкие каменные..., с. 39, рис. 14, 18 -тип IV.
- 48 Деревянко Е. И. Мохэские памятники среднего Амура. Новосибирск, 1975, с. 243, 244, табл. XLVI, 3, 4; табл. XLVII.
- 49 Степи Евразии в эпоху средневековья, с. 179, рис. 62, 13; 147, 148 и т. д.
- 50 Уманский А. П. Погребение эпохи "Великого переселения народов" на Чарыше.- В кн.: Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978, с. 148, рис. 20; с. 151, рис. 22.
- 51 Грязнов М. П. История древних племен..., табл. XLV, 1, 20; табл. XLVII, 12, 14.
- 52 Чариков А. А. Каменные скульптуры..., С. 134, рис. 2, 25, 26.
- 53 Шер Я. А. Каменные изваяния..., с. 81, табл. IV, 17; табл. VIII, 37; и др.
- 54 Плетнева С. А. Половецкие каменные..., с. 46, рис. 20, 9-14.
- 55 Лобачева Н. П. Средневековый костюм..., с. 31, рис. 3, 1-3.
- 56 Засецкая И. П. Золотые украшения гуннской эпохи. Л., 1975, с. 50-51, рис. 29-30.
- 57 Уманский А. П. Погребение эпохи..., с. 153, рис. 23.
- 58 Искусство Средней Азии и Казахстана, с. 14, 15, рис. 2, 3.
- 59 Казакевич В. А. Намогильные статуи в Дариганге. Л., 1930, табл. XI, 2.
- 60 Плетнева С. А. Половецкие каменные..., с. 45, 46, рис. 20, 1--8.
- 61 Необходимо оговориться, что некоторые изображения браслетов ничем не отличаются от манжет или обшлагов одежды ввиду их одинакового воспроизведения.
- 62 Чариков А. А. Новая серия каменных статуй из Семиречья. В кн.: Средневековые древности евразийских степей. М., 1980, с. 217, рис. 4, 14.

- 63 Евтюхова Л. А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан, 1948, с. 58, 59, рис. 106.
- 64 Грязнов М. П. История древних племен..., табл. XLV, 2, 3.
- 65 Евтюхова Л. А., Киселев С. В. Отчет о работах..., с. 103 табл. 1, 1, 2.
- 66 Евтюхова Л.А. Археологические памятники..., с. 44 рис. 71, 72.
- 67 Кубарев В. Д., Гребенщиков А. В. Курганы Чуйской степи.- В кн.: Сибирь в древности. Новосибирск, 1979, с. 71 рис. 10, 4.
- 68 Руденко С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.- Л., 1953, табл. XXI, 1, 2; Кубарев В. Д. Новые находки эпохи ранних кочевников в Горном Алтае.- В сб.: Очерки социально-экономической и культурной жизни Сибири. Новосибирск, 1972, с. 59, табл. IV, 1,3.
- 69 Грач А. Д. Древние кочевники в центре Азии. М., 1980 с. 175, рис. 37, 8.
- 70 Евтюхова Л. А., Киселев С. В. Отчет о работах..., с. 113 табл. II, 2, 3.
- 71 Грач А. Д. Археологические исследования в Кара-Хою и Монгун-Тайге.- ТТКАЭЭ Ин-та этнографии АН СССР, М.-Л., т. 1, 1960, с. 139, рис. 88.
- 72 Кубарев В. Д. Новые сведения о древнетюркских оградках Восточного Алтая,- В кн.: Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1979, с. 142, рис. 8.
- 73 Кинжалов Р. В., Луконин В. Г. Памятники культуры са-санидского Ирана. Л., 1960, рис. 13.
- 74 Руденко С. И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.- Л., 1960, табл. XVII, 1, 2.
- 75 Древнемонгольские города. М., 1965, с. 281, рис. 143; Смирнов Я. И. Восточное серебро. Спб., 1909, табл. XIII, 176- 178; табл. XCIV, 179-180.
- 76 Агапов Н., Кадырбаев М. Сокровища древнего Казахстана. Алма-Ата, 1979, с. 125, рис. 5; Степи Евразии в эпоху средневековья, с. 245, рис. 72, 82.
- 77 Маршак Б. И., Крикис Я. К. Чилекские чаши,- Тр. ГЭ. Вып. 7, т. X. Культура и искусство народов Востока. Л., 1969, с. 57.
- 78 Распопова В. И. Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л., 1980, с. 121, рис. 80, 3; с. 125, рис. 83.
- 79 Евтюхова Л. А. Археологические памятники..., с. 108.
- 80 Шер Я. А. Каменные изваяния..., с. 43-44.

- 81 Степи Евразии в эпоху средневековья, с. 107, рис. 4а, 11, с. 116, рис. 13, 46; с. 178, рис. 62, 71, 87, 125.
- 82 Гаврилова А. А. Новые находки серебряных изделий периода господства кыргызов.- КСИА, М., 1968, вып. 114, с. 27, рис. 6.
- 83 Савинов Д. Г. Погребение с серебряным кубком.- Учен. зап. ТНИИЯЛИ, Кызыл, 1973, вып. XVI, с. 219, рис. 1.
- 84 Степи Евразии в эпоху средневековья, с. 249, рис. 74, 5, 5, б.
- 85 Евтюхова Л. А. Археологические памятники..., с. 108; Шер Я. А. Каменные изваяния..., с. 43-44.
- 86 Потапов И. А. Якутская народная резьба по дереву. Якутск, 1972, с. 54-55, рис. 6.
- 87 Кубарев В. Д. Новые находки..., с. 59, табл. 4, 2.
- 88 Дьяконова В. П. Археологические раскопки на могильнике Кокэль в 1966 г.- ТТКАЭЭ, Л., 1970, т. III, с. 235, табл. 1, 31 и др.
- 89 Тошакова Е. М. Кожаная и деревянная посуда и техника ее изготовления у южных алтайцев.- В кн.: Материальная культура народов Сибири и Севера. Л., 1976, с. 193, рис. 10.
- 90 Вайнштейн С. И. Памятники второй половины I тысячелетия в Западной Туве.-ТТКАЭЭ, М.-Л., 1966, т. II, с. 335,
- 90 Шер Я. А. Каменные изваяния..., изваяния 4, 5, 19, 33.
- 92 Амброз А. К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы.- СА, 1971, № 3.
- 93 Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ..., табл. XV,
- 94 Степи Евразии в эпоху средневековья, с. 128-129, рис. 23, 12, 15
95. Там же, с. 128-129, рис. 23.
- 96 Уманский А. П. Археологические памятники у села Иня. - Изв. Алтайского ГО СССР, Барнаул, 1970, вып. 2, с. 65, рис. 6, 1, 2.
- 97 Киселев С. В. Древняя история..., с. 625, табл. IX, 70, 11.
- 98 Степи Евразии в эпоху средневековья, с.147, рис. 35, 4.
- 99 Деревянко Е. И. Мохэские памятники..., с. 237, табл. XXXIX, 12, 37.
- 100 Евтюхова Л. А., Киселев С. В. Отчет о работах..., рис. 15, ЦО, табл. III.
- 101 Распопова В. И. Металлические изделия..., с. 95, рис. 67, 3, 4.

102 Степи Евразии в эпоху средневековья, с. 109, рис. 5, 1-3; 20-23; с. 124, рис. 20, 29-30; с. 132, рис. 23-25, 26; с. 144, рис. 33, 86-87; с. 272, рис. 94, 6-9; и т. д.

103 Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ..., с. 55, рис. 4, 12.

104 Кызласов Л. Р. Древняя Тува, с. 115, рис. 81, 1.

105 Степи Евразии в эпоху средневековья, с. 109, рис. 5, 21.

106 Распопова В. И. Металлические изделия..., с. 75-77, рис. 49, 50, 3.

107 Грязнов М. П. История древних племен..., табл. XXXVIII, 1, 2; Уманский А. П. Погребение эпохи..., с. 138, рис. 9. ,

108 Худяков Ю. С. Вооружение енисейских кыргызов. Новосибирск, 1980, с. 35, табл. IV, 5, 6; с. 43, табл. VIII, 5- 7.

109 Насечки делались для того, чтобы рука не скользила, удобно и плотно охватывая рукоять сабли или кинжала.

110 Евтюхова Л. А. Археологические памятники..., с. 111, рис. 67, 7, 11-14, 17.

111 Шер Я. А. Каменные изваяния 6-8, 12, 18-20 и т. д.

112 Евтюхова Л. А. Археологические памятники..., с. 112, рис. 68.

113. Там же, с. 113.

114 Акишев К. А. Курган Иссык. М., 1978, с. 105, табл. 24.

115 Киселев С. В. Древняя история..., с. 541, табл. 11.

116 Кызласов Л. Р. Древняя Тува, с. 104, рис. 34, 7.

117 Распопова В. И. Металлические изделия..., д. 128, рис. 86, 1.

118 Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ..., табл. XII.

119 Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957, с. 96.

120 Потапов Л. П. Этнический состав и происхождение алтайцев. Л., 1969, с. 174.

121 Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ..., табл. X, 3; табл. XIX, 9; и т. д.

122. Еще одним фактом, подтверждающим наше предположение, является традиционная установка одной-двух каменных фигур в одном поминальном сооружении древнетюркской знати (см. гл. 3), тогда как в кыпчильском

комплексе у трех оградок первоначально стояли три изваяния.

123 Евтюхова Л. А. Каменные изваяния..., изваяния 36, 37, 41-44, 51-57 и др.

124 "Уйгурские" изваяния из Тувы уже устанавливались без оградок. См.: Кызласов Л. Р. Древняя Тува, с. 198.

Г л а в а 3 ПОМИНАЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ

Древнетюркские поминальные сооружения, получившие в научной литературе название древнетюркских поминальных оградок, неразрывно связаны с каменными изваяниями. На Алтае все изваяния, не смещенные с первоначальных мест, всегда стоят у таких оградок. У многих оградок вместо изваяний с восточной стороны стоят одна или две каменных стелы, иногда валун. А в восточном от оградок направлении, как и от изваяний, тянутся ряды небольших, вертикально поставленных камней-балбалов. Сами же алтайские оградки почти одинаковы по размерам и сооружены по одному принципу. Это подквадратные или прямоугольные в плане площадки, образованные поставленными на ребро плитами. Внутри оградок, как правило, каменная заброска из крупных валунов или мелкой гальки. Подобных оградок автору известно на Алтае более 2000. Но их значительно больше - многие тысячи, и поэтому вряд ли когда-нибудь можно будет назвать точную цифру.

Одним из первых древнетюркские оградки на Алтае исследовал В. В. Радлов. В мае 1865 г. им были раскопаны четыре оградки у с. Онгудай ("Ангодайская миссия") и в июне этого же года - четыре оградки на р. Тобожок в Чуйской степи (окрестности с. Кош-Агач). "Под каменными плитами одного, из них нашлась железная лопата, а под двумя другими обломки железных ножей... После их я разрыл еще 1 четырехугольную насыпь и нашел под камнями, углубясь 1/4 аршина под материк, маленькое деревянное корытце с 4-мя ножичками и заключающем в себе лежащие в порядке кости бараньего хвоста" 1. В том же 1865 году В. В. Радлов раскопал четыре оградки у с. Катанды, в которых найдены только железные удила и нож 2.

В 1916 г. А. В. Адрианов впервые на Алтае произвел раскопки оградки у каменного изваяния на р. Кара-Каба 3.

Систематические исследования древнетюркских оградок были начаты в 1924-1925 гг. Алтайской экспедицией этнографического отдела Русского музея, возглавляемой С. И. Руденко, при участии А. Н. Глухова. Характерной особенностью этих работ было стремление участников экспедиции выяснить назначение оградок, их культурную принадлежность. Очевидно, по этой причине раскопки оградок производились в различных районах Алтая. Первыми были раскопаны две оградки в урочище Пазырык и две оградки в Мешейлыке близ урочища Арагол на р. Большой Улаган. Особенно неожиданными оказались результаты раскопок оградки (4x4 м), находящейся на левом берегу р. Большой Улаган, в 2,5 км ниже впадения в нее р. Балыктыюль. Внутри оградки в яме глубиной 40 см найдены кости человека (?), овцы, кроме этого - обгоревшие угли,

миниатюрные железные удила и стремяна, пряжка и четыре наконечника стрел 4. В том же 1924 г. С. И. Руденко производит раскопки еще одной оградки у изваяния, но уже в Кош-Агачском районе, на р. Кокори (Кокоринка) 5. Одновременно с ним работает А. Н. Глухов, раскопавший четыре оградки на Бугузуне и в Узундаше (Узунтале?), в Сайлюгемской степи и оградку на р. Чибиль 8. В полевом сезоне следующего 1925 г. С. И. Руденко и А. Н. Рлухов продолжили работы на раннетюркском могильнике в урочище Кудыргэ, где они также обнаружили большую группу оградок (около 60), раскопав шесть из них в тот же год 7. Материалы раскопок из этих оградок были опубликованы только через 40 лет А. А. Гавриловой, которая в 1948 г. вскрыла в могильнике Кудыргэ еще девять древнетюркских оградок 8. В своей монографии А. А. Гаврилова впервые обобщила все сведения об алтайских оградках, посвятив описанию их отдельную главу. В ней рассмотрены вопросы, связанные с хронологией и этнической принадлежностью кудыргинских оградок 9.

Целую серию оградок на Алтае исследовали Л. А. Евтюхова и С. В. Киселев. Так, в 1934 г. были раскопаны три оградки с изваяниями у с. Кулада на р. Каракол 10; в 1935 г. - шесть оградок с изваяниями и каменной площадкой у с. Курай, в урочищах Тадила и Тотоп; в 1937 г. - оградка у с. Туэкта 12.

Анализируя результаты раскопок у оградок, Л. А. Евтюхова одна из первых приходит к выводу о жертвенном характере рассматриваемых сооружений, сравнивая их с "погребальными" памятниками орхонских тюрков 13,

В 1939 г. М. П. Грязновым были раскопаны две каменные оградки с вереницами камней-балбалов у с. Яконур (Канская степь). Несмотря на неожиданное заключение автора раскопок об этих оградках как о погребальных памятниках, существенным вкладом является новый метод исследования поминальных сооружений, предложенный М. П. Грязновым 14. Он заключается в том, что весь памятник (включая ряды камней) изучается одним общим раскопом. Именно таким способом автору данной работы удалось выявить некоторые новые детали в конструкции этих интересных и своеобразных памятников древнетюркской эпохи. В разные годы на Алтае (Пазырык, Башадар) были продолжены раскопки оградок С. И. Руденко. Как многие его предшественники, он все еще называл их иногда "курганами", а чаще всего "квадратными плиточными могилами". В одном из таких "курганов" под № 14 С. И. Руденко обнаружил небольшое углубление, в котором лежали кости передних конечностей и лопатки лошади 15.

Один жертвенный курган (со слоем угля под каменной насыпью) и три оградки на р. Аргут раскопал С. С. Сорокин в 1964 г. 16 Несколько оградок с остатками вертикально стоявших деревянных столбов в центре исследованы А. С. Суразаковым у с. Куюс на р. Катунь 17 и А. С. Васютиным на р. Кызылчин близ р. Кокоря 18.

Итак, если подсчитать число всех раскопанных оградок на Алтае, то их окажется не более 70. К ним следует прибавить еще 46 каменных оградок, исследованных Восточно-алтайским отрядом Североазиатской экспедиций ИИФиф СО АН СССР. Из этих 46 алтайских оградок 26 раскопаны нами у изваяния. Краткие сведения об оградках с изваяниями и рисунки находок помещены в Приложении настоящей работы 19.

Таким образом, для территории Алтая в настоящее время мы располагаем данными раскопок приблизительно 116 древнетюркских оградок. По имеющимся материалам пока еще невозможно дать полную исчерпывающую периодизацию древнетюркских оградок, но выделить основные типы представляется возможным уже сейчас. Первая такая попытка уже была предпринята в свое время А. А. Гавриловой. Из общей массы тогда еще мало изученных алтайских оградок древних тюрков она выделила два типа: кудыргинский и яконурский. Принимая предложенную А. А. Гавриловой типологию древнетюркских оградок Алтая, мы, в свою очередь, на основании новейших данных, полученных при исследовании восточно-алтайских оградок, предлагаем расширить типологию и дополнить ее тремя новыми типами.

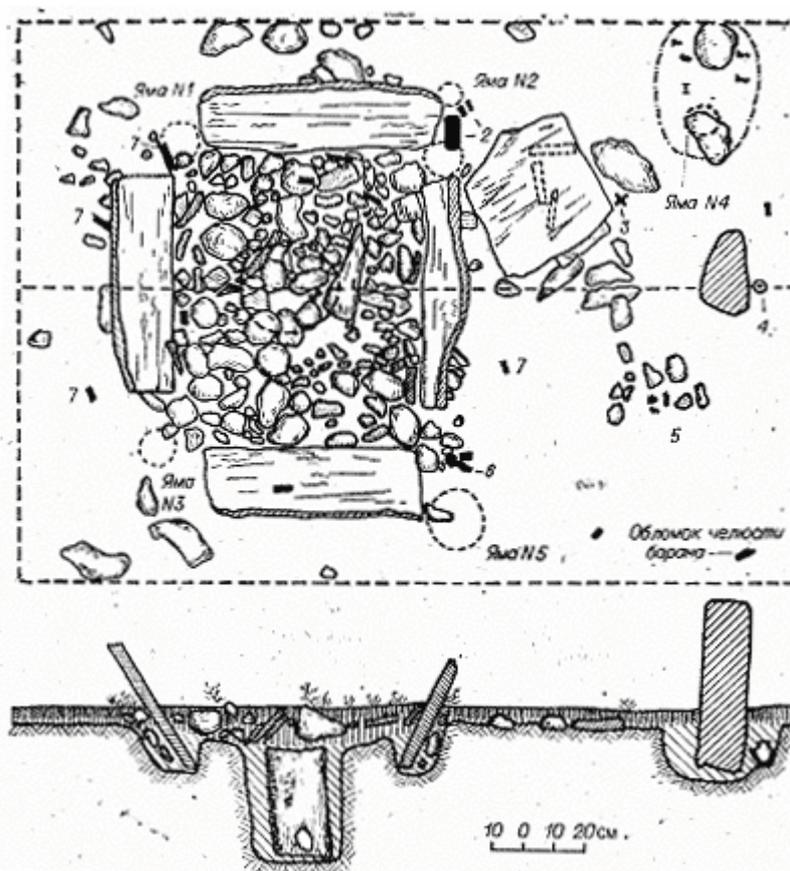

Рис. 11. План и разрез оградки юстыдского типа.

1 - кострище над ямой № 4, 2- каменная зернотерка и зубы лошади, 3 - фрагмент керамики, 4 - серебряный сосуд, 5- слабое кострище с углями, 6 - тазовая кость лошади, 7- зубы лошади.

Итак, среди исследованных оградок Алтая может быть условно выделено пять типов древнетюркских оградок: 1) кудыргинский, представленный коллективными смежными оградками; 2) яконурский - рядом стоящие оградки с изваяниями или антропоморфными стелами; 3) юстыдский - одиночные оградки, сооруженные, как правило, из четырех плит с остатками ствола дерева в центре и жертвенными сосудами (рис. 11, 12); 4) уландрыкский - со стелой или валуном, в центре оградки; 5) аютинский - особые поминальные оградки древнетюркской знати, окруженные валом и рвом.

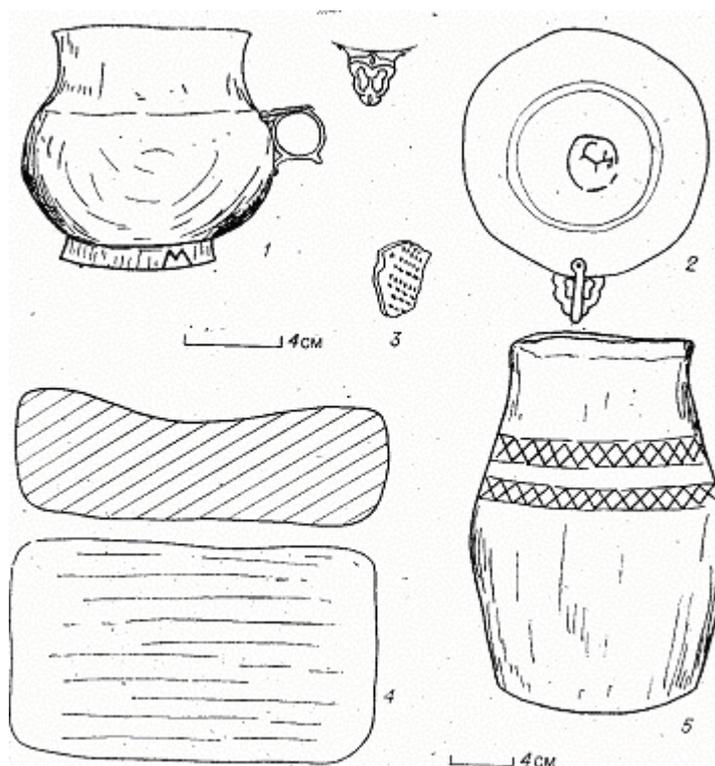

Рис. 12. Находки из юстыдских оградок.

1 - серебряный сосуд, 2 - прорисовка тамги на дне сосуда, 3- фрагмент керамики, 4-каменная зернотерка, 5-керамический сосуд.

Особый интерес представляют оградки аютинского типа, открытые пока только в юго-восточных районах Алтая. Автору известно десять подобных памятников. Первое поминальное сооружение было открыто и описано С. С. Сорокиным 20. Оно находится на высокогорном плато Кыпчыл, в приустьевой части р. Аюты (левый приток Р. Джазатер). Включает в себя две каменные оградки (размеры первой 4,1х4,9, второй - 4,7х4,3 м). С восточной стороны оградок было вкопано два каменных изваяния (198, 199), выполненных с большим мастерством. Изваяния и оградки окружены подпрямоугольными в плане земляным валом и рвом (табл. XXXIII, -1). Внешние размеры сооружения 19х16 м, ширина вала достигает 1,5 м, глубина рва 0,6-1 м. На восток от второго изваяния (199) установлен ряд из 46 камней-балбалов, на расстоянии 250 м.

Второй поминальный памятник того же типа открыт нами на правом берегу р. Джазатер всего в 2-3 км вниз по реке от вышеописанного комплекса. Он состоит из трех оградок, устроенных в ряд по линии север - юг. Первая оградка (северная) составлена из плит, внутри заброска из валунов. В плане квадратная, размерами 4х4 м. В 0,2 м от нее к югу малая оградка (центральная) той же конструкции, что и первая, но меньших размеров (1,5х1,5 м). Третья оградка (южная) в 0,2 м от второй. Размеры, конструкция и внутреннее заполнение третьей оградки аналогичны данным первой оградки. У двух первых оградок с восточной стороны

каменные изваяния (203, 204). Все три оградки с изваяниями окружены земляным валом и рвом, подпрямоугольными в плане (табл. XXXIV, 1). Внешние размеры сооружения 15х х 9,5 м. Ровик, из которого бралась земля для насыпки вала, имеет ширину до 1 м и глубину приблизительно 30-40 см. От изваяния 1 (203) на восток отходит ряд невысоких, вертикально вкопанных камней. Он насчитывает 29 балбалов. От третьей оградки удалось насчитать восемь камней.

Третье и четвертое поминальные сооружения также находятся в Кош-Агачском районе, в долине р. Коксу. Одно из них в небольшой степи Макажан, на правом берегу реки. Оно представляет собой оградку, составленную из четырех массивных плит. Размеры оградки 2х2 м. Она окружена квадратными в плане валом и рвом с внешними размерами 9х9 м. С восточной стороны вал имеет понижение-проход шириной около 1 м. На восток от оградки ряд каменных столбиков (17 шт.) и небольшая (1,2х1,2 м) дополнительная оградка-жертвенник. Это сооружение нами раскопано. На внешних сторонах плит оградки обнаружены рисунки животных, тамга, а на восточной плите слабо прочерченными линиями намечен орнамент в виде кривой сетки (табл. XXX, 3). По углам оградки зачищены четыре столбовые ямки и одна в центре оградки. Во всех пяти ямках сохранились остатки обгоревших колец диаметром 6-7 см. В оградке и вокруг нее найдены кости лошади и овцы, а с восточной стороны перед оградкой в слое дерна обнаружены обломки каменного изваяния (185), под которыми зачищен раздавленный керамический сосуд (табл. XXX, 4).

Другое (четвертое) сооружение открыто на левом берегу Р. Коксу, в урочище Боголок. Это оградка, составлена из 11 плит. Ее размеры 5х5 м. Окружена земляным валом и рвом, подпрямоугольными в плане (12х8 м). Вал по углам имеет разрывы-проходы. По одному проходу в вале есть и с северной и с южной стороны. Ширина каждого 90-100 см. С восточной стороны оградки лежит разбитое каменное изваяние (табл. XXXII, 194).

Пятое, шестое и седьмое поминальные сооружения древнетюркской знати открыты автором в 1978 г. в долине р. Бугузун, берущей начало из отрогов пограничного с Тувой Шапшальского хребта. Два памятника расположены на правом берегу реки в урочище Малталу. Одно из них, пожалуй, самое интересное по конструкции, раскопано нами в том же году (табл. XLI, 7).

Шестое сооружение находится всего в 0,7 км на северо-восток от раскопанной оградки. В него входят две небольшие (размеры первой 2,2х2,2 м, второй-1,6х1,6 м) оградки, близкие к оградкам юстыдского типа тем, что составлены из четырех массивных плит каждая. Обе оградки окружены одним общим валом и рвом (12 X 10 м). Вал выложен галькой и небольшими валунами, ров глубиной не более 30 см от дневной поверхности. В валу с северной и восточной стороны по одному проходу, Изваянии нет, но с восточной стороны оградок прослеживаются два ряда поваленных и большей частью задренованных камней-балбалов.

Очень необычно седьмое сооружение, которое также необходимо отнести к древнетюркским поминальным комплексам. Оно находится почти на границе Алтая с Тувой, в 6 км вверх от устья р. Текелю, по правому берегу р. Бугузун. Устроено на высокой террасе, и представляет собой прямоугольную площадку (34х30 м), окруженную валом и рвом. В центре ее по оси север - юг три каменные насыпи. Центральная округлой формы, диаметром 9 м, две другие подквадратные

в плане (размеры первой 6 X 6 м, второй - 3,5x3,5 м) и отдаленно напоминают расплывшиеся древнетюркские оградки. С восточной стороны вал имеет три разрыва-прохода. Высота вала около 1 м, такова же и глубина рва. Изваяний и балбалов нет.

Восьмое сооружение, - пожалуй, на Алтае единственное в своем роде (табл. XXXIX). Оно расположено как раз посередине урочища Джилыкыдал в местности Ян-Гобо и в 10 км на северо-восток от с. Кокоря. Представляет собой ограду размерами 13,5x13,5 м. С восточной стороны ограды лежала заготовка изваяния из массивной плиты с изображением двух поясов и почти неразличимых фигур животных. На восток от ограды ряд балбалов, насчитывающий 57 камней на расстоянии 220 м. Многих камней в ряду недостает, в конце кольцевидная каменная кладка диаметром 1,5 м.

Из находок, имеющих прямое отношение ко времени сооружения ограды, следует отнести миниатюрные железные удила (табл. XXXIX, 3). Они были найдены при выборке заполнения из северо-западного угла ограды. Заполнение ограды состояло в основном из плит, уложенных в 4-5 слоев. Встречались также огромные бесформенные глыбы и валуны, мелкая галька. При этом в верхней незадернованной части насыпи было больше всего кварцитовых галек, мелких скатанных плиток. После окончательной выборки заполнения ограды, мощность которого превышала 1 м, выяснено, что внутреннее пространство было вымощено плитами и камнями, тщательно подогнанными друг к другу. Особенно четко прослежена вымостка снаружи ограды, с восточной стороны. Среди камней вымостки, а в основном вокруг ямы со стелой, найдены обломки челюстей и зубов лошади, обломки костей других животных, а также древесные угольки. Местами камни и земля прокалены, но кострищ не обнаружено, за исключением небольшого зольного пятна с западного края ямы под стелу-изваяние (табл. XXXIX, 223). После выборки заполнения и зачистки стало возможным подсчитать общее число плит. Их оказалось 47 (по 12 плит в северной и западной сторонах, 14 плит в южной и 9 плит в восточной стороне). При зачистке также было обнаружено шесть столбовых ям, расположенных на равном (1,5-2 м) расстоянии друг от друга вдоль восточной стороны снаружи ограждения из плит. В трех ямах найдены хорошо сохранившиеся остатки лиственничных столбов.

Но самое необычное в конструкции ограды - центральная яма, немного смещенная к северу. Заполненная сверху крупными валунами, обломками плит и обугленными кусками сучковатых жердей, она содержала в себе подобие деревянного гробовища, рубленного в лапу из тонких (толщина 2-3 см) лиственничных досок. Ориентированное длинной осью с юго-востока на северо-запад, оно внутри оказалось совершенно пустым. В головах (?) (юго-восток) сооружение было перекрыто массивной плитой, которая одним концом завалилась внутрь ямы. Размеры ямы 245x170 см, глубина 110 см, размеры "гробовища" с облежавшими его плитами (каменный ящик?) 170x63x70 см.

Девятое сооружение известно нам на левом берегу р. Башкаус, в 1-2 км от с. Улаган. Оно находится на поле, причем опажено со всех сторон и, очевидно, поэтому напоминает внешним видом большой земляной курган. Однако еще можно различить ров и насыпной вал подпрямоугольной формы (20x16 м). В центре площадки глубокая (до 1,5 м) западина и задернованный выброс из нее. Местами в земле прослеживаются сланцевые плиты ограждения. По ним удалось установить приблизительно размеры оградки, равные 8x8 м. Изваяния мы не

нашли, но зато с восточной стороны имеется вереница высоких каменных стел-балбалов, насчитывающая около десятка камней. Вал с восточной стороны имеет едва различимый проход. Такие же проходы-понижения есть во всех четырех углах вала.

Десятое сооружение открыто нами на левом берегу р. Актру в Курайской степи. Оно представляет собой две оградки (4,5х4,5 каждая), окруженные валом и рвом, с внешними размерами 22 х 18 м. С юго-юго-восточной стороны оградок два изваяния (114, 115) и ряды каменных столбиков-балбалов. Раскопками в оградках и вокруг них выявлены ямки (диаметром 25-35 см, глубиной 50-90 см) с остатками деревянных столбов (диаметром 18-20 см, длиной сохранившейся части 40-50 см). Столбы являлись каркасной основой небольших, квадратных в плане, построек, сожженных в заключительной части "поминального" обряда. Из предметов, найденных в алтайских оградках, чаще всего встречаются кости животных (лошади и овцы), железные ножи, предметы упряжи (чаще других миниатюрные удила) и вооружения, сосуды и зернотерки. Несмотря на кажущуюся разнородность этих предметов, нетрудно заметить традиционный культовый набор. И, конечно же, многие из перечисленных находок находятся внутри оградок не случайно, их назначение вполне объяснимо. Совершенно ясно, что железные ножи сопровождали мясную пищу. Это почти всегда была задняя часть туши овцы - уца (алт.), считающаяся у кочевников на протяжении тысячелетий самой почетной и традиционной при погребальных обрядах. Мясо (от которого сохранились только крестцовые позвонки, лежавшие в анатомическом порядке) клалось на деревянное блюдо, лоток или лист коры. Блюдо с мясом и ножом ставилось в северной части оградок, внутри каменных ящичков или на дне неглубокой овальной ямы, которая иногда одновременно служила и символическим очагом. Поэтому здесь-то чаще и встречаются зола, уголь и обожженные кости животных. Основным аргументом для такого утверждения является находка таких блюд на реках Тобожок (В. В. Радлов) и Бугузун у изваянии 229, 230. Точно такие же, но менее различные углубления или остатки каменных ящичков с костями овцы отмечены в северной части многих алтайских оградок, раскопанных нами в разные годы. Кости лошади из оградок представлены в основном передними конечностями, фалангами и копытами, обломками черепа и даже целыми челюстями. В связи с тем, что найдены они не только внутри оградок, но и за их пределами, представляется возможным предположить вывешивание голов коней вместе со шкурами, передними и задними ногами. Но может быть, у оградок выставлялись и чучела коней? Однако остается не совсем понятным, где находились эти чучела, хотя автором и высказывалось предположение о вывешивании их на специальных жердях или дереве, установленном в центре оградки. Об этом, в частности, сообщает тот факт, что кости лошади в оградках ни разу не найдены в анатомическом порядке, а всегда разбросаны на большой площади.

Можно объяснить нахождение в оградках и предметов упряжи. Так, набор железных деталей упряжи (табл. XLVIII, 3-5) из юстыдской оградки с изваянием 244 со всей определенностью свидетельствует о том, что в оградку было положено снаряжение для одной лошади. В комплект входят: железные удила с псалиями и две железные пряжки (узды); два железных стремени, подпружная пряжка и защитные - панцирные (?) бляхи (седло). Все эти предметы несут на себе следы огня.

Из предметов вооружения в оградках встречаются наконечники стрел, детали колчанов, накладки на лук и редко кинжалы, панцирные пластины. Отсюда можно

заклучить, что в оградки изредка клали лук со стрелами, а в отдельных случаях кинжалы, части пояса и панциря. Вероятнее всего, колчан со стрелами и лук приторачивались к седлу лошади (в данном случае к ее чучелу?), принадлежавшей самому умершему и затем ему же принесенной в жертву 21.

Рис. 13. Рисунки на плитах оградки из Кара-Дюргуна (Алтай).

Шесть различных сосудов найдено у алтайских оградок. Два из них серебряные, три керамические и один железный. Все они, кроме обломанного железного котла, были обнаружены с восточной стороны оградок, у основания каменных изваяний. Нахождение обломков керамических сосудов у других изваяний (например, у изваяния 229 из Бугузуна, у оградки 1 из Юстыда и др.) позволяет думать, что и у многих алтайских изваяний ранее стояли жертвенные сосуды.

Свое значение имели каменные зернотерки и точильные камни, найденные во многих алтайских оградках.

Новое и принципиальное значение имеет открытие гравированных рисунков на плитах древнетюркских оградок Алтая. Таких оградок известно пока немного (рис. 13; табл. XXX, 2, 3; табл. XLVII, 2), но и они весьма важны для объяснения назначения самих оградок, а также для датировки алтайских наскальных рисунков древнетюркского времени. Впервые на Алтае гравированные рисунки обнаружены на одной из стел, замещающей изваяние у оградки (3x3 м), находящейся на северной окраине с. Улаган. На широкой стороне этой стелы запечатлена сцена охоты лучников на оленей и кабанов (рис. 14). Нахождение стелы с гравировкой у оградки - первый случай на Алтае, хотя с ней связана семантически другая алтайская находка - валун из Кудыргэ (табл. XIV), который также мог ранее стоять вместо изваяния у оградки, как, например, недавно открытое каменное изваяние из Мугур-Саргола в Туве. Выполненное в том же стиле (на нем нанесено изображение личины, фигур людей и животных), что и валун-изваяние из Кудыргэ, оно стояло у насыпи кургана, датируемого древнетюркским временем 22. Вполне возможно, что и стела-изваяние из Улага-на в верхней части заканчивалась личиной, которая была отбита еще в древности. А сами рисунки на улаганской стеле и плитах алтайских оградок кажутся перенесенными непосредственно с многих находок из курганов древних тюрков. Например, с костяной луки седла из могильника Кудыргэ с великолепной по своему художественному значению резьбой. Но особенно близки к рисункам с плит оградок многие образцы алтайского наскального искусства. Более всего это относится к изящным изображениям оленей, которые по манере и технике исполнения совершенно аналогичны некоторым рисункам, нанесенным на скалах Алтая 23.

О сходстве алтайских каменных оградок с подобными же сооружениями Тувы, Монголии и Казахстана писали многие исследователи. Но, пожалуй, одна из первых такое сходство подметила Л. А. Евтюхова. Однако ее предположение о более раннем возрасте алтайских оградок по сравнению с другими такими же сооружениями Центральной Азии пока не подтвердилось. Оно мотивировалось отсутствием на Алтае типичных древнетюркских поминальных сооружений знати, подобных брхонским памятникам. В сооружении последних Л. А. Евтюхова видела результат дальнейшего развития древнетюркского погребального (?) обряда, зародившегося на Алтае. Но, как показали раскопки алтайских оградок, произведенные в последние годы, многие из них (за исключением кудыргинских) оказались сооруженными значительно позднее известных орхонских памятников. Более того, многие алтайские оградки сооружены явно в подражание усложненным поминальным памятникам древнетюркских каганов. Конечно, это относится не ко всем алтайским оградкам, а в первую очередь к тем поминальным сооружениям древне-алтайской знати, которые открыты совсем недавно на Алтае.

Самые грандиозные по размерам сооружения, представляющие собой остатки поминальных храмовых построек периода древнетюркских каганатов, известны в Монголии. Они десятками устроены в просторных долинах рек Толы, Орхона, Селенги, Дэлгэр-Мурэна, Идэра и Хануя. При внешнем сходстве этих памятников между собой среди них, как и на Алтае, имеются разнотипные и, бесспорно, разновременные сооружения. Особой монументальностью отличается поминальный комплекс Шивет-Улан, сооруженный на вершине небольшой горы в долине р. Хануй.

Классическим образцом поминального памятника древнетюркским каганам считается известный храмовый комплекс, сооруженный в честь принца Кюль-Тегина на р. Орхон в урочище Кошо-Цайдам. Этот памятник был раскопан чехословацко-монгольской экспедицией под руководством Л. Йисла и Н. Сэр-Оджава 24. Все сооружение, как и другие такие же памятники, находилось на прямоугольной земляной площадке (67x29 м), окруженной валом и рвом. Как выяснилось при раскопках, вал служил основанием глинобитных стен толщиной около 1 м, а снаружи их окружал ров глубиной до 2 м. В центре площадки-двора помещалась храмовая постройка, квадратная в плане (10x10 м). Она была приподнята более чем на 1 м на специально насыпанном земляном цоколе (13x13 м). Стены храма снаружи были оштукатурены белой глиной и окрашены красной краской, а с внутренней стороны имели полихромные росписи. Двухъярусная крыша, крытая тяжелой черепицей, покоилась на 16 деревянных колоннах. Пол храма был вымощен, а вход находился с восточной стороны. Внутри храма, как раз посередине, находился "алтарь" размерами 4,4x4,4 м. Между "алтарем" и стенами оставался проход шириной 1,8 м. Двор вокруг храма также был тщательно вымощен квадратными кирпичами. В восточной части его находились ворота, а по обе стороны их стояли две мраморные фигуры баранов. В 8 м от ворот внутри двора лежала мраморная черепаха, служившая постаментом для стелы с надписями на двух языках. Аллея, протянувшаяся от ворот к входу в храм, была обставлена двумя рядами каменных изваяний сановников и придворных. Обломки изваяний, изображавших Кюль-Тегина и его жену, найдены внутри храма. А перед ними при раскопках обнаружены ямы с оштукатуренными стенами, на дне которых лежали обломки керамических сосудов. В целом все сооружение, вход в него, а также каменные изваяния были ориентированы на восток. На восток от храма тянется (3 км) ряд вертикально поставленных камней-

балбалов (их сохранилось 169). По линии восток - запад находятся и два других дополнительных сооружения - снаружи, у ворот, прямоугольный резервуар для воды и за храмом большой каменный куб с круглым углублением, который, как предполагается, служил для жертвоприношений.

Десятки других монгольских памятников орхонских тюрков VII-VIII вв. идентичны описанному по всем основным конструктивным элементам: 1) храм с "алтарем" или "саркофагом", окруженный глинобитной стеной и рвом; 2) изваяние человека, в честь которого построен храм; 3) аллея изваянии придворных у храма, фигуры каменных львов или баранов у входа; 4) стела с надписями или знаками, установленная на постаменте в виде черепахи; 5) ряды вертикально установленных камней-балбалов, направленные на восток от храма.

Очевидно, все эти монументальные храмы древнетюркских каганов и служили образцом для более скромных поминальных сооружений древнетюркской знати, которые десятками были устроены на всей территории каганатов, включая периферию древнетюркского мира. Поэтому вполне понятно открытие десяти таких сооружений на Алтае и четырех в Туве 25. Одно поминальное сооружение подобного типа есть и в Хакасии у с. Знаменки 26. Возможно, несколько поминальных храмов было сооружено в Семиречье, в Чуйской долине - предполагаемом центре Западно-Тюркского каганата 27. Изваяния людей и животных, а также скульптурные изображения каменных черепках находились ранее вблизи г. Уссурийска, что, конечно же, свидетельствует о строительстве аналогичных поминальных храмов у бохайцев и чжурчженей 28.

При сравнении древнетюркских поминальных сооружений Алтая с монгольскими можно найти много общего в их конструкции. Так, при раскопках многих алтайских оградок вокруг них были найдены основания деревянных столбов, служивших, как и в унгетском комплексе или храме Кюль-Тегина, каркасом для небольшой постройки квадратной формы. Вход в такую постройку в виде деревянного тамбура отмечен на Алтае у поминального сооружения из Малтялу, и точно такой же "тамбур" располагался у входа в Унгетский памятник на р. Толе. И если двор вокруг храма Кюль-Тегина был вымощен кирпичом, то пространство вокруг некоторых алтайских оградок (Ян-Гобо, Юстыд и др.) выкладывалось тщательно подогнанными друг к другу каменными плитками или колотой галькой.

Совпадают размеры "алтаря" из храма Кюль-Тегина с большинством алтайских оградок, составленных из плит. "Саркофаги", или, "гробницы", во многих древнетюркских храмах, сооруженные из четырех гранитных или мраморных плит, - те же самые алтайские оградки, выделенные нами в юстыдский тип. Внешне они также представляют собой подобие каменных ящиков-"саркофагов", составленных из четырех массивных плит. На плитах алтайских оградок встречаются гравированные рисунки животных и людей; то же самое можно сказать и о монгольских "саркофагах", на внешних сторонах которых нанесены сложно переплетенные растительные орнаменты и стилизованные изображения птиц и волков. При этом преобладают прямолинейные геометрические орнаменты. Иногда их называют ромбовидными украшениями или косой сеткой 29. Очевидно, в подражание древнетюркским "саркофагам", покрытым снаружи косой сеткой, предпринята попытка нанести такой же орнамент на одну из плит алтайской оградки в степи Макажан (табл. XXX, 3).

Объединяют алтайские поминальные сооружения и храмы орхонского типа ритуальные сосуды, установленные в специальных жертвенных ямках у основания каменных изваяний. Почти во всех алтайских оградках и в храме Кюль-Тегина отмечены следы огня. Как правило, алтайские оградки и храмы древнетюркских каганов сопровождаются рядами вертикально установленных камней-балбалов, которые в обоих случаях направлены на восток и в конце заворачивают влево (т. е. на север). Все поминальные храмы Монголии окружены прямоугольными в плане валом и рвом. По такому же принципу сооружались валы и рвы вокруг оградок древнеалтайской кочевой знати. Но в отличие от монгольских стен вокруг построек здесь возводились из земли и камня, а в отдельных случаях (степь Макажан) - из дерева. На наш взгляд, и тот каменный резервуар для воды, и жертвенник, находящиеся у храма Кюль-Тегина, нашли свое воплощение в некоторых дополнительных сооружениях у алтайских оградок. Например, квадратной форме резервуара для воды соответствуют по размерам небольшие каменные ящички или, точнее, оградки в миниатюре, устроенные всегда перед входом в алтайские поминальные сооружения. То же самое можно сказать и о круглом каменном жертвеннике. Его имитируют, как нам кажется, каменные кольца, устроенные чаще по одному или группой также с восточной стороны оградок. Внутри этих небольших жертвенников отмечена прокаленная земля, найдены мелкие обломки обгоревших костей животных и фрагменты керамики 30.

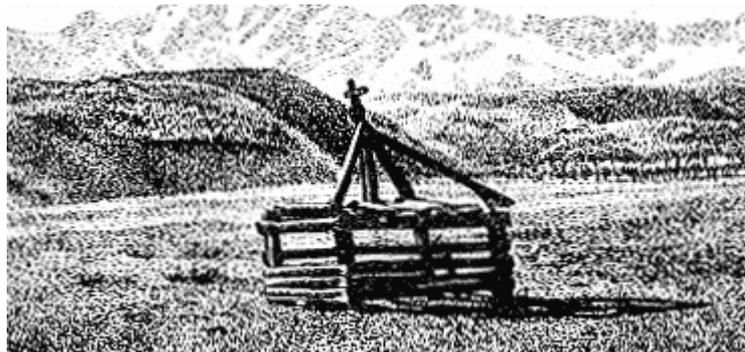
В целом совпадают восточные ориентировки алтайских оградок и храмовых комплексов древнетюркских каганов. В ориентировке поминальных сооружений по частям света наблюдается четкая преемственность на протяжении веков. На Алтае этот признак можно проследить уже в энеолитических погребениях, для которых основным погребальным сооружением служил каменный ящик, ориентированный сторонами по странам света. Сходные принципы ориентировки, а также отдельные черты планировки городов, храмов и жилищ существовали не только у населения Центральной Азии, но и у многих соседних народов Юго-Восточной Азии 31. Очевидно поэтому поминальные сооружения, древнетюркских каганов и высшей аристократии в общих чертах больше всего напоминают буддийские храмы, стереотипные в своем каноническом воспроизведении. Для большей убедительности достаточно сравнить Поминальные комплексы древнетюркских каганов. С планировкой и архитектурным стилем храмовых комплексов XVI-XIX вв. в Монголии (Эрдэни-Цзу в Кара-Коруме, Их-Бурхан в Улан-Баторе и др.). Таким образом, архитектурная основа средневековых буддийских храмов восходит, очевидно, к древнетюркским поминальным комплексам.

Что же представляли собой древнетюркские каменные оградки, разбросанные многими тысячами в степях Центральной Азии? Как мы уже показали, они являются несравненно упрощенным вариантом пышных поминальных сооружений знати. Анализируя материалы раскопок алтайских оградок, автор пришел к выводу, что они копируют зимние жилища кочевников. Кроме юрт населению Центральной Азии были известны и жилища оседлого типа. Отгонное скотоводство, распространенное в некоторых регионах Монголии и Алтая уже в эпоху ранних кочевников и сохранившееся здесь до наших дней, требовало создания стационарных зимних жилищ. Летом кочевники жили в войлочных юртах, а зимой в капитальных постройках: деревянных срубах или домах из сырцового кирпича с каменной кладкой фундамента. К сожалению, мы почти ничего не знаем о зимних жилищах тюрков, но они, возможно, были идентичны по конструкции

жилым постройкам таежной зоны Сибири, Северо-Восточной Азии и Дальнего Востока в I тыс. н. э.

Такого же мнения придерживается Е. И. Деревянко, которая пишет: "На всей этой огромной территории строили полуподземные дома, имеющие подпрямоугольную, почти квадратную в плане форму" 32. Размеры этих домов, как правило, 4x4 или 5x5 м. В степных местностях это были дома каркасно-столбовой конструкции. Именно такие каркасные квадратные в плане жилища были известны у монголов в XIII-XIV вв 33. По четырем углам такого дома устанавливались деревянные столбы, несшие конструктивную основную нагрузку. Сверху они перекрывались деревянной рамой, служившей также для опоры стропил крыши. Точно такая же рама являлась нижним основанием жилища и опорой для стен из досок. Стены обмазывались изнутри и снаружи глиной, белились или штукатурились известью, а иногда украшались и росписью. Такое жилище, очевидно, имело деревянную двухскатную крышу пирамидальной формы с отверстием в верхней части для освещения и выхода дыма. В домах подобного рода вместо очага использовался кан - отопительная система древнейшей конструкции. Кан устраивался всегда вдоль трех стен дома, вплотную к ним. Высота кана от пола 35-50 см. Стенки основной топки и горизонтальных дымоходов сооружались из каменных плит или кирпича, сверху они были перекрыты этими же материалами. Полы в таких жилищах всегда были земляными или глинобитными. Каркасно-столбовые дома, характерные для степных, безлесных районов, очевидно, все же были известны в древнетюркское время и на Алтае. В этом отношении особенно интересны намогильные сооружения современных алтайцев и казахов (рис. 15), несомненно, сохранившие несложные конструктивные особенности и внешний облик средневековых жилищ кочевников.

Но даже археологу, когда-либо осматривавшему древнетюркскую оградку, трудно представить, что это остатки символического жилища. Приведем те аргументы, на которых основано наше предположение. Прежде всего, удивительно совпадают размеры и квадратная форма зимних жилищ кочевников с оградками. Более 80% известных нам древнетюркских оградок имеют размеры 4x4 или 5x5 м. Внутреннее пространство некоторых алтайских оградок углублено и выровнено - характерная черта полуподземных дальневосточных жилищ мохэ. Плиты, поставленные на ребро, есть не что иное, как фундамент, основание жилища и начало его стен, которые, возможно, были сооружены из досок или жердей. По углам оградок четыре основных столба, поддерживающих крышу и являющихся каркасом жилища. В центре алтайских оградок устанавливались столб или лиственница, которые, наряду с культовым назначением, могли одновременно служить центральной опорой жилища и выходили наружу через отверстие в крыше.

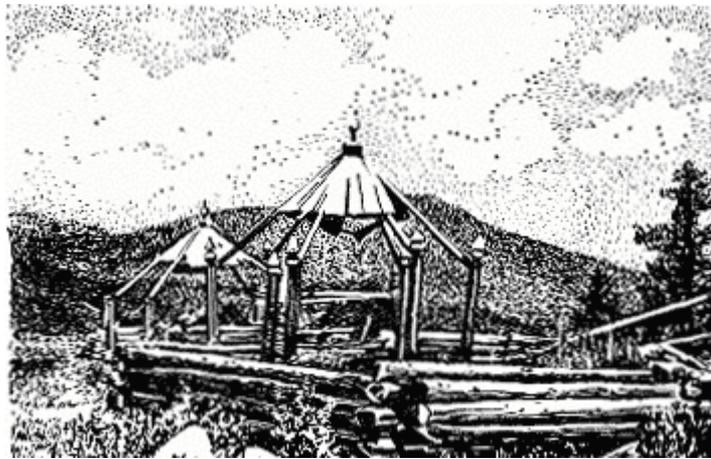

Рис. 15. Намогильные сооружения алтайцев и казахов Кош-Агачского района

В северной части оградки-жилища устраивались очаг или, вероятно, топка кана, имевшая овальную в плане форму. По периметру некоторых алтайских оградок укладывались так называемые "плитовые настилы", которые, возможно, имитировали перекрытия горизонтальных дымоходов кана. В последнем убеждает большое количество древесных углей, найденных под ними в оградках Юстыда и Узунтала, а также плиты, поставленные на ребро, которые уже сами по себе могли служить одной из стенок дымоходов кана.

На наружных сторонах плит оградок наносились различные рисунки, т. е. как и в настоящих домах, где стены иногда покрывались полихромной росписью. Местонахождение некоторых предметов в оградках также подчинено правилам их расположения в жилищах. Так, остатки деревянных блюд с мясной пищей и железными ножами находились рядом с очагом, в северной части оградок. Здесь же в основном были обнаружены каменные зернотерки. А вот предметы упряжи (узды и седла) помещались в противоположной, южной, части оградок. И в данном случае можно высказать еще одно предположение о социально-семантическом членении оградки-жилища на северную и южную половину. Такое деление имеет алтайская юрта этнографического времени, где в северной половине (женской) расположена посуда и хранятся пищевые запасы, а в южной (мужской) находятся седло, бурдюк для кумыса и вдоль стены кровать хозяина дома. Подобное членение жилища было известно уже ранним кочевникам Алтая 34.

Прежде чем рассмотреть вопрос о назначении древнетюркских оградок, необходимо остановиться на неотъемлемой детали почти всех поминальных сооружений древних тюрков - рядах каменных столбиков, получивших название балбалов. Это важно сделать именно сейчас, потому что новая интерпретация древнетюркских оградок как культовых моделей жилища предполагает и новое объяснение назначения балбалов, а они до сего дня остаются предметом научной полемики. Хотя существенным сдвигом в этом вопросе можно считать утвердившееся мнение о толковании самого термина "балбал", в последних работах Л. Р. Кызласова, Я. А. Шера и С. Г. Кляшторного подведена черта под длительной дискуссией о том, что следует подразумевать под словом "балбал". Как известно, ранее в научной литературе так называли и сами каменные изваяния. В настоящее время это название закрепилось только за рядами каменных столбиков, отходящих на восток от поминальных сооружений. Почти все исследователи единодушны во мнении, что тюрки ставили каменные столбики-балбалы у поминальных сооружений своих воинов по числу врагов, убитых самим погребенным. Такой вывод основывается на сведениях официальных китайских хроник, описывающих погребальный обряд тюрков-тугю: "Обыкновенно, если он убил одного человека, то ставят один камень. У иных число таких камней простирается до ста и даже до тысячи"³⁶. Действительно десятки, а иногда и сотни балбалов насчитывают ряды древнетюркских поминальных сооружений. Установка большого числа балбалов почти у всех мемориальных комплексов древнетюркской аристократии вызывает естественное недоумение многих исследователей. Трудно представить, что тюркские каганы или их военачальники при жизни могли убить сотни вражеских воинов. Да и на Алтае у тысяч оградок всегда имеются ряды балбалов. Невольно задаешься вопросом, неужели все они были сооружены только в честь тюркских воинов? К объяснению обычая установки балбалов, как нам кажется, следует привлечь не только письменные источники (культовая терминология которых к тому же истолковывается по-разному различными исследователями), но в большей мере и фактический археолого-этнографический материал. Сама традиция установки камней в ряды на Алтае очень древняя. Отличающаяся редкостным однообразием, эта незатейливая архитектурная тема воплощена во многих, различных по времени и по назначению культовых сооружениях. Это и ряды оленных камней на Юстыде ³⁶, ряды балбалов, отходящие на восток почти от всех курганов ранних кочевников ³⁷, ряды валунов от ритуальных курганов и т. п. Наиболее близки по смыслу и, вероятно, по назначению к древнетюркским балбалам ряды каменных стел, установленные также с восточной стороны многих алтайских курганов ранних кочевников. Характерной особенностью алтайских могильников этой эпохи является расположение так называемыми курганными цепочками, направленными с севера на юг. Топография могильников имитирует порядок расположения жилищ кочевников в небольших сезонных поселках, о чем повествуют этнографические источники ³⁸. Совершенно такой же принцип планировки и ориентации соблюден при устройстве целых групп алтайских оградок древнетюркского времени. Они, как и курганы ранних кочевников, копируют порядок расположения жилищ, что особенно четко проявляется в ориентации памятников на местности. Появление таких погребально-поминальных комплексов как особой территории, предназначенной для неоднократных погребений и поминок, является ярким выражением этнической общности, семейного родства и идеи дальнейшего существования в потустороннем мире. Уже сейчас мы располагаем достаточными данными для

того, чтобы утверждать, что погребальные срубы ранних кочевников были близким подобием реальных жилищ. То же самое мы доказали и на материале древнетюркских оградок.

Назначение балбалов у курганов ранних кочевников неизвестно. Но заслуживает внимания предположение, высказанное С. И. Руденко. Он считал, что число поставленных у могил камней прямо соответствует числу лиц или сородичей, принимавших участие в похоронах и поминках. Развивая эту мысль, он полагал, что ряды балбалов могли стоять и у могил женщин и детей, а потому их нельзя связывать с числом убитых врагов (как у древних тюрков). Последний вывод подтвердился нашими исследованиями последних лет. У курганов Уландрыка и Барбургазы, содержащих также погребения детей и женщин, как и у могил мужчин-воинов, с восточной стороны стояли ряды каменных столбиков-балбалов, "что мало вяжется с толкованием о соответствии числа вкопанных камней с числом убитых врагов"³⁹. Каково же назначение скифских балбалов у алтайских курганов? Мы склонны считать их символическими коновязными столбами - неотъемлемой частью любого жилища кочевника. Общеизвестно, что многие древние, да и современные, народы, устраивая разнообразные погребальные сооружения, всегда придерживались единого строительного принципа - создания, хотя бы в общих чертах, той копии жилища, в котором жил до смерти покойный. Отсюда вполне станет понятной традиция установки коновязей у таких домов мертвых⁴⁰. О значительной древности такого обычая свидетельствует сообщение Геродота о поминальном обряде, совершавшемся у могилы скифского царя⁴¹. Археологические раскопки полностью подтвердили эти сведения. Остатки многочисленных коновязных столбов были обнаружены при исследовании Елизаветинских и Ульских курганов на Кубани⁴². На Алтае деревянных коновязных столбов или их следов у курганов пока не найдено, а роль коновязей здесь, очевидно, выполняли так называемые балбалы. Наше предположение основано на удивительном сходстве расположения балбалов у Алтайских курганов с расположением коновязей у жилища кочевника. Ряд коновязных столбов обычно ставили у жилища кочевника на стороне, обращенной к востоку или югу. То же самое наблюдается и в установке балбалов - каменных коновязей у могил и поминальных сооружений скифской и древнетюркской эпох.

Таким образом, балбалы можно считать коновязными столбами, которые предназначались для лошадей родственников и гостей, принимавших участие в погребально-поминальном обряде. Любопытно, что и на всенародном якутском празднике *исых* традиционно устанавливаются и до сих пор ряды коновязей, число которых обязательно соответствует числу присутствующих гостей и устроителей⁴³. Хотя следует сказать, что некоторым препятствием для предложенной нами интерпретации балбалов служат уже упоминавшиеся письменные источники. Но очевидно, в данном случае для балбалов совсем не обязательно наличие какой-то семантической нагрузки, они скорее носят эмоционально-смысловой характер, связанный со стремлением таким выразительным средством увековечить память о конкретном человеке или каком-то значительном событии. Видимо, балбал являлся (в древнетюркское время) в большей степени своеобразным знаком присутствия (внимания) определенного человека на поминках по умершему. Этим, на наш взгляд, можно объяснить личные тамги и надписи-автографы, обнаруженные на балбалах, установленных у поминальных храмов древнетюркских каганов⁴⁴. Иначе говоря, каждый участник погребально-поминальной церемонии оставлял перед храмом свой балбал -

символическую каменную коновязь, чтобы душа умершего могла видеть его в ряду других подобных знаков внимания.

Значительное число исследователей на большом фактическом материале пришли к выводу о жертвенном характере древнетюркских оградок, в которых совершались ритуалы, связанные с поминками - кормлением и проводами души (духа) умершего в иной потусторонний мир. Назначению древнетюркских оградок и сопровождающих их изваяний посвящен ряд интересных работ 45. Вместе с тем некоторые археологи считают их памятниками погребальными. Они предполагают, что внутри оградок помещались остатки трупосожжений 46. Последнее мнение не выдерживает критики, так как ни в одной из Раскопанных оградок ни разу не обнаружено кальцинированных костей человека. То же самое необходимо сказать и о поминальных комплексах древнетюркских каганов, которые многие исследователи называют "княжескими погребениями", или "могилами каганов". На "алтаре" погребальных храмов, как они полагают, стояли урны с прахом умершего. Но и эти предположения до сих пор не подтверждены археологическими раскопками. Могилы каганов, если они вообще существовали, очевидно, нужно искать где-то рядом с храмами - они должны быть также близки, как некоторые поминальные оградки, к древнетюркским курганам Алтая.

К числу новых фактов, полнее раскрывающих назначение древнетюркских оградок и изваяний, относится находка остатков нижней части стволов деревьев, иногда с корневищем (Дъер-Тебе), в центре восточно-алтайских оградок 47. Если представить, что в центре многих древнетюркских оградок-жилищ ставились молодые деревца (так называемые в литературе "колья") и даже большие деревья (диаметр ствола 30-50 см), то станет вполне понятным нахождение около них костей лошади, представленных в основном фалангами, зубами и даже отдельными челюстями. Возможно, головы жертвенных коней со шкурой, передними и задними ногами вывешивались на эти деревья или специальные жерди. Дерево же носило исключительно культовый характер, оно отражало древнейшие представления о священном дереве, символизировавшем собой космическое - мировое дерево. По представлениям древних тюрков, оно, очевидно, направляло жертву духу умершего или являлось последним пристанищем для него на время поминок. По-видимому, это были деревья, установленные только на короткий срок, но почитавшиеся в это время так же, как, например, шаманское дерево монголов, известное под именем "утаган модон" 48. Шаманское дерево, представляющее собой молодую и высокую лиственницу, было обязательным при всех камланиях эвенкийских шаманов 49. Оно всегда находилось в центре шаманского чума, при этом нижняя часть его ставилась рядом с очагом, а верхняя выходила в дымовое отверстие. Обычай установки молодой лиственницы в аиле подле очага сохранился до сего дня и у южных алтайцев в свадебных обрядах, которые автор наблюдал у теленгитов Кош-Агачского района. А алтайцы улуса Сарыгол даже провожали умерших от своей родовой березы Бай Кайынг 50, что уже прямо указывает на связь этого обычая с ритуалом, принятым в восточно-алтайских оградках. Придерживаясь мнения о том, что в центре оградок были вкопаны зеленые деревья, мы можем установить, что оградки на холме Дъер-Тебе и Юстыда могли быть сооружены только в летний период. Для сравнения можно взять березовый праздник чагыл, который проводился алтайцами "непременно весной или летом, иногда осенью" 51. С деревом неразрывно связан ритуал жертвоприношения коня с обязательным вывешиванием головы, имевшим особое значение. У многих народов удивительно

похожи легенды и ритуалы, посвященные коню и дереву, уходящие своими корнями в глубокую древность 52. Но особенно большую роль культ коня и дерева играл у тюркских кочевых народов, сохранивших вплоть до современности многие древнейшие обряды, совершавшиеся при похоронах, посвящениях коней высшим божествам, при некоторых шаманских действиях и т. п. 53

Так, первостепенную роль в шаманском ритуале южных алтайцев играла лошадь. Ее приносили в жертву при похоронах, на поминках (40-й день) и во время различных культовых действий 54. Обряд назывался "койлого", а лошадь, на которой умерший должен был отправиться в потусторонний мир, носила название "койло ат". Голову и шкуру принесенной в жертву лошади алтайцы обычно вывешивали на жердь или ближайшее дерево, уздечку - на могильный столб. И у соседних монголов "череп лошади оставляют на высоком месте, что выражает высшую степень почета (как при похоронах уважаемого человека)" 55. Изучение остеологического материала из алтайских оградок палеонтологом Н. Д. Оводовым позволило сделать ему заключение о принадлежности основной массы костей лошадям и овцам. А нахождение их в центре оградок вокруг остатков ствола лиственницы говорит о том, что в них применялся аналогичный обряд с вывешиванием головы и шкуры жертвенного животного на дерево. Особенно отчетливо восстанавливается этот обряд по остаткам жердей, вкопанных вокруг оградки 1 на холме Дьер-Тебе. Реконструкция их установки повторяет форму некоторых поздних алтайских жертвенников.

Вторым не менее интересным фактом является находка сосудов у алтайских оградок, которые в данном случае использовались в качестве специальной жертвенной посуды. Они, очевидно; представляли собой посуду покойника, из которой он (его дух) должен был принимать пищу во время поминальных приношений и возлияний. Точно так же у алтайцев до сегодняшнего дня сохранился обычай оставлять посуду с пищей и вином с восточной стороны могилы. А прямым наследием обычая ставить сосуды у оградок мы считаем одну из традиционных черт поминального обряда алтайцев, которая заключается в том, что рядом с поминальным костром выкапывалась небольшая ямка, называемая "ер аяк" - земляная чашка. В нее всегда клали понемногу разной пищи, а также выколачивали набитые табаком трубки, чтобы все это препроводить душе умершего 86.

Сам момент находки целых сосудов у оградок имеет свое значение, важное для датировки оградок и для безоговорочной поддержки в пользу гипотезы о поминальном назначении многих древнетюркских оградок. Случай нахождения сосудов у поминальных сооружений древних тюрков хотя и редкий, но далеко не единственный. Жертвенные сосуды были найдены в Туве: в сложном поминальном сооружении на окраине пос. Сарыг-Булун, в одной оградке и поминальном кургане 57. В Монголии обломки керамических сосудов обнаружены Л. Йислом перед статуями Кюль-Тегина и его супруги 58. Все сосуды, найденные в жертвенных местах, были как-то зафиксированы. В храме Кюль-Тегина они были в особых ямах, а в Сарыг-Булуне кувшин оказался привязанным к колу. Не представляют исключения в этом отношении и сосуды из оградок Юстыда. Серебряный сосуд в виде небольшой кружечки, как более ценный, был спрятан в неглубокую ямку, а керамический горшок стоял почти на поверхности земли, в едва намеченной мелкой ямке. Прошло длительное время, прежде чем он полностью покрывался землей 59. И все это время весь комплекс оставался почти в

неизменном виде, если не считать сожженной деревянной постройки. Поражает сохранность, своего рода священная неприкосновенность этих сосудов в последующие века. Феноменальность подобного случая может быть заключена в том особом почитании и даже страхе древних тюрков к местам погребений и поминок, которые сохранялись на протяжении многих столетий, а до недавнего времени и у алтайцев: "Никто из местных жителей не притрагивался к этим (жертвенным) предметам и вообще данного места боялись и к нему, кроме как для проводов умершего, не подходили" 60. В конкретном примере, когда живым запрещалось прикасаться к вещам покойного, мы наблюдаем древнейшие идеологические представления, связанные с контактной магией.

Серебряный сосуд (вес его 196,6 г, высота 9,5 см), найденный у первой оградки на Юстыде (см. рис. 12, 1), долняет целую серию подобных сосудов, происходящих из древнетюркских памятников Алтая, Тувы и Хакасии 61. Но совершенно идентичны нашей находке два сосуда: первый - из Монгун-Тайги в Туве, второй - из Туяхты, в Горном Алтае 62. Все три сосуда сходны между собой шаровидным туловом, оттогнутым горлом и невысоким поддоном. По-разному оформлены только ручки сосудов. Сосуды найдены и в областях, территориально прилегающих друг к другу (Монгун-Тайгинский район Тувы граничит с Кош-Агачским районом Горного Алтая), и, возможно, выполнены мастером с одного образца. По двум указанным аналогиям сосуд с Юстыда может быть датирован VIII-IX вв. Отнесение сосуда к этому времени обосновано и формой ручки с ажурным щитком, выполненным в том же стиле, что и ручки золотых сосудов из Копенского чаатаса в Хакасии 63.

На серебряных сосудах, принадлежавших, несомненно, представителям родовой знати, довольно обычны надписи. На юстыдском сосуде имеются только две тамги. Первая нанесена на поддоне в виде буквы (W) орхоно-енисейского алфавита, вторая представляет собой традиционную фигурку козла, выполненную в технике граффити на дне сосуда (см. рис. 12, 2). Вокруг этой основной тамги по всему дну сосуда прослеживаются слабо различимые процарапанные знаки или другие тамги. Чрезвычайно интересно, что вторая тамга прямо копирует изображения козлов на монументальных стелах, установленных в честь кагана орхонских тюрков Бильге и его брата полководца Кюль-Тегина. Замечено, что такие же тамгообразные фигурки козлов встречаются не только на памятниках орхонского типа, но и на каменных изваяниях, стелах и в петроглифах Монголии, Тувы, Алтая, Казахстана и Восточного Туркестана 64. Рассматривая семантику тамгообразных фигур козлов, А. Д. Грач вслед за Д. Г. Савиновым считает их также своеобразными символами принадлежности человека, нанесившего его (на скалах, предметах и т. п.), к данному политическому объединению, т. е. к тюркскому каганату. "Древнетюркские тамгообразные петроглифы, изображавшие горного козла,- это как бы сигнальные вехи, отразившие ареал и зону передвижения племен, входивших в состав каганатов орхоно-алтайских тюрков"65.

Изображение козла на дне юстыдского сосуда одновременно могло служить и символом благополучия, покровительства священного родоплеменного тотема. В несколько ином, уже типично орнаментальном, однако не утратившем смысловой нагрузки стиле, трактовано изображение козла по сторонам "древа жизни" на одном из сасанидских серебряных блюд 66. Обычай нанесения родовых или личных тамг, а также разнообразных символов на дно специальной посуды для кумыса или молочной водки (араки) сохранился почти у всех народностей Саяно-

Алтая. У монголов до сих пор бытуют красивые деревянные чаши-аяга, оправленные в серебро. Делаются чаши и полностью из серебра - Монгон-аяга. На дно одной из таких чаш мастер нанес сразу три символа - знак олзий ("счастье"), эвэр угалз ("роговидный узор") и стилизованные изображения рыбок (символ дружбы). На другой монгольской чаше на дне изображен пасущийся конь, считающийся символом радости и достижения цели 67.

Многие знаки-символы остались неизменными, очевидно, с древнетюркского времени. Например, нанесенные аналогичными резными линиями знаков на дно якутских чоронов - ритуальных сосудов для кумысного праздника исыах. При этом следует заметить, что кумысный сосуд у якутов раньше носил название "айах", которое восходит к общетюркскому "аяк" 68. Наносились также личные и родовые тамги на дно деревянных чашек для вина (носящих название аяк, позднее чочой) и у южных алтайцев 69. По размерам и форме эти алтайские чаши близки к некоторым изображениям сосудов на древнетюркских изваяниях. Приведенные здесь факты свидетельствуют о генетической связи древнетюркских серебряных сосудов с поздними чашами типа аяк у тюркоязычных народностей Саяно-Алтая. Аналогично их назначение для кумыса, возможно, для араки и чая.

Таким образом, тамга на дне юстыдского сосуда с полным основанием позволяет отнести исследованную поминальную оградку со всеми ее находками к кругу аналогичных памятников обширного тюркского мира. То же самое можно сказать и о керамическом горшке из второй оградки на р. Юстыд (см. рис. 12, 5). Отнесение его к тому же времени (VIII-IX в.), что и серебряного сосуда, основано на полном тождестве юстыдского сосуда с баночными сосудами алтайских тюрков на Алтае 70 и в Туве 71. Эти сосуды с широким горлом и плоским дном отличаются техникой лепки, грубым тестом с примесью дресвы и, по мнению Л. Р. Кызласова, близки к кухонной посуде VI - VIII вв. из Хакасско-Минусинской котловины 72. Но, сохраняя все признаки керамики VI-VIII вв., сосуд с Юстыда уже имеет штампанный орнамент в виде перекрещенных косых линий, образующих цепочку чередующихся ромбиков. Точно такой же орнамент, нанесенный птампом и чаще расположенный поясками на середине тулова и вокруг основания горла, характерен для уйгурской и кыргызской керамической посуды VIII-X вв. 73

Третьей обязательной деталью, без которой не совершалось ни одних поминок у народов Сибири, был костер. По представлениям алтайцев, огонь служил средством очищения от скверны, защитой от нападения злых духов, был своеобразным мостом "от мира живых к миру умерших" 74. Теленгиты Кош-Агачского района на седьмой день после похорон во время поминок (току) через костер устраивали кормление (аш) души умершего 75. Называя имя умершего, бросали в костер оставшуюся одежду покойного и другие его вещи. Родственники приносили понемногу разных продуктов и также бросали в огонь. Все эти действия производились недалеко от могилы. Таким же средством общения живых с душами умерших служили и кострища, устраиваемые в оградках и рядом с ними. Так, двум первым оградкам на холме Дьер-Тебе соответствуют два кострища, найденные в непосредственной близости от них 76.

Те же действия могут быть прослежены и на материале юстыдских оградок. Сопоставление наших данных с этнографическим описанием поминального обряда алтайцев будет более убедительным, если учесть, что почти во всех кострищах у оградок были найдены обгоревшие кости животных - остатки пищи,

употребляемой для кормления душ умерших.

У одной из оградок Дъер-Тебе (табл. XXXVIII, 1) с восточной стороны, в "ящике", найдена кость от черепа лошади. В тех же условиях найдены кости животных с восточной стороны некоторых юстыдских оградок. Несомненно, что и эти дополнительные жертвенники служили также для отправления поминального культа, но уже, возможно, через некоторое время после сооружения оградки (вторые поминки?).

Редкие предметы, иногда находимые в древнетюркских оградках, могут быть объяснены следующей деталью поминального обряда, бытовавшего до недавнего времени у южных алтайцев: по поверью, душа уже на третий день после смерти человека входит в свой аил и ищет те предметы, что забыли положить с умершим 77. Поэтому и в первые поминки (7-й день), и во вторые (40-й день) шаман снова угощал умершего через костер и при этом выяснял, все ли дали умершему с собой для его существования в стране умерших предков и что ему хотелось бы еще взять с собой. Эти вещи приносились и сжигались тут же на костре 78. Чаше жертвовали старую изношенную одежду или сломанные предметы. Не совпадением, а сохранением древнего обычая следует назвать эти действия. Ведь и в древнетюркских оградках многие предметы лежали в золе кострищ или были перенесены сюда из погребальных костров. В одной из алтайских оградок с изваянием 244 (табл. XLVIII, 3-5) железные предметы упряжи лошади (седло и узда), побывавшие в огне, были аккуратно сложены в углу оградки. Причем стремяна оказались разнотипными, что довольно часто встречается и в древнетюркских погребениях. В этой же оградке с восточной стороны в небольшом жертвеннике или на "алтаре" из трех плит стоял старый серебряный сосудик (табл. XLVIII, 2). Судя по заклепкам, он неоднократно ремонтировался, и вот, наконец, когда нижняя изношенная часть его была обрезана, он и был пожертвован духу умершего.

Остатки деревянных конструкций поминальных жилищ, засвидетельствованные нами при раскопках алтайских оградок, к тому же оказались обугленными. Конечно же, ритуальные жилища были сожжены, очевидно, сразу же после окончания последних (годовых?) поминок. По древнейшим представлениям шаманистов, душа умершего после последних поминок должна, наконец, покинуть землю и мир живых. И в этом ей помогал дух огня, сопровождавший душу умершего до царства Эрликхана 79. Эта заключительная часть поминального обряда, применявшаяся и у древних тюрков, впервые была подтверждена при археологических исследованиях поминального сооружения у пос. Сарыг-Булун в Туве Л. Р. Кызласовым 80.

Итак, древние тюрки сжигали поминальные юрты 81 (точнее, деревянные жилища) с тем, чтобы душа умершего могла вознестись на небо вместе с языками пламени и дыма последнего гигантского костра. И вновь в погребальных обрядах алтайцев и древних тюрков обнаруживаются поразительные параллели. Так, у алтайцев "на седьмой день, если умерший жил один, его аил сжигали" 82. Возможно, под влиянием этого распространенного в древнетюркской среде обычая сжигания поминальных юрт и возникло известное у алтайцев поверье: если сгорело жилище человека во время его отсутствия, то это предвещало большое несчастье или даже близкую смерть хозяина. Подобная примета уже была известна древним тюркам, судя по описанию династийной хроникой Суй шу (581- 617 гг. н. э.) случая, происшедшего с каганом Шаболио 83.

Во время охоты он получил удручающее известие о том, что жилище его сгорело. Прервав охоту, он вернулся в етавку, а через некоторое время заболел и умер.

К числу заключительных действий поминального обряда, происходившего в оградках, по-видимому, относилось и преднамеренное разрушение каменного изваяния. Причем наиболее поврежденной оказывалась голова фигуры, в некоторых случаях она полностью была сбита сильным ударом, нанесенным с затылка. У многих алтайских изваяний головы отбиты по плечи, но найдены здесь же при раскопках или при тщательном поиске у оградок. Следы ударов, произведенных каким-то острым орудием, латинизированы, т. е. повреждения изваяниям нанесены еще в древности. Характерны в этом отношении и каменные фигуры, найденные в земле задернованными. Они также были частью разбиты и повалены сразу же после сооружения поминальной оградки, о чем свидетельствуют раздавленные керамические сосуды, найденные под обломками изваяния. Опираясь на этнографические данные, нам хотелось бы видеть в этой умышленной порче изваяний, прежде всего проявление шаманистских воззрений древних тюрков. Нужно ли в данном случае приводить большое количество примеров, известных и археологам и этнографам? Ведь у многих народов Сибири широко применялось "идолопоклонничество". А с идолами, зачастую изготовленными из дерева, производили те же самые действия, что и с каменными изваяниями. Их также разбивали или зарывали после смерти хозяина. Но в данном случае можно говорить лишь о желании устроителей поминок таким способом выпустить из изваяния его божественную силу, точнее, душу. Для этой цели, возможно, и отбивались головы у многих изваяний 84. Однако в отдельных случаях это было сделать трудно, так как изваяние оказывалось выполненным из твердой породы. Тогда достаточно было нанести несколько небольших повреждений голове фигуры, чтобы считать правило обряда выполненным.

Однако следует оговориться. Дело в том, что многие исследователи Центральной и Средней Азии, осматривая многочисленные каменные изваяния, также пришли к выводу о специальном разрушении их. Действия эти приписываются врагам тюрков, а в Семиречье объясняются проникновением ислама в кочевническую среду, боровшегося с идолопоклонничеством. Некоторые исследователи 85 отмечают, что современные тюркоязычные народы, боясь "сглаза", т. е. как бы "каменные бабы" не причинили вреда людям, скоту, сбивали с них головы, нередко уничтожали или закапывали в землю. Но это суеверие соседствует с другим, когда изваяния, наоборот, становились святынями, а над ними сооружались навесы и приносились жертвоприношения. Такое сооружение наблюдал в Монголии Г. Н. Потанин 86. Среди местного населения Алтая распространены оба суеверия.

Нам приходилось слышать, что многие суеверные люди боятся их, так как изваяния непонятны им, но о преднамеренной порче ничего неизвестно. Даже, наоборот, в тех случаях, когда нам приходилось выкапывать отдельные каменные фигуры, местные жители просили после окончания работ восстановить все в прежнем виде. Особо выдающиеся изваяния почитались, что выразилось в сооружении около них небольших обо, как, например, у изваянии "Кезер" в Курайской степи и "Акташ" на холме Дьер-Тебе. Корни такой традиции уходят в далекое прошлое. По сути своей все древнетюркские оградки уже являлись прототипом обо, в которое они превращались, когда обугленные остатки поминального сооружения забрасывались камнями. С этого времени памятник

либо предавался забвению, либо становился священным. Даже те оградки, которые располагались в глухих отдаленных урочищах, могли превратиться в почитаемое обо, уже не говоря о сооружениях, находящихся на возвышенных местах, вблизи древних троп и дорог. Такие памятники, как, например, изваяние "Акташ", стоявшее на холме Дьер-Тебе, или остатки большого сооружения на перевале в Ян-Гобо, просматривались на многие километры вокруг и были рассчитаны на особое почитание, поклонение и даже, возможно, жертвоприношение. В качестве символической жертвы служили небольшие камни, клавшиеся в оградку.

Наиболее ценным и желанным (для духа) был камень белого цвета - священный чистый камень. Исходя из такого предположения, представляется, что именно таким способом в основном и были заполнены оградки Алтая, внутри которых очень часто встречаются белые кварцитовые камни 87. Точно по такому же принципу сооружались самые ранние обо в Монголии. Всеми деталями они напоминают древнетюркские поминальные оградки.

Приведем описание конструкции некоторых обо в Монголии. Они сооружались на возвышенных местах или на горе из камней в виде холма. "На южной стороне холма делали специальный жертвенник, четыре стены которого были ориентированы по странам света. В южной стене делали проход, а внутри ограды помещали плиту, на которой очевидно, совершалось жертвоприношение. На вершине каменного холма ставили шест с изображением воздушного коня (хий морь), который в древности сопровождал, как считалось, духа предка. По склонам горы, расходясь от центрального обо, как лучи, выкладывались кучки небольших камней" 88. Как видно, по всем основным, конструктивным элементам (квадратный жертвенник, ориентировка по странам света, шест с изображением коня и др.) монгольские обо идентичны древнетюркским поминальным сооружениям, и эта связь несомненна. При обследовании Л. В. Викторовой таких обо в Монголии (17 сооружений) выяснилось, что в большинстве случаев информаторы смогли "припомнить, кто, по преданиям, был погребен возле обо и в какое время. Как правило, позднее обо сооружались 150-200 лет назад и были жертвенными местами возле погребений владельцев хошунов. В определенные дни каждого года здесь приносили жертвы (мясо, голову коня или барана, молочные продукты и т. п.). На таких праздниках теперь встречались не только сородичи (как в древности при обряде поминовения предков), а все жители аймака или хошуна" 89.

Итак, сопоставляя этнографические источники с новыми фактами, появившимися в результате раскопок восточно-алтайских оградок, поминальный обряд тюрков Восточного Алтая представляется нам в таком виде. Оградка, не что иное, как жилище - своеобразное последнее пристанище души (духа) умершего, - сооружалась в первую очередь. В центре его ставилось лиственничное дерево (комлем рядом с символическим очагом, вершиной выходило в отверстие крыши). В жертву приносилась лошадь или овца, предназначавшиеся для угощения души умершего, шамана и родственников. С северной или восточной стороны оградки-жилища родственники умершего разводили костер. Из него горящие угли переносились к подножию лиственницы, ближе к северной части символического жилища, для второго ритуального костра-очага.

Рис. 16. Реконструкция поминального обряда восточно-алтайских тюрков.

Через посредство обоих костров родственниками производилось кормление души умершего, которая, очевидно, в этот момент, по представлениям древних, находилась на лиственнице 80 или в жилище и питалась дымом (паром) от пищи, брошенной в костер под деревом. Для этой же цели служили специальные жертвенные сосуды, оставленные затем у изваянии. Душа умершего, согласно анимистическим верованиям тюрков, могла быть заключена шаманом и в каменное изваяние. Оно, изготовленное к моменту поминок, устанавливалось у "жилища" и изображало, как теперь доказано, самого умершего, который в таком качестве как бы присутствовал на своих поминках. Одновременно с установкой каменного изваяния на восток от жилища вкапывали ряд символических каменных коновязей, к которым во время ритуальных действий, возможно, привязывались кони сородичей и гостей, принимавших участие в поминальном обряде (рис. 16).

По окончании первых поминок голова и шкура жертвенного коня (его чучело?) вывешивались на верхушку дерева или специально установленные жерди. Очаг под лиственницей в жилище закладывался плитами и камнями. Через некоторое время устраивали вторые поминки, для чего снова разводили костер, а снаружи пристраивали к оградкам или в некотором отдалении от них каменный или деревянный ящик (дополнительную оградку), в которые клали пищу, предназначенную душе умершего. По окончании последних поминок жилище, устроенное для духа умершего, сжигалось. Изваяние также разбивалось с целью высвободить из него душу умершего. Сгоревшее жилище, от которого оставалось только основание из каменных плит (оградка), сразу же забрасывалось камнями.

Таким образом, поминальный обряд или, точнее, проводы умершего, происходившие в оградках Алтая, с несомненностью еще раз подтверждают назначение, как самих древнетюркских оградок, так и каменных изваяний, сопровождающих их. Из материалов археологических раскопок восточно-алтайских оградок следует, что в основе ритуальных действий у поминальных

оградок древних тюрков были заложены черты шаманизма, тесно связанные с древнейшим культом предков. Отсюда удивительное сходство культовых (поминальных) церемоний восточно-алтайских тюрков с заключительными поминальными циклами народов Сибири. А последние, как известно из многочисленной этнографической литературы, унаследовали многие религиозные представления и обряды предшествующих эпох.

ПРИМЕЧАНИЯ

ГЛАВА 3

1 Архив ЛОИА, ф. 1, 1865., № 8, л. 1-124.

2 Захаров А. А. Материалы по археологии Сибири. Раскопки акад. В. В. Радлова в 1865 г.- ТГИМ, 1936, № 1, с. 74.

3 Адрианов А. В. К археологии Западного Алтая.- ИАК, Спб., 1916, II, вып. 62, с. 45-49.

4 Руденко С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.- Л., 1953, с. 25.

5 Архив ЛОИА, 1924, № 126.

6. Там же, а также по дневнику А. Н. Глухова.

7. Там же, 1925, № 206.

8 Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.- Л., 1965, с. 14-19, табл. II-V.

9. Там же, с. 14-21.

10 Евтюхова Л. А., Киселев С. В. Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г.- ТГИМ, 1941, вып. XVI, с. 114, 116.

11. Там же, с. 92, 116-117.

12. Там же, с. 93.

13 Евтюхова Л. А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии.- МИА, М., 1952, № 24, с. 114-116.

14 Грязнов М. П. Раскопки на Алтае.- Сообщ. ГЭ, Л., 1940, вып. 1, с. 19-20.

15 Руденко С. И. Культура населения..., с. 24-25.

16 Сорокин С. С. Материалы к археологии. Горного Алтая.- Учен. зап. ГАНИИЯЛИ, Барнаул, 1969, вып. 8, с. 84-86.

17 Суразаков А. С. Исследования у с. Куяс в Горном Алтае.-АО 1980 года. М.,

1981, с. 214.

18 Васютин А. С. Разведка в бассейне р. Кокоря.- АО 1979 года. М., 1980, с. 195.

19 Данные о раскопках 20 других разнотипных оградок (без изваяний) не приводятся, так как они были опубликованы в работе В. Д. Кубарева. Новые сведения о древнетюркских оградках Восточного Алтая см.: Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1979, с. 135-160.

20 Сорокин С. С. Древние каменные изваяния Южного Алтая.- СА, 1968, № 1.

21. Для сравнения может послужить кенотафное захоронение коня, раскопанное нами в 1974 г. в долине Боротал. В экипировку Коня входило и вооружение: нож, лук и колчан со стрелами. Материалы не опубликованы.

22 Длужневская Т. В. Исследования погребальных памятников в Саянском каньоне Енисея.- АО 1978 года. М", 1979, с. 221.

23 Минорский А. И. Древние наскальные рисунки Горного Алтая.- КСИИМК, М.-Л., 1951, вып. XXXVI, с. 186-187, рис. 55-56.

24 Jisi L. Vorbericht uber die archaologische Erforschung des Kul-Tegin-Denkmal durch die Tschoslowakish-Mongolische Expedition des Jahres 1958. Vral-Altische ahrbiicher, Wiesbaden, Bd XXXII, H. 1-2.

25 Кызласов Л. Р. Древняя Тува. М., 1979, с. 129-132.

26 Евтюхова Л. А. Каменные изваяния..., с. 117, рис. 70.

27 Шер Я. А. Каменные изваяния Семиречья. М.- Л., 19,66, с. 71.

28 Окладников А. П. Далекое прошлое Приморья. Владивосток, 1959, с. 272-276.

29 Кляшторный С. Г. Эпиграфические работы в Монголии.- АО 1977 года, М.,- 1978, с. 575-576. Орнамент (косая сетка) очень напоминает рисунок терме - решетки юрты, да и другие растительные орнаменты, сюжетно близки к рисункам, которыми украшались двери монгольских юрт. См. Майдар Д., Дарьсурен Л. Гэр. Уланбаатор, 1976, табл. 20, 37, 42, 49. Может быть, такое сходство объясняет и назначение рисунков на плитах "саркофагов"?

30. Те же результаты нами получены при раскопках каменных колец, устроенных группой (7 шт.), с восточной стороны древнетюркских курганов на р. Юстыд.

31 Стужина Э. П. Китайский город XI-XIII вв. М., 1979, с. 106.

32 Деревянно Е. И. Племена Приамурья. Новосибирск, 1981, с. 109; Полуподземные квадратные жилища (площадью 20 кв. км. появились в Китае еще в начале неолита (см.: Кашина Т. И. Типы жилищ культуры яншао.-

В кн.: Археологические материалы по древней . истории Дальнего Востока СССР. Владивосток, 1978, с. 47-48).

33 Типы традиционного сельского жилища народов Юго-Восточной и Центральной Азии. М., 1979, с., 212-213.

34 Кубарев В. Д. Погребальный обряд как источник по реконструкции идеологических представлений ранних кочевников Алтая. М., 1981, с. 10-11.

35 Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней-Азии в древние времена, т. I. М.- Л., 1950, с. 230.

36 Кубарев В. Д. Древние изваяния Алтая. Новосибирск, 1979, с. 14, рис. 3.

37. Там же, с. 119, табл. XX, 1.

38 Викторова Л. А. Монголы. М., 1980, с. 49-51.

39 Руденко С. И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.- Л., 1960, с. 326.

40. У алтайцев, якутов, казахов и других тюркоязычных народностей при похоронах рядом с могилами вкапывали и коновязные столбы (см.: Иванов С. В. Якутские коновязи.- В кн.: Материальная культура народов Сибири и Севера.. Л., 1976, с. 221).

41 Геродот. История в девяти книгах. Л., 1972, с. 205.

42 Артамонов М. И. Сокровища скифских курганов. М.-Л., 1966, с. 26.

43 Иванов С. В. Якутские коновязи.- В кн.: Материальная культура народов Сибири и Севера. Л., 1976, с. 221.

44 Кляшторный С. Г. Храм, изваяние и стела в древнетюркских текстах.- В кн.: Тюркологический сборник 1974 г. М., 1978, v_ 253-254. Традиция нанесения личных тамг на отдельные балбалы возникла уже в скифское время. Одна из таких тамг была нанесена на самый большой по размерам балбал, входивший в погребальный комплекс Уландрыкского могильника, раскопанного нами в 1980 г.

45 Евтюхова Л. А. Каменные изваяния..., с. 114-115; Кыз-ласов Л. Р. Древняя Тува, с. 37-43; Шер Я. А. Каменные изваяния Семиречья, с. 20; Вайнштейн С. И. Памятники второй половины I тысячелетия в Западной Туве, с. 71; и многие другие.

46 Грязной М. -П. Раскопки на Алтае..., с. 19-20; Гав-рилова А. А. Могильник Кудыргз, с. 18; Потапов Л. П. Очерки по истории алтайцев. М.- Л., 1953, с. 18-19, 86-87; и др.

47. На Алтае известна еще одна оградка, исследованная Л. А. Евтюхиной, в центре которой был вкопан заостренный "чурбан" диаметром до 30 см,

вероятно, также представляющий собой остатки некогда установленного дерева (см.: Евтюхова Л. А. Каменные изваяния..., с. 114). Остатки высоких пней, возвышающихся до сих пор над древнетюркскими оградками (они также сверху обуглены), зафиксированы нами в западной части Чуйской степи у нос. Мухор-Тархата, нос. Чаган-Узун и с. Еельтыр.

48 Вяткина К. В. Монголы Монгольской Народной Республики. Восточноазиатский этнографич. сб. М.- Л., 1960, с. 54.

49 Анисимов А. Ф. Шаманский чум у эвенков,- Сиб. этнограф. сб., М.- Л, 1952, вып. 1, с. 203.

50 Дьяконова В. П. Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. Л., 1975, с. 67.

51 Анохин А. В. Материалы по шаманству у алтайцев. Л., 1924, с. 2.

52 Кузьмина Е. Е. Распространение коневодства и культа коня у ираноязычных племен Средней Азии и других народов Старого Света.- В кн.: Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1977, с. 4.

53 Потапов Л. П. Алтае-Саянские этнографические параллели к древнетюркскому обряду жертвоприношения домашних животных и их историческое значение,- Учен. зап. ГАНИИЯЛИ, Барнаул, 1974, вып. II, с. 51.

54 Потапов Л. П. Этнический состав и происхождение алтайцев. Л., 1969, с. 20.

55 Вяткина К. В. Монголы. С. -41.

56 Шатинова Н. И. Семья у алтайцев. Горно-Алтаиск, 1981, с. 101.

57 Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века, с. 31-33.

58 Jisi L. Vyzkum Kultedihowa pamatniku v Mongolske Ludove Republic.- Archeologicke rozhlegy, 1960, XXII, 1.

59. Более чем за 1000 лет с момента сооружения оградки толщина образовавшегося дерна до древней поверхности, на которой стоял горшок, составляла всего 15-17 см.

60 Дьяконова В. П. Погребальный обряд..., с. 67.

61 Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР. М., 1981, с. 123, рис: 19, 118; с. 130, рис. 24, б; с. 139, рис. 29.

62 Евтюхова Л. А., Киселев С. В. Отчет о работах, с. 113, табл. II, 2, 3.

63 Степи Евразии в эпоху средневековья, с. 139, рис. 29.

64 Грач А. Д. Вопросы датировки и семантики, древнетюркских тамгообразных изображений горного козла. М., 1973, с. 21.

65. Там же.

66 Кинжалов Р. В., Луконин В. Г. Памятники культуры сасанидского Ирана, Л., 1960, рис. 13.

67 Кочешков И. В. Народное искусство монголов. М., 1973, с. 41-42.

68 Потапов И. А. Якутская народная резьба по дереву. Якутск, 1972, с. 47-48, 26-87.

69 Тощакова Е. М. Кожаная и деревянная посуда и техника ее изготовления у южных алтайцев.- В сб.: Материальная культура народов Сибири и Севера. Л., 1976, с. 192-193, рис. 8.

70 Евтюхова Л. А., Киселев С. В. Отчет о работах..., с. 96, рис. 16, 27.

71 Грач А. Д. Археологические раскопки в Монгун-Тайге и исследования в Центральной Туве.- ТТКАЭЭ, М.-Л., 1960, т. 1, рис. 32.

72 Кызласов Л. Р. История Тувы..., с. 23.

73 Евтюхова Л. А. Каменные изваяния..., с. 93.

74 Шатинова И. Н. Семья у алтайцев..., с. 103.

75 В. П. Дьяконова, основательно изучив погребальный обряд тувинцев, справедливо полагает, что "поминки" следует лучше называть проводами умершего (см.: Дьяконова В. П. Погребальный обряд..., с. 59).

76 Кострища через некоторое время были прикрыты плитами. Наверное, таким способом тушили символический очаг временного жилища души умершего. А огонь в этот очаг, возможно, перед началом поминок переносился из священного родового очага. Как известно, огонь являлся всегда хранителем жизни рода (у алтайцев сеока), и поэтому "в прежние времена, когда род полностью вымирал, тушили огонь и в последнем жилище" (см.: Шатинова И. И. Семья у алтайцев..., с. 103).

77 Шатинова И. И. Семья у алтайцев..., с. 103.

78 Дьяконова В. Н. Погребальный обряд..., с. 65-66.

79 Катанов Н. Ф. О погребальных обрядах у тюркских племен Центральной и Восточной Азии. Казань, 1894, с. 17.

80 Кызласов Л. Р. История Тувы..., с. 33.

81 Дьяконова Н. В., Смирнова О. И. К вопросу об истолковании пенджикентской росписи.- В кн.: Исследования по истории культуры народов Востока. М.- Л., 1960, с. 175, примеч. 21.

82 Шатинова Н. И. Семья у алтайцев..., с. 101.

83 Liu Mau-tsai. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-turken (T'li-kiie). Wiesbaden, 1958, I, S. 54.

84. Сам обряд, очевидно, зародился в очень древние времена. Уже в неолите у керамических статуэток, связанных с различными культами, отбивались головы. Это делалось также намеренно, ударом, нанесенным сзади (с затылка), (см.: Васильевский Р. С. Женские статуэтки в искусстве охотской культуры.- В кн.: У истоков творчества. Новосибирск, 1978, с. 149).

85 Казакевич В. А. Намогильные статуи в Дариганге. Л., 1930, с. 29.

86 Потанин Г. П. Очерки Северо-Западной Монголии, вып. 2. Спб., 1881, с. 72-73.

87 Магическими свойствами наделялись камни необычной расцветки или формы, которые также отмечены и в кудыргэнских ог-Радках. Так, внутри оградки 1 "было много кварцитовых, белых, красивых по форме камней" (см.: Гаврилова А. А. Могильник Ку-Дыргэ..., с. 14).

88 Викторова Л. А. Монголы, с. 63-64.

89. Там же, с. 64.

90. У тюркоязычных народностей до сих пор широко распространено поверье о том, что "одиноко растущие деревья на открытых местах имеют своих духов" (см.: Алексеев Н. А. Традиционные религиозные верования якутов в XIX - начале XX в. Новосибирск, 1975, с. 32). Как известно, одиноко стоящие деревья, каменные изваяния и стелы в степи всегда привлекают хищных различных птиц. В этой связи интересны некоторые представления народов Сибири о превращении одной из душ умершего в птицу, которая незримо присутствует во время совершения поминок, а после окончания их улетает в потусторонний мир, на землю предков (см.: Чернецов В. Н. Представления о душе у обских угров.- Тр. Ин-та этнографии АН СССР, сер. 51, 1959). Такие же представления о душе-птиц существовали и у древних тюрков (см.: Кызласов Л. Р. О назначении древнетюркских каменных изваяний, изображающих людей.- СА, 1964, № 1, с. 35).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Лишь незначительная часть алтайских изваяний сохранилась до настоящего времени. Несомненно, что в прошлом их было значительно больше. Большое число не дошедших до нас изваяний могло быть изготовлено из дерева, как и некоторые половецкие статуи 1.

У многих алтайских оградок стоят плиты или валуны антропоморфной формы, на гладких поверхностях которых, чаще всего обращенных широкой (лицевой) стороной на восток, могли рисоваться краской детали лица, костюма, вооружения. Возможно, подобную традицию, зародившуюся в Центральной Азии 2, унаследовали и половецкие мастера, применявшие для раскраски изваяний черную и красную краску 3.

В этой связи необходимо обратить внимание на материал некоторых древнетюркских изваяний. Как правило, особенно реалистичные фигуры Алтая, Тувы и Монголии выполнены из известняка или мрамора белого цвета. Изображения предметов на них почти не различаются, сливаясь с фоном камня. Возможно, они были раскрашены в древности, передавая всю цветовую гамму богатого костюма знатных тюрков. Причем цвет красок легко восстановить, опираясь на изображения тюрков и согдийцев в стенных росписях Пенджикента и Афрасиаба. Любопытен в этом отношении рассказ, записанный нами у алтайского сказителя Калкина. Он сообщил об одном каменном изваянии, которое видел в глухой тайге, называемой Тогорок. Судя по его описанию, это была одна из самых реалистичных фигур Алтая. На одном боку "каменного воина, опоясанного золотым поясом", были изображены сумка или кожаный сосуд, раскрашенные в красный цвет; на другом боку подвешено оружие в золотых ножнах. Чашка (чочай) была покрыта серебряной краской. Изваяние находилось приблизительно в районе с. Ело. О нем знали также еще два старика, один из которых умер, а другой будто-бы погиб, попав в аварию. В основе сказочного повествования Калкина, возможно, лежат реальные сведения о древнем обычае раскрашивания каменных фигур.

Алтайские изваяния иногда устанавливались группами от 4-5 до 13-17 фигур в одном месте. В частности, такие места известны в степи Макажан, в урочищах Кеме-Кечу и Кырландын-Кини, на реках Аюты, Чаганбур-газы и во многих других районах Алтая. Рядом с ними, как правило, нет, не только одновременных погребальных сооружений, но и каких-либо других археологических объектов. Очевидно, это были небольшие родовые святилища, напоминающие внешним видом сезонные поселения кочевников. В таких поселках, по представлениям древних, какое-то время обитали души умерших сородичей. Интересно, что по такому же принципу группировались и раннескифские изваяния Алтая - оленные камни 4, а позднее - половецкие статуи 6. У последних исследователи фиксировали россыпи битого камня от ритуальных сооружений, весьма близких по конструкции к древнетюркским поминальным оградкам в. Г. А. Федоров-Давыдов и С. А. Плетнева считают, что это были специальные святилища, устроенные в отдалении от могил и посвященные культу предков.

В нашей работе не рассматривается семантика древнетюркских изваяний по той причине, что вопрос этот после длительной дискуссии уверенно решился в пользу точки зрения о них как об изображениях самих покойных тюрков, а не их предполагаемых врагов. Поэтому едва ли уместно здесь вновь повторять подробную аргументацию Л. Р. Кызласова 7, Я. А. Шера 8 и других ученых, убедительно и последовательно доказавших в своих работах всю несостоятельность гипотезы о принадлежности изваяний убитым врагам. Нам остается добавить к этому, что вопрос о назначении основной массы древнетюркских изваяний, очевидно, можно считать окончательно решенным, учитывая результаты археологических раскопок алтайских поминальных сооружений и их прочно установленную интерпретацию.

Таким образом, в основе древнейшего обычая установки каменных изваяний; распространенного у многих кочевых народов Евразии, заложены общие идеологические представления о семейно-родовых покровителях. "Можно предполагать; что такая общность представлений восходит к мировоззрению племен скифского времени, когда сооружались "оленные камни" и закладывались основы культурного и социального единства скотоводческих обществ Азии" 9.

Оленные камни-изваяния воинов скифской эпохи - имеют много общего с древнетюркскими изваяниями (сходная ориентировка, одинаковые материал и набор изображений, дополнительные сооружения поминального характера и т. д.), о чем автор уже писал в недавно вышедшей работе 10.

Мы невольно коснулись еще одной проблемы - происхождения древнетюркских изваяний. Многие исследователи неоднократно указывали на большой хронологический разрыв между скифскими и тюркскими изваяниями. Были попытки построить генетический ряд эволюции каменных изваяний от скифского времени до средневековья. Так, по мнению Л. Р. Кызласова, определенное отношение к происхождению древнетюркских изваяний имеют известные таштыкские маски, которые образуют любопытный ряд: таштыкские погребальные маски - стоящие маски-бюсты - каменные бюстовые изображения (типа малоесинского) - погрудные изображения с руками и сосудом (типа Кизи-тас) - тюркские каменные изваяния в виде круглой скульптуры. Д. Г. Савинов дополнил этот ряд новыми видами объемного изображения человека - "глиняные головы", типологически занимающие промежуточное положение между масками и скульптурой. Среди них он особо выделил "голову" из кургана № 6 Шестаковского могильника в Кемеровской области. По реконструкции автора раскопок А. И. Мартынова, она принадлежала манекену, установленному внутри сложного погребального сооружения. Последнее по некоторым конструктивным элементам (площадка из обо-женной глины, остатки крыши из бересты и др.) напоминает более поздние древнетюркские оградки. Шестаковское сооружение с "глиняной головой" (манекеном) после какого-то периода сжигалось. Точно так же сжигались и поминальные сооружения древних тюрков. Шестаковский памятник датируется I в. до н. э. и может считаться одним из наиболее ранних случаев сохранения облика покойного на определенный период времени для совершения поминальных обрядов и жертвоприношений п. Если предположить, что к этому же времени или несколько позднее (I-V вв.) относятся и некоторые лицевые 12 изваяния Алтая и Тувы, то хронологический разрыв между оленными камнями (которые, кстати, также нередко увенчаны скульптурными изображениями головы человека) и древнетюркскими изваяниями будет значительно сокращен.

К числу интереснейших фактов, которые могут помочь ошению проблемы происхождения древнетюркской скульптуры, относится семейный характер отдельных поминальных сооружений. Но если известные скульптурные изображения кагана Кюль-Тегина и его супруги-царицы, возможно, являлись среди мира людей земной ипостасью божественной супружеской четы - Тенгри и Умай 13, то в других памятниках Монголии 14 и Тувы 15: несомненно, изображены обычные супружеские пары. Как явления одного порядка следует упомянуть некоторые алтайские изваяния, слева от которых установлены небольшие или две разновысокие стелы (часто с двумя рядами балбалов) у многих оградок Алтая, что, очевидно, также подразумевалось как парное изображение мужчины и женщины. Парность изваяний и стел у древнетюркских поминальных сооружений, наверное, восходит к древней традиции парной установки оленных камней и стел - одной из характернейших черт раннескифских святилищ Алтая 16. Наш вывод основательно подкрепляется результатами исследования половецких семейно-родовых святилищ, где нередко в одном сооружении установлены две статуи - мужская и женская 17.

На происхождение и развитие древнетюркской скульптуры большое влияние

оказали канонизированные образы буддийского искусства, которые в значительной мере были распространены, прежде всего, в согдийском искусстве. Древнетюркский изобразительный канон "корнями уходит в буддийскую иконографию, где каждый жест имеет определенный смысл"¹⁸, при этом сохраняя собственные, более древние стилистические приемы. Культовая скульптура древних тюрков, в той или иной степени испытавшая влияние буддизма, манихейства, маздеизма и развивавшаяся в традициях согдийской художественной школы, сохранила одновременно не только шаманские, но и дошаманские религиозные представления. О последнем свидетельствует произведенная нами реконструкция Древнетюркского поминального обряда, в отдельных чертах сохранившегося у многих центрально-азиатских народов. Например, одним из наиболее поздних памятников подобного рода является сооружение, описанное Г. Н. Потаниным в Монголии на оз. Даин-Гол. Оно представляет собой "четырёхугольный сруб с двускатной крышей, внутри которого находится сделанный из гранита бюст, по стилистическим особенностям близко напоминающий древнетюркские каменные изваяния. Это изваяние было окружено "досками в виде ящика", а перед ним была протянута веревка с подвешенными к ней остатками различных жертвоприношений"¹⁹. У могил казахской знати, вплоть до XVIII в., сооружались жертвенные ограды квадратной формы, возможно происходящие от древнетюркских оградок. В них, как и в средневековых ритуальных сооружениях, в день поминок приносились в жертву различные животные²⁰. Об устойчивости древнетюркского поминального обряда и связанного с ним обычая установки каменных изображений покойного свидетельствуют предельно обобщенные статуи (голова, изображенная в виде шара или отделенная горизонтальной полосой в верхней части стел), установленные в качестве надгробий на мусульманских кладбищах Средней Азии²¹ и Кавказа. Некоторые художественные древнетюркские приемы сохранились и в современной алтайской скульптуре. Особенно выразительны изображения человеческого лица у Ээзи - предков шамана, изображения фигур которых вставлялись в алтайские бубны²².

Этническая принадлежность алтайских изваяний - один из сложнейших вопросов археологических исследований. Довольно плодотворным является изучение изобразительной манеры и реалий, характерных для тех или иных изваяний, и в особенности сравнение фигур, изготовленных одним и тем же мастером. Еще А. Д. Грачом подмечено, что некоторые каменные фигуры из Тувы совершенно идентичны по стилю и технике исполнения восточно-алтайским. Такое сходство отмечено нами и для других изваяний Чуйской группы (расположенной на границе с Монгун-Тайгинским районом Тувы). Поэтому, вероятно, прав А. Д. Грач, утверждавший, что на юго-западе Тувы и на Южном Алтае обитала компактная этническая группа, а пограничный хребет Чихачева, как и примыкающий к нему Шапшальский хребет, не служил в то время этнической границей. В эту группу входили тюркоязычные племена, известные по китайским летописям под именем "тугю". Другая группа древнетюркских племен, известная под названием "теле", также населяла Алтай. Какая-то часть алтайских изваяний, несомненно, оставлена и этими племенами.

Древнетюркские изваяния Алтая как бы связывают два центра сосредоточения древней скульптуры: Центральную Азию (Монголия, Тува) и Среднюю Азию (Казахстан, Семиречье), что соответствовало в средние века политическим границам восточно- и западно-тюркского каганатов. Однако выделить среди них

группы фигур, принадлежавших конкретным племенам, в настоящее время невозможно. Пока что можно говорить лишь об общих этнических категориях. Например, аргутская группа отличается от основной массы алтайских изваяний подробной детализацией одежды, вооружения, своеобразными головными уборами. Она явно тяготеет к восточно-казахстанским изваяниям (кимако-кыпчакский этнокультурный ареал). Другие группы алтайских изваяний опять же имеют свои локальные отличия, может быть отражающие внутреннюю этнографию древнетюркских каганатов. Каменные изваяния остаются одним из основных археологических источников по этническому составу населения Алтая в древнетюркскую эпоху. Но эти данные необходимо дополнить планомерными дальнейшими исследованиями других средневековых памятников края: поселений, могильников, наскальных рисунков.

Примечание

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1 Плетнева С. А. Половецкие каменные изваяния.- САИ, М., 1974, вып. Е 4-2, с. 59, рис. 29.

2 Дополнительное раскрашивание предполагается и для более древних памятников - охунских Стел и оленных камней, для которых первичным материалом также могло служить дерево (см.: Грязнов М. П. Саяно-Алтайский олень. Проблемы археологии, Л., 1978, вып. 2, с. 229).

3 Плетнева С. А. Половецкие каменные..., с. 58, рис. 28, а.

4 Кубарев В. Д. Древние изваяния Алтая. Новосибирск, 1979.

5 Плетнева С. А. Половецкие каменные..., с. 73.

6 Швецов М. Л. Половецкие святилища.- СА, 1979, № 1, с. 199.

7 Кызласов Л. Р. О назначении древиетюркских каменных изваяний.- СА, 1964, № 2, с. 27-39.

8 Шер Я. А. Каменные изваяния Семиречья. М.- Л., 1966.

9 Савинов Д. Г. Антропоморфные изваяния и вопрос о ранних тюрко-кыргызских связях.- В кн.: Тюркологический сборник 1977 г. М., 1981, с. 246.

10 Кубарев В. Д. Древние изваяния Алтая, с. 93.

11 Савинов Д. Г. Антропоморфные изваяния..., с. 242.

12. К "лицевым" изваяниям мы относим фигуры, на которых смоделирована только голова человека или выполнены детали лица. В настоящее время среди "лицевых" изваяний трудно выделить ранние и поздние фигуры, но что таковые среди них имеются, свидетельствует их число, составляющее более половины всех известных центрально-азиатских изваяний.

- 13 Кляшторный С. Г. Мифологические сюжеты в древнетюрских памятниках,- В кн.: Тюркологический сборник 1977 г. М . 1981, с. 133.
- 14 Кляшторный С. Г., Лубо-Лесниченко Е. И. Древние изваяния в Гоби.- Тез. докл. к конференции "Искусство и культура Монголии и Центральной Азии". М., 1981, с. 50.
- 15 Кызласов Л. .Р. Древняя Тува. М., 1979, с. 123.
- 16 Кубарев В. Д. Древние изваяния..., с. 30-31, 87.
- 17 Швецов М. Л. Половецкие святилища, с. 209.
- 18 Шер Я. А. Каменные изваяния..., с. 68. Ранний образ Будды иконографически передается в основном сидящим в позе дхьяна-мудра или стоящим в позе абхьяя-мудра. Для изображения характерны: собранные в пучок волосы или сложный головной убор, драгоценные ожерелья, серьги, браслеты, "портупея", сосуд для воды или лотос в руке. То есть Будда предстает в богатых одеждах со всеми знаками знатного происхождения (см.: Пугаченкова Г. А. Бактрийско-индийские связи в памятниках искусства - В кн .: Древняя Индия. М., 1982, с. 254).
- 19 Савинов Д. Г. Антропоморфные изваяния..., с 244- Потанин Г. Н. Путешествие по Монголии. М., 1948, с. 49, рис. на с 51
- 20 Дневные записки путешествия капитана Н. Рычкова в Киргис-Кайсацкой степи в 1771 году. Спб., 1772, с. 81.
- 21 Чариков А. А. Каменные бабы Казахстанского Прииртышья Омск, 1979, с. 69.
- 22 Иванов С. В. Скульптура алтайцев татар. Л., 1979, с. 184-185, рис. 179.

ПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО - Археологические открытия

АЭБ - Археолого-этнографический бюллетень

ВГО - Всесоюзное географическое общество

ГАНИИЯЛИ - Горно-Алтайский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории

ГМЭ - Государственный музей этнографии

ГЭ - Государственный Эрмитаж

ЗСОПГО - Записки Сибирского отдела Русского географического общества
ИАК - Известия Археологической комиссии

ИГиГ - Институт геологии и геофизики СО АН СССР

ИИМК - Институт истории материальной культуры.

КСИА. - Краткие сообщения Института археологии АН СССР

КСИИМК - Краткие сообщения Института истории материальной культуры

КЭ - Курайская экспедиция

МАО - Московское археологическое общество

МАР - Материалы по археологии России

МАЭ - Материалы по антропологии и этнографии

МГУ - Московский государственный университет

МЭ - Материалы по этнографии

МИА - Материалы и исследования по археологии СССР

НГУ - Новосибирский государственный университет

РГО - Русское географическое общество

СА - Советская археология

САИ - Свод археологических источников

СЭ - Советская этнография

ТГИМ - Труды Государственного Исторического музея

ТТКАЭЭ - Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции

ЦГВИА - Центральный государственный военно-исторический архив

ПРИЛОЖЕНИЕ

В настоящем приложении приводятся описание и рисунки 256 изваянии (табл. I - L)

МАЙМИНСКИЙ РАЙОН

Таблица I (см. рисунок)

1. Близ г. Горно-Алтайска. Высота около 180 см. По рисунку М. П. Грязнова (Евтюхова Л. А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии.- МИА, М., 1952, № 24, с. 119, рис, 71, 8). "Выкопано на поляне около Улалы". Местонахождение в настоящее время неизвестно.

ШЕБАЛИНСКИЙ РАЙОН

2. Барагаш, 153x37x20 см. На плите светло-зеленой сланцевой породы с белыми прожилками кварца. Сильно выветрено. Техника точечная. На голове, тщательно вытесанной из монолита, изображен головной убор в виде конуса со срезанным верхом. Детали типичного монголоидного лица выполнены в невысоком рельефе. Нос и брови в один прием. Глаза слегка выпуклые, чуть раскосые. Полукруглый рот обрамляют едва различимые, плохо сохранившиеся усы. Правая рука, согнутая в локте, держит перед грудью небольшой круглодонный сосуд, слегка расширяющийся кверху (чаша или кубок, ножка которого зажата в руке). Пальцы слабо проработаны. Левая рука опущена на пояс, представляющий собой, узкий рельефный валик. Справа на поясе круглая рельефная сумочка, слева под поясом сабля или кинжал ножах.

Обнаружено студентами Горно-Алтайского педагогического института при выполнении сельскохозяйственных работ у с. Барагаш.

В экспозиции музея г. Горно-Алтайска, инв. № 8021.

3 Чепош. 60x42x9 см. На серо-зеленой сланцевой плите точечной техникой выполнена голова человека. Она выделена из монолита боковыми выемками, широкой полосой показана шея, одновременно намечающая абрис бороды. Глаза и рот углублены, нос длинный и прямой, выполнен в рельефе.

Выкопано на глубине 1 м при корчевании, пня в 2 км от с. Чепош по дороге в с. Муны в июле 1929 г.

В настоящее время экспонируется в музее г. Горно-Алтайска.

4. Куюс. 68x40x10 см. Материал - темно-серый диабаз. На плите с естественным конусообразным сужением в верхней части. Точечная техника. На широкой лицевой стороне изображено лицо человека. Одной узкой полосой выбита шея, т. е. таким приемом голова выделена из монолита и показана острая борода. Брови двумя полосками, глаза и нос

выполнены в один прием. Рот короткой овальной чертой. Стоит лицом на юго-восток у оградки (2,3x2,5 м) в 2,5 км от с. Куюс, вверх по правому берегу р. Катуня.

5. Куюс. 84x27x15 см. Выполнено на плите светло-коричневого туфа. Обломано, сохранилась только правая выемка шеи, а также пояс двумя узкими, неглубокими желобками.

Найдено лежащим в 0,1 км на восток от изваяния 4 и в 15 м от дороги вдоль правого берега р. Катуня.

6. Куюс. 109x24x15 см. Материал-туф среднего эффузива. Плита светло-зеленого цвета с коричневой корочкой пустынного загара, который почти полностью сбит обработкой и сохранился только в нижней части. Верхней части плиты обработкой приданы очертания головы человека. Округлены обработкой и грани плиты, лицо выполнено в низком рельефе с едва заметной подшлифовкой.

Обнаружено в 0,5 км на запад от изваяния 4 (по направлению к с. Куюс), в 0,6-0,8 км от правого берега р. Катуня. Изваяние стояло среди огромных глыб древнего камнепада, у края вспаханного поля, откуда, очевидно было принесено совсем недавно. Установлено лицом на север (?).

В настоящее время находится в экспозиции музея ИИФФ СО АН СССР г. Новосибирска.

7. Куюс. 82x26x15 см. Выполнено на продолговатом валуне (темно-зеленый туф) с естественным расширением вверху. Точечной техникой нанесены детали лица: глаза, брови и нос; рот-выемкой. Ориентировано лицом на юго-юго-восток. Найдено в 0,2 км на запад от изваяния 4 в группе оградок, устроенных по линии северо-восток - юго-запад. Группа насчитывает 10 небольших и одинаковых по размерам (2x2 м) оградок, сооруженных из сланцевых плит, с заполнением внутри из крупных и редких валунов. У крайней юго-западной оградки (1,6 м x 1,5 м) с восточной стороны и стояло изваяние. В юго-юго-восточном направлении от него, возможно, был поставлен ряд балбалов, о чем свидетельствуют два поваленных камня.

Хранится в фондах музея ИИФФ СО АН СССР г. Новосибирска.

8. Куюс. 125x35x6 см. Материал - ксенотуф зеленого цвета. Голова выделена из монолита, показаны шея и плечи. Детали лица слаборельефны. Правая рука, согнута в локте под острым углом, на уровне груди поддерживает сосуд. Левая рука едва прослеживается, опущена на рояс. На лице темно-красной охрой нанесен поздний автограф. Находилась у зимника, вниз по правому берегу р. Катуня, в 5 км на запад от с. Куюс. Более точное место находки не установлено.

Хранится в музее ИИФФ СО АН СССР г. Новосибирска.

9. Куюс. 61x18x7 см. Выполнено на половине продолговатого валуна (туф

среднего эффузива). Точечной техникой нанесены детали лица, на груди двумя ямками намечены нагрудные бляхи или грудь.

Точное местонахождение не установлено. Передано А. П. Погожевой жителями с. Куюс.

Хранится в музее ИИФиф СО АН СССР г. Новосибирска.

10. Куюс. Высотой около 120 см (по фотографии из Горно-Алтайского музея). На плите с округленным верхом выполнено лицо. Овал лица обозначен не широкой, но глубоко выбитой линией. Глаза, нос и усы в невысоком рельефе, рот продолговатой выемкой. От подбородка вниз опускается ряд бороздок, возможно имитирующих бороду. Нижняя половина изваяния расколота на две части. Местонахождение в настоящее время неизвестно.

УСТЬ-КАНСКИЙ РАЙОН

Таблица II (см. рисунок)

11. Белый Ануй. 150x65x20 см. По рисунку М. П. Грязнова (см.: Евтюхова Л. А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии. М., 1952, с. 75, рис. 4). В другой работе Л. А. Евтюховой (Каменные изваяния Северного Алтая. - ТГИМ, М., 1941, вып. 16) сказано, что изваяние найдено крестьянином Г. В. Коневым в 3 км от с. Белый Ануй, в долине реки с аналогичным названием. Стоит у входа в Томский государственный университет.

12. Ануй. 164x40x11 см. Выполнено на плите серо-коричневого песчаника. Повреждено частыми сколами, сильно выветрено. Голова овальной формы выделена из монолита, показаны плечи, левое полностью сколото. Детали лица слаборельефны и почти неразличимы из-за плохой сохранности.

Окрестности с. Сибирячки на р. Ануй, условия находки неизвестны.

В настоящее время в экспозиции музея г. Бийска.

13. Ябоган. 45x32x15 см. Материал-темно-зеленый метаморфизованный песчаник. Сохранилась только голова овальной формы, детали лица слаборельефны, кроме рта, который изображен неглубокой выемкой, окруженной валиком (губами).

Находилось в школе с. Ябоган. Более точных сведений о местонахождении нет. В настоящее время экспонируется в музее ИИФиф СО АН СССР г. Новосибирска.

14. Шиверта. 40x20x5 см. Обломок головы или часть лица, сколотого с фигуры, выполнены на плите сланцевой породы. Детали лица нанесены сочетанием контурной и точечной техники, в невысоком рельефе.

Находилось в школе с. Ябоган. Вывезено из бывшего с. Шиверта. В настоящее время в экспозиции музея ИИФиф СО АН СССР г. Новосибирска.

15. Шиверта. 53x32x4 см. Выполнено на светло-серой, почти белой плите мозаично-зернистого мраморизованного известняка. Техника точечная.

Голова выделена из монолита глубоким желобком-выемкой. Показаны шея и плечи, на груди треугольный вырез одежды. На широком монголоидном лице детали нанесены в низком рельефе, за исключением рта, который выполнен небольшим овальным углублением. В таком же невысоком рельефе изображены руки, с подчеркнута сильными трапециевидными мышцами. Правая рука согнута в локте и держит перед грудью миниатюрный сосуд с округлым туловом и узким горлом. Левая рука согнута под прямым углом и сжимает рукоять слабоизогнутой сабли в ножнах. Пальцы левой руки намечены. Пояс подразумевается на талии фигуры, выделенной подшлифовкой этой части. На правом боку частично сколотое изображение сумочки. Изваяние повреждено сколами сверху и снизу.

Находилось во дворе школы с. Ябоган. Вывезено из бывшего с. Шиверта. В настоящее время экспонируется в музее ИИФиф СО АН СССР г. Новосибирска.

16. Сары-Кобы. 180x30x12 см. Выполнено на плите карбонатной породы (белый известняк). Сильно выветрилось, расслоилось, левая часть головы и плечо сколоты. Выполнено сочетанием точечной и контурной техники. Голова выделена из монолита боковыми выемками, едва намечены плечи. Широкой углубленной полосой показаны шея, вырез одежды на груди и абрис острой бороды. Лицо монголоидное, нос и брови одним рельефом, подправлены резной линией. Глаза раскосые, немного выпуклые, рот овальной выемкой. Сохранились очертания только одной правой руки, нанесенные неглубокой врезной линией. Она слегка согнута в локте и заканчивается сосудом с округлым туловом, поддоном и прямым горлом. На левом боку сохранился фрагмент изображения пояса, нанесенный двумя резными линиями. В нижней части лицевой стороны фигуры две глубокие ямки неясного происхождения.

Стояло в поле у разрушенной оградки. Ориентировано лицом на юг. В 1 км справа от тракта Усть-Кан - Тюн-гур, напротив Усть-Канской пещеры. Сейчас выставлено в музее г. Горно-Алтайска.

17, Карасу. 170x46x15 см. На плите серо-зеленого сланца. Правая часть головы сколота. Голова смоделирована реалистично, отделена от туловища глубокой выемкой, обозначающей шею фигуры. Детали лица рельефом, кроме рта, который намечен едва заметной овальной выемкой. Сохранилось левое ухо с серьгой (?). На груди показан разрез, с правым запахом одежды. Правая рука со слабо проработанными пальцами поддерживает сосуд с округлым туловом и почти прямым горлом. Левая рука опущена вниз на рукоять сабли в ножнах. На правом боку различается часть пояса, намеченная двумя бороздками, и круглая рельефная сумочка.

Найдено В. Н. Владимировым в урочище Карасу по дороге из с. Усть-Кан на с.

Мендурсокон. Лежало с восточной стороны оградки (2x2 -м), входящей в большой погребально-поминальный комплекс. В настоящее время находится в фондах археологической лабораторий Барнаульского

университета.

18. Канская степь. 44x21x16 см. На четырехгранной плите крупнозернистого гранодиорита. Техника точечная. Одной выбитой полосой показаны шея и очертания бороды, нос и надбровья одним низким рельефом. Усы также слаборельефны. Слегка выпуклые миндалевидные глаза оконтурены мелким желобком. Таким же узким и мелким желобком показаны высоко приподнятые дугообразные брови. Рот скорбный дугообразной выемкой.

В экспозиции музея г. Бийска.

ОНГУДАЙСКИЙ РАЙОН

Таблица III (см. рисунок)

19. Талдушка. Высота около 180 см. По рисунку М. П. Грязнова (Евтюхова Л. А. Каменные изваяния..., рис. 71, 6). В устье р. Талдушки, лицом на восток у четырехугольной каменной оградки. Местонахождение в настоящее время неизвестно.

20. Талдушка. Высота около 100 см. Из серого песчаника. По рисунку и фото М. П. Грязнова (Евтюхова Л. А. Каменные изваяния..., с. 119, рис. 71, 2).

Стоит лицом на восток у четырехугольной каменной оградки в устье р., Талдушки. В настоящее время местонахождение неизвестно.

21. Теньга. С рисунка И. Г. Гранэ, 1907 г. (см.: GraT-no J. G. Archaologische Beobachtungen.- JSFO, Helsinki, 1907, vol. 26, табл. VIII, 26). Значится на р. Теньга. Сходно с изваянием 19. В настоящее время местонахождение неизвестно.

22. Теньга. По рисунку И. Г. Гранэ, 1907 г. (см.: Grane J. G., Archaologische..., табл. VIII, 28). Овал лица обозначен контурной замкнутой линией, детали лица, очевидно, также отдельными линиями.

На р. Теньга такого изваяния не обнаружено.

23. Теньга. По фотографии И. Г. Гранэ - 1907 г. (Grano J. G. Archaologische..., табл. VIII, 29). Овал лица прочерчен (?) контурной замкнутой линией, детали лица также, очевидно, контурной техникой, показаны уши. Головной убор необычной формы. Значится на р. Теньга. Местонахождение в настоящее время не установлено.

24. Теньга. 117x40x24 см. Выполнено на массивном гранитном (?) блоке с естественным коническим верхом, подразумеваемым как головной убор. На широкой плоскости точечной техникой нанесены только детали лица: одним приемом брови и нос, отдельно волнистые усы и одной чертой рот. Глаза раскосые. Узкой полосой также намечен овал лица.

Обнаружено на вспаханном поле (лицом вниз, оградки не было) в окрестностях с. Озерного на р. Теньга.

Экспонируется в музее ИИФиф СО АН СССР г. Новосибирска.

25. Кара-Кобы. 157x58x15 см. На массивной сланцевой плите серого цвета глубокой выбивкой (точечная техника) показаны детали лица. Особенно характерно реалистичное изображение ушей, менее четко различима линия верхней части головы. Стилистически сходно с изваянием 23.

У восточной стороны оградки (кургана?) на правом берегу р. Урсул, близ с. Кара-Кобы, в 21 км от Туяхтин-ской нефтебазы. Сейчас в экспозиции музея г. Горно-Алтайска.

26. Урсул. Высота около 75 см. По рисунку М. П. Грязнова (Евтюхова Л. А. Каменные изваяния..., с. 119, рис. 71, 1). "Стоит лицом на восток у четырехугольной каменной оградки на р. Урсул". В настоящее время местонахождение неизвестно.

27. Каерлык. Рисунок М. Швецовой (Швецова М. Алтайские калмыки.- ЗСОРГО, Омск, 1898, кн. 23, с. 4, рис. 1). Местонахождение в настоящее время неизвестно.

Таблица IV (см. рисунок)

28. Шибе. 183x45x13 см. Выполнено на массивной плите черного цвета. В ее верхней части выбивкой изображено лицо человека. В нижней части глубоко выбитые ямки-лунки и неясное изображение какого-то животного.

Стоит, сильно наклонившись на восток, у оградки (4,7x4,7 м) в урочище Шибе на р. Урсул.

29. Онгудай. 147x40x19 см. На сланцевом бруссе светло-зеленого цвета. Точечной техникой в высоком рельефе выполнены детали лица: глаза, брови, нос и усы. Рот глубокой выемкой. Шея намечена двумя боковыми выемками. На груди крупными и глубокими точками нанесена непонятная фигура.

Найдено лежащим лицом вверх у кучи мелких камней и обломков плит, собранных с поля. В 1 км от с. Онгудай вниз по правому берегу р. Урсул.

В настоящее время находится в экспозиции музея ИИФиф СО АН СССР г. Новосибирска.

30. Шибе. 80x60x20 см. На узкой стороне плиты, поставленной в качестве балбала у изваяния 31. Личина выполнена глубокими ямками-выемками.

Находится в северной части урочища Шибе, на левом берегу р. Талдушки (левый приток р. Урсул).

31. Шибе. 112x32x20 см. Выполнено на плите серо-зеленого цвета. В верхней части точечной техникой, нанесены только детали лица.

Стоит в северной части урочища Шиббе, близ д. Талда, в 0,5-0,6 км на восток от р. Талдушки.

32. Шиббе. 168x36x13 см. Выполнено на плите плотной темно-зеленой породы. В верхней части плиты изображено лицо: шея и уши желобком; маленький рот глубокой выемкой; глаза, брови, нос и "пухлые" щеки рельефом. Стоит с восточной стороны оградки (4x4 м), в 0,2 км к северу от д. Талда (левый берег р. Урсул).

33. Длинный Бомчик. 212x44x19 см. Выполнено на светло-серой плите. Лицо полностью сколото. На груди показан вырез одежды. Правая рука, согнутая в локте, поддерживает перед грудью небольшой круглодонный сосуд. Левая, очевидно, покоилась на рукояти сабли в ножнах, изображенной на левом боку фигуры. Слабо различимый пояс выполнен в невысоком рельефе (ширина 4 см). К нему с правой стороны подвешена полукруглая сумочка. На узкой нижней части изваяния одной поперечной бороздой обозначена линия, по которую оно вкапывалось в землю.

Стояло лицом на юго-восток, в 1 км выше озера, в урочище Длинный Бомчик (долина р. Теньга).

Таблица V (см. рисунок)

34. Шиббе. Высота около 150 см. По рисунку М. П. Грязнова (Евтюхова Л. А. Каменные изваяния..., с- 119, рпс. 71, 5). Стоит лицом на восток у четырехугольной каменной оградки (8,5x8 м) в урочище Шиббе на р. Урсуд. На восток от изваяния ряд из пяти камней на расстоянии 50 м. Местонахождение в настоящее время неизвестно.

35. Шиббе. По рисунку М. П. Грязнова (Евтюхова Л. А. Каменные изваяния..., с. 119, рис. 71, 4). Стоит лицом на восток у четырехугольной каменной оградки (10,5 x 11 м) в урочище Шиббе на р. Урсул. Местонахождение в настоящее время неизвестно.

36. Ело. 99 x32 x9 см. Выполнено на светло-серой гранитной плите, грани которой округлены обработкой. Техника точечная. Голова отбита по плечи. В невысоком рельефе выполнены руки фигуры. Правая согнута в локте под острым углом и поддерживает перед грудью сосуд с округлым туловом и низким прямым горлом. Пальцы этой руки проработаны. Левая рука опущена на 'пояс, который выполнен в виде узкой рельефной полосы. Справа к поясу подвешена полукруглая сумка, изображенная в невысоком рельефе. Слева к поясу на двух портупейных ремнях подвешены ножны. В них сабля или палаш с прямым перекрестием и слабоизогнутой рукоятью.

Найдено в окрестностях с. Ело, экспонируется в музее г. Бийска.

37. Ело. 239x60x13 см. Выполнено на плите темно-серой сланцевой породы с естественным кодическим верхом. Обозначены выбивкой "только детали лица: глаза, брови, нос и выемка шеи.

Вывезено из окрестностей с. Ело А. И. Минорским в 1947 г. (было вкопано на

глубину 53 см). В настоящее время экспонируется в музее г. Горно-Алтайска, инв. № 8018.

38. Курота. 62 х31 х9 см. Выполнено на сланцевой плите темно-серого цвета. Хорошо смоделирована круглая голова, четко выделены плечи. Лицевая часть сколота или выветрилась, сохранились только слегка выпуклые глаза, брови и часть носа. Обнаружено на левом берегу р. Куроты, в 2 км от Чуйского тракта в одном из логов. Находилось в куче камней, от которых были очищены поля.

Хранится в музее ИИФФ СО АН СССР г. Новосибирска.

Таблица VI (см. рисунок)

39. Нижняя Талда. 65 х23 х23 см. Выполнено на светло-зеленом гранодиоритовом туфе. Детали лица нанесены точечной техникой.

Находится в 0,5 км от с. Курота, на левом берегу руч. Нижняя Талда, почти в устье его, при впадении в р. Куроту. Оно также стоит на вспаханном поле, ориентировано лицом на юго-восток, оградка не сохранилась.

40. Нижняя Талда. 110х30х14 см. На светло-серой сланцевой плите. Детали лица сильно выветрились, однако сохранились рельефный нос, выемка шеи и . рот овальной ямкой. Обнаружено лежащим в 50 м на запад от могильника ранних кочевников, на правом берегу руч. Нижняя Талда, в 1-1,5 км от с. Курота.

41. Нижняя Талда. 170х42х16 см. Выполнено на плите темно-серой сланцевой породы. Грубой оббивкой плите приданы очертания человеческой фигуры. Детали лица рельефные. В верхней части головы поперечной линией показан нижний край головного убора. Руки с проработанными пальцами на уровне живота поддерживают большой сосуд.

Стояло у зимника, на правом берегу руч. Нижняя Талда и, очевидно, было перенесено с соседнего поля, где имеются следы разрушенных насыпей курганов и оградок.

В экспозиции музея ИИФФ СО АН СССР г. Новосибирска.

42. Нижняя Талда. 95 х30 х13 см. На сланцевой плите темно-серого цвета. Одной выбитой полосой обозначена шея фигуры, детали лица выветрились.

Найдено неподалеку от изваяния 41, сразу же за зимником на вспаханном поле. Установлено с восточной стороны оградки (2 х2 м), лицом на север.

43. Нижняя Талда. 126 х35 х8 см. На темно-зеленой сланцевой плите, которая обработана со всех сторон. Выделена голова из монолита, детали лица намечены слабо, а возможно, сильно выветрились. Особенно четко выделяется пояс, выбитый параллельными бороздками. Верхняя часть

плиты сколота.

Найдено лежащим в глубоком логу, на правом берегу руч. Нижняя Талда (выше третьего зимника от с. Курота, вверх по ручью). Смещено с первоначального места установки.

44. Нижняя Талда. 84 x27 x14 см. Выполнено на сланцевой плите черного цвета. Кроме четких деталей большого лица, выполненных в высоком рельефе, на изваянии показаны две круглые бляхи на груди. Нижняя часть изваяния сколота.

Обнаружено вместе с изваянием 43, сейчас находится в экспозиции музея ИИФФ СО АН СССР г. Новосибирска.

Таблица VII (см. рисунок)

45. Кулада. Высотой около 130 см. Рисунок с фотографий, предоставленных Е. М. Тоцаковой и В. А. Кочеевым. Выполнено на темно-серой сланцевой плите точечной техникой. Неглубоким желобком из монолита выделена голова, обозначена шея и острая борода. Одной выбивкой изображены брови и пышные усы. Глаза маленькие, округлые. Рот из двух овальных выемок. В нижней части двумя боковыми выемками намечен пояс. Ранее находилось на окраине с. Кулады, в настоящее время местонахождение неизвестно.

46. Кулада. 220x57x25 см (Евтюхова Л. А. Каменные изваяния..., с. 73, рис. 2). В настоящее время местонахождение неизвестно,

47. Кулада. По рисунку художника Д. И. Кузнецова (Евтюхова Л. А. Каменные изваяния..., с. 73, рис. 2). В долине р. Каракола, в настоящее время местонахождение неизвестно.

48. Кулада. Из альбома художника Г. И. Чорос-Гуркина, 1930 г. (Евтюхова Л. А. Каменные изваяния..., с. 74, рис. 3, -7).

49. Кулада. По рисунку художника Д. И. Кузнецова (из архива М. П. Грязнова). Найдено "в 10 верстах от перевала, при впадении р. Кулады в версте от Каракола", Местонахождение в настоящее время неизвестно.

Таблица VIII (см. рисунок)

50. Кулада. По рисунку Г. И. Чорос-Гуркина, 1930 г. (из архива М. П. Грязнова: "...высота 8 четв., шир. в головах 3 четв. .1 вершок, в долине р. Каракол, у с. Кулада"). Местонахождение в настоящее время неизвестно.

51. Кулада. Из альбома художника Г. И. Чорос-Гуркина, 1930 г. (из архива М. П. Грязнова: "...высота 9,5 четв.").

Находится в экспозиции музея г. Барнаула.

52. Кулада. 220 x37 x26 см. Лейкократовый гранит. Известно также по рисунку

художника Г. И. Чорос-Гуркина, 1930 г., из архива М.П. Грязнова и у Л. А. Евтюховой (Евтюхова Л. А. Каменные изваяния..., с. 72, рис. 2, 3). "Вытесано из четырехугольного столба серовато-зеленого сланца, высотой около 2,15 м, при ширине граней до 36 см. Наверху одной из граней, на высоте одной трети, плоской скульптурой высечено неясное изображение человека. Голова подчетыреугольной формы. Широкие усы круто загибаются кверху, борода заострена. Правая рука, согнутая в локте, кистью прижата к груди, левая согнута в локте под прямым углом, кисть находится на уровне живота. Изваяние лежит у восточной стенки четырехугольной каменной оградки".

Окрестности с. Кулада. Размеры оградки 3,5 х3,5 м. Заполнение - огромные валуны, ориентировано по странам света. Балбалов нет. В настоящее время находится во дворе школы с. Кулада.

53. Кулада. 115 х56 х14 см. Выполнено на плите серого песчаника с естественными антропоморфными очертаниями. Расколото поперек на две половины. Детали лица нанесены точечной техникой. Известно также по рисунку художника Г. И. Чорос-Гуркина. Вывезено из долины р. Каракол.

В настоящее время - в экспозиции музея ИИФиф СО АН СССР г. Новосибирска.

54. Кулада. 167 х42 х4 см. Из монолита выделена только голова. Детали лица низкорельефны. Показана шея и острая, клином, борода. Правое плечо сколото сильным ударом.

Найдено при распашке поля в окрестностях с. Кулада и сейчас экспонируется в школьном музее.

55. Каракол. По отчету В. И. Долбежева об археологических розысканиях в Алтайском округе в 1907 г. (Архив ЛОИА АН СССР, ф. 1,1907 г., д. 13). "В старообрядческом поселке "Хабаровка" верстах в 25 по дороге к почтовой станции " Кор-Кучи" предъявила небольшой монолит из зеленоватого гранита, по виду естественной, неправильно 3-х гранной формы, найденный в урочище "Черная Речка", вблизи впадения речки "Урсули". На нем ясно было видно неглубоко высеченное изображение частей лица: бровей, глаз, продолговатого носа и рта. Камень найден топографом Алтайского землеустройства Алексеем Павловичем Мещеряковым, стоящим, по словам г. Мещерякова, вертикально. Установлен был в камнях на глубине пол-аршина. Всей длины камня немного больше 1-го аршина. По просьбе моей г. Мещеряков согласился доставить этот памятник в Бийск и сдать его в транспортную контору для доставления в Императорскую Археологическую комиссию, за счет комиссии. Исполнено ли это, мне не известно". Местонахождение в настоящее время неизвестно.

Таблица IX (см. рисунок)

56. Онгудай. 44 х28 х18 см. Выполнено на плите плотной мелкозернистой породы. Техника точечная. Узкой полоской-желобком выделена голова из монолита. Нос и надбровья одним рельефом. Глаза миндалевидные,

выпуклые. Брови одним волнистым желобком. Слаборельефные усы почти прямые. Рот короткой углубленной чертой.

Вывезено в 1972 г. из окрестностей с. Онгудай в г. Горно-Алтайск, где сейчас и экспонируется в музее, инв. № 8031.

57. Онгудай. 38 x25 x8 см. Выполнено на плите плотной мелкозернистой породы. Техника точечная. Узким желобком выделена голова из монолита. Нос и надбровья одним невысоким рельефом. Глаза миндалевидные, выпуклые. Брови волнистым желобком. Маленький овальный рот обрамляют небольшие усы. На голове следы сколов. По стилю и технике исполнения изваяние аналогично изваянию 56.

Условия местонахождения неизвестны. Вывезено в 1972 г. в музей г. Горно-Алтайска, инв. № 8032.

58. Онгудай. По рисунку из работы Г. Н. Потанина (Памятники древности в Северной Монголии.- Тр. МАО, М., 1886, т. 10, с. 53, табл. II, 16). "Каменная баба, стоящая в трех верстах к востоку от селения Ангудай, в долине р. Урсула".

59. Улита. Точечная техника. Одной выбитой линией выделена голова из монолита. Детали лица рельефны.

Обнаружено на краю распаханного поля близ с. Улпта (см.: Уманский А. П. Безмолвные стражи алтайских степей.- Алтай, Барнаул, 1966, № 2(37), с. 107).

Хранится в музее г. Барнаула.

60. Айтэны. 160 x30 x20 см. Темно-серый брус, расширяющийся кверху. Материал - вулканический туф (фельзитопорфир). На гладкой поверхности лицевой стороны камня сочетанием контурной и точечной техники нанесено изображение головы человека. Абрис лица показан одной овальной полосой. Глаза, нос, усы, загнутые концами вверх, также нанесены в один прием - одной полосой. Брови одной волнистой дугой, рот овальной чертой. Непропорционально большие уши изображены при помощи двух параллельных дугообразных полосок. Правое ухо не вместились на лицевой стороне и было перенесено на южную боковую сторону камня.

Было вкопано у восточной стороны оградки (3 x3 м) и ориентировано лицом на восток. К северо-восточному углу оградки пристроена точно такая же оградка, но меньшая по размерам (1,2 x1,4 м). Оградки раскопаны. Общее число плит основной оградки 12 (по 3 шт. в восточной и западной, 4 в северной и 2 плиты в южной стороне). Плиты наклонены наружу и вкопаны в неглубокие канавки. В центре обеих оградок глубокие ямки: яма в основной оградке глубиной до 0,5 м, во второй 30-40 см. Угли встречены только в малой дополнительной оградке, других находок не было.

В 12 км от с. Хабаровка вверх по левому берегу р. Малый Ильгумень, в логу Айтэны.

Вывезено в г. Новосибирск, где и экспонируется в музее ИИФиф СО АН СССР.

61. Айтэны. 150x32x38 см. На светло-сером бруске вулканического туфа (фельзит-цорфир) выполнена голова человека. Грани бруса округлены обработкой только с лицевой стороны. Техника точечная. Одной выбитой линией обозначена шея фигуры. Благодаря естественной фактуре камня, учтенной мастером, обозначена борода. На лице рельефом изображены нос и надбровье, неглубокой выбивкой - брови и рот. Дугообразными полосками на боковых сторонах нанесено изображение гривны.

Найдено лежащим на краю поля, в 150 м на юго-восток от изваяния 60, в логу Айтэны на левом берегу р. Малый Ильгумень, в 12 км от с. Хабаровка.

Вывезено в музей ИИФиф СО. АН СССР г. Новосибирска.

62. Кор-Кечу. 110x38x10 см. Из серого гранитного монолита, выделена голова, намечена талия. Детали лица, очевидно, веветрились или сбиты.

Обнаружено на краю вспаханного поля, рядом с курганным могильником, в устье р. Большой Ильгумень у бома Кор-Кечу.

Таблица X (см. рисунок)

63. Айлягуш. 125 x30 x12 см. Материал - мелкозернистый песчаник светло-зеленого цвета. С лицевой стороны плиты приданы округлые очертания, выделена голова из монолита. Детали лица в невысоком рельефе. Пояс рельефным валиком.

Стояло на правом берегу р. Айлягуш, в 10 км выше моста.

В экспозиции музея ИИФиф СО АН СССР г. Новосибирска.

64. Иня. 47.х37х14 см. Выполнено на скатанной сланцевой плите серо-голубого цвета. В невысоком рельефе исполнены глаза и нос, другие детали лица неглубоким желобком. Ориентировка изваяния юго-восточная. В 0,5 м от него на юго-запад оградка, сооруженная из сланцевых плит. Размеры ее 3,2 х3,5 м. Внутри выложена небольшими валунами и скальными обломками.

Находится у с.Иня, на левом берегу р. Катунь.

65. Иня. 85x38x12 см. На плите светло-зеленого сланца. Изваяние разбито, обломок головы был найден в 20 м от него. На сохранившейся части видна только линия нижней части лица, бороды и выемка шеи.

Установлено с юго-юго-восточной стороны оградки (3,5 х3,5 м), составленной из плит и заполненной обломками гранитных глыб. На юго-восток от оградки ряд поваленных камней, точное число которых установить не удалось. Стоит в окрестностях с. Иня, на левом берегу р. Катунь.

66. Казна. .55 x25 x12 см. На сланцевой плите светлосерого цвета. Глубокими прорезными линиями выполнены детали лица. Часть бороды и грудь сбиты частыми скосами. Установлено вторично (уже в наши дни) у конной тропы. Рядом несколько курганных насыпей и древнетюркских оградок. В урочище Казна на левом берегу р. Малый Еломан, в 1,5 км вверх по реке от одноименного села.

В настоящее время экспонируется в музее ИИФиф СО АН СССР г. Новосибирска.

67. Инегень. 40 x40 x2 см. Выполнено на тонкой плите глинистого сланца зеленого цвета. Материал принесен с окрестных выходов, всего в 0,1-0,2 км на северо-запад от места установки. Верхняя часть изваяния почти полностью сколота, сохранился только рот - выемкой, да линия подбородка. На шее также изображено ожерелье (?) из круглых рельефных бляшек.

Установлено с южной стороны оградки (3x3 м), сооруженной из плит, поставленных на ребро, и заполненной внутри валунами.

Находится на левом берегу р. Катуня, в 0,5-0,6 км к северу от с. Инегень.

68, 69. Сок-Ярык. Два статуарных изваяния, выполненные на одинаковых плитах зеленой сланцевой породы. Размеры: 68-70x40x10 см; 69-60x40x11 см. У обеих фигур головы выделены из монолитов при помощи боковых выемок. Детали лица неразборчивы - сильно выветрились. Стоят с северо-восточной стороны трех оградок (4x4 м каждая), устроенных в ряд по линии северо-запад - юго-восток.

Оградки с изваяниями находятся в южной части долины Сок-Ярык, на левом берегу р. Катуня, близ с. Инегень.

70. Юхтинер. 80x30x11 см. Выполнено на валуне белого среднекристаллического мрамора, искристого на изломе. Голова выделена из монолита весьма реалистично, показаны округлые плечи или рельефные отвороты одежды (воротник шубы?). Часть головы сколота сильным ударом. Глубокой выемкой показана шея фигуры. Глаза выполнены редким приемом - углубленными продолговатыми выемками. Нос рельефный - прямой, слегка расширяется книзу. Рот выемкой, показана острая борода. На груди контурным желобком обозначена рельефная рука, поддерживающая сосудик с округлым туловом. Левая рука не обозначена. Изваяние стояло в 5 м на запад от конной тропы, лицом на восток. Но возможно, это его второе местонахождение (ближе к тропе, где часто проходят туристы). Вероятно, раньше оно стояло у оградки (3x3 м), расположенной с северо-запада от каменного кургана, рядом с зарослями кустарника. С северной стороны этой, оградки сохранилась характерная слабозадернованная западина от лежавшего здесь ранее изваяния.

Находится в устье руч. Юхтинер (левый приток р. Катуня).

71. Теробеты. 127x55x20 см. Выполнено на большой плите голубовато-серого рассланцованного песчаника. Голова наполовину сколота. В невысоком рельефе показаны плечи, руки: правая с сосудом левая под кистью правой. На руках проработаны пальцы. Слабой рельефной полосой обозначен пояс, сколотый в центральной части. С левой стороны к поясу подвешен точильный брусок.

Найдено наполовину вкопанным, лицом на юго-восток. Оградки не сохранилось.

Находится на правом берегу р, Катуня, в 1,5 км ниже с. Инегень, в устье руч. Теробеты.

72. Кара-Корум. 55 x42 x18 см. Выполнено на плите хлоритового сланца светло-серого цвета. Голова сбита, плита расслоилась. В нижней части с левого бока сохранилась продолговатая выемка, очевидно намечающая пояс фигуры.

Стоит в 1,5 м от оградки (1,6 x1,6 м) лицом на восток. Правый берег р. Катуня, напротив с. Инегень, в урочище Кара-Корум.

73. Кара-Корум. 89 x35 x13 см. На сланцевой плите серо-зеленого цвета. Голова полностью сколота. Рельефные руки выполнены в обычной манере: левая согнута в локте, кистью над поясом, правая перед грудью, пальцами поддерживает, очевидно, сосуд, изображение которого сколото. Особенно хорошо сохранился пояс с наборными бляхами (сердцевидной, квадратной и округлой форм -10-11 шт.) и пряжкой. На правом боку небольшая сумочка с валютами. Нижняя часть не обработана и была вкопана на глубину 40-50 см у оградки (2,2 x x1,9 м). Ориентировано лицом на юго-восток. В этом же направлении в 10 м от изваяния каменное кольцо и три камня-балбала на расстоянии 25 м.

Правый берег р. Катуня, напротив с. Инегень, в урочище Кара-Корум.

74. Кара-Корум. 67x33x18 см. На удлиненном валуне хлоритового сланца. Голова отбита по шее. На груди сохранился вырез одежды. Округлые руки в обычной манере: правая поддерживает перед грудью сосуд, левая за поясом. Пояс выделен двумя глубокими бороздками, наборные бляхи были, очевидно, рельефными - плохо сохранились. На правом боку к поясу подвешена округлая сумочка. Найдено лежащим в 4 м на юго-восток от небольшой (3,3x3,5 м) оградки, заполненной внутри валунами и белыми кварцитовыми гальками.

Правый берег р. Катуня напротив, с. Инегень, в урочище Кара-Корум.

75. Кара-Корум. 89 x30 x12 см. Выполнено на валуне мелкокристаллического габбро темно-серого цвета. Голова и правое плечо сколоты. Руки - рельефом, правая, с проработанными пальцами, держит перед грудью чашу в виде пиалы. Левая над поясом, в кисти зажата рукоять сабли или кинжала, который выполнен в виде одной рельефной полосы. Пояс набран рельефными бляшками квадратной формы п полностью опоясывает

фигуру. На правом боку округлая сумочка.

Ориентировано лицевой частью на юго-восток, вкопано у оградки (2,1 x1,5 м). Правый берег р. Катунь, напротив с. Инегень, в урочище Кара-Корум.

Таблица XI (см. рисунок)

76. Сатакулар. 122 x34 x13 см. На плите гранодиорита (?) светло-серого цвета. Голова отбита по линии шеи. Намечена талия фигуры, округлены грани плиты. Правая рука согнута в локте перед грудью, левая над поясом, с намеченными пальцами. Пояс рельефный, с квадратными бляхами и пряжкой. На правом боку округлая сумочка. Изваяние стояло по пояс в земле, наклоненное в сторону реки. Ориентировка-северо-восточная. Вокруг изваяния произведены раскопки. Перед ним обнаружено несколько плит, поставленных на ребро и образующих подобие каменного ящика-оградки (?). Размеры его 2,2x2,5 м. В центре оградки, округлая в плане, яма диаметром 40 см, глубиной 35 см. Вокруг изваяния отмечены многочисленные древесные угли, кости лошади и овцы.

Находится на правом берегу р. Аргут, в 1,5 км выше руч. Сатакулар.

77. Сатакулар. 74 x35 x20 см. Материал - крупнозернистый биотитовый гранит светло-серого цвета. В высоком рельефе выполнены детали лица: глаза, брови, длинный и прямой нос, небольшие усы и уши. Рот продолговатой выемкой. Руки намечены глубокими бороздками, пояс широко выбитой полосой. На левой стороне под поясом изображена сумочка. Изваяние слегка наклонено назад и ориентировано лицом на восток. Вокруг него несколько крупных валунов, оградки нет. Находится в 2,5 км выше руч. Сатакулар, по правому берегу р. Аргут.

78. Ачик. 155x33x14 см. Выполнено на трехгранной в сечении плите серо-зеленого цвета. Материал - серипит-хлоритовый сланец (?). Техника точечная. Голова смоделирована реалистично, достоверно переданы шея и плечи фигуры. Лицо широкое, скуластое, монголоидного облика. Нос и брови рельефом, глаза слегка выпуклые миндалевидные. Овальная рот обрамляют небольшие усы. Низким рельефом выступают уши. Правая рука, согнутая в локте, поддерживает миниатюрный сосуд с округлым туловом и отогнутым венчиком. Левая опущена к поясу. Пальцы обеих рук слабо проработаны. Двумя бороздками нанесен пояс, на котором изображены рельефные наременные бляхи двух типов: подквадратные с прорезью и лунницевидные. На правом боку к поясу подвешена круглая сумочка, украшенная валютообразными завитками.

Нижняя часть изваяния заключена в бетонный постамент с процарапанной датой - 1974 г. Первоначальное место установки предположительно в долине р. Шавлы.

УСТЬ-КОКСИНСКИЙ РАЙОН

79. Уймонский край. По фотографии из музея г. Барнаула. В архиве М. П. Грязнова о нем написано:

"Найдена в 1901 году в Уймонском крае" (см. также: Евтюхова Л. А. Каменные изваяния..., с. 119, рис. 71, 7).

Таблица XII (см. рисунок)

80. Тургунда. 140 x45 x23 см. Выполнены на широкой плите светло-зеленого цвета. Материал - кремнистый сланец (хлорит-серицит-кварц). На широкой лицевой плоскости точечной техникой изображено лицо человека. Оно имеет овальную форму и обведено по контуру выбитой полосой. Внизу одной полукруглой полосой, примыкающей к подбородку, показана борода. Глаза, нос и ноздри выбиты одним приемом при помощи выборки фона вокруг них. Рот и усы также нанесены в один прием.

Установлено у восточной стороны оградки (3,8 x3,8 м) с внутренней заброской из белых кварцитовых галек и других камней, необычных расцветкой или формой. Обращено лицом на восток.

Находится у руч. Тургунда, в 17 км от с. Тюнгур вверх по левому берегу р. Катуня.

81. Тургунда. 150x60x15 см. Материал - темно-серый алевролит. На лицевой плоскости, обращенной на восток, глубокой прорезной линией нанесено лицо человека. Глаза, нос и усы нанесены в один прием. Брови одной волнистой линией. Рот дугообразной двойной линией. На лице плохо различимые тончайшие прорезные линии, нанесенные беспорядочно.

Стоит одиночно, в 10 м на северо-запад от изваяния 80. В 17 км от с. Тюнгур вниз по левому берегу р. Катуня у руч, Тургунда. 120

82. Тургунда. 95x36x15 см. Выполнено на плите, подтреугольной в сечении. Материал - хлорит-кремни-стый сланец серо-зеленого цвета. Техника точечная. Глубоко выбитой полосой на широкой стороне нанесены очертания человеческого лица. При этом небольшим острым мыском вверху показаны зачесанные волосы или стилизованные брови. Внизу овальной полосой, примыкающей к лицу, изображена продолговатая борода. Глаза ("набрякшие" нижние веки), нос и усы выполнены рельефно. Рот глубоким овальным желобком, глубина которого достигает 0,3-0,5 см. На левой боковой стороне слабо намечено ухо.

Стоит одиночно и обращено лицом на восток, в 60 м на север от изваяния 80. Оно включает собой группу из трех фигур (80-82), поставленных в ряд по линии юг - север.

Находится в 17 км от с. Тюнгур вниз по левому берегу р. Катуня, у руч. Тургунда.

83. Тургунда. 90x35x20 см. Высечено на серой плите кварц-хлоритового сланца. Точечная техника. Одной выбитой полосой голова выделена из монолита. Она одновременно служит изображением шеи и намечает абрис бороды. Небольшие круглые глаза и нос выполнены в низком рельефе, брови - одной волнистой полосой. Изображение усов является

продолжением выбивки вокруг носа. Рот выполнен овальной глубокой выемкой.

Найдено упавшим на правый "бок" и почти полностью задернованным у восточной стороны оградки (3 х3 м), лицом на восток. Заканчивает собой ряд из трех оградок со стелами (II группа), сооруженными по линии юг - север. Группа II находится на расстоянии 0,1-0,2 км на запад от I группы оградок.

Находится в 17 км от с. Тюнгур вниз по левому берегу р. Катуня, у руч. Тургунда.

84. Тургунда. 147х30х15-10 см. На обработанной плите кремнистого сланца (хлорит-серицит). Техника точечная. Голова отбита по плечи. Она найдена здесь же, рядом с изваянием, но не подходит по излому. Тщательно смоделированная голова эллипсоидной формы, очевидно, оканчивалась вверху небольшим выступом - головным убором, который также сколот. Детали широкого монголоидного лица выполнены в низком рельефе и едва различимы. Правая рука согнута в локте под острым углом и поддерживает на уровне груди сосуд с округлым туловом и широким прямым горлом. Левая рука опущена на рукоять сабли или кинжала (сжимает ее). Сабля заткнута за пояс, выполненный узкой рельефной полосой. На руках слабо проработаны согнутые пальцы.

Стояло у восточной стороны второй оградки (3х3 м), которая является последней в III группе оградок, отстоящих на 0,1-0,2 км на запад от группы II.

Находится в 17 км от с. Тюнгур вниз по левому берегу р. Катуня, у руч. Тургунда.

85. Тургунда. 120X 30х 22 см. На расширяющейся кверху плите кремнистого сланца (карбонат-хлорит). Грубой точечной техникой на плите примитивно изображена человеческая фигура. Широкой прерывистой полосой выделена голова из монолита, показана шея. Детали лица нанесены схематично. Левый глаз не закончен, правый нанесен овальным контуром. Нос в низком рельефе. Рот и борода показаны одним овалом. Правая рука согнута в локте и держит сосуд, близкий по форме к кубку или высокой чаше. Левая рука едва намечена и сливается с изображением широкого пояса, над которым небольшой выступ означает, очевидно, рукоять кинжала или сабли. В этом же месте под поясом полукруглый предмет - сумочка (?).

Установлено у небольшой оградки, от которой сохранилась только одна восточная плита. Ориентировано лицом на восток. Расположено в 0,2 км от III группы оградок на северо-северо-запад.

Находится в 17 км от с. Тюнгур вниз по левому берегу р. Катуня, у руч. Тургунда.

86. Тургунда. 48х53х12 см. На плите плотного кремнистого сланца глубокими резными линиями нанесена голова человека. Глаза, нос и усы выполнены в один прием. Брови двумя отдельными дугообразными линиями. Рот

глубокой выемкой. На подбородке следы намеченной бороды. Изваяние было установлено у восточной стороны оградки (3x3 м), забутованной внутри белыми кварцевыми гальками. Ориентировано лицом на восток-юго-восток, значительно завалилось наружу. На восток от изваяния с оградкой установлены два небольших камня.

Находится в 17 км от с. Тюнгур вниз по левому берегу р. Катуня, у руч. Тургунда,

УЛАГАНСКИЙ РАЙОН

Таблица XIII (см. рисунок)

87. Беле. 97x43x15 см. Выполнено наплите крупнозернистого известняка. Из монолита выделена голова, хорошо различимы рельефные детали лица. Правая рука поддерживает перед грудью сосуд, левая - на животе. Известно также по фотографии А. Н. Глухова 1925 г. (из архива М. П. Грязнова), на которой написано: "Юго-восточный берег Телецкого озера у паскотины с. Билэ, в 200 саж. от берега озера".

В настоящее время находится там же, на берегу Телецкого озера, в урочище Беле, входящем в Алтайский заповедник.

88. Кожо-Таш. 95x17x31 см. Выполнено на сланцевой плите синего цвета, в верхней части изображено только лицо человека.

Стоит с северо-восточной стороны оградки (3,2x2,1 м). Находится в 20 км от с. Балыктыюль, за перевалом Алтыр-Оло, в урочище Кожо-Таш.

89. Тиланду. 93x48x10 см. На сланцевой плите серо-голубого цвета. Из монолита плиты выделена голова, показаны покатые плечи. Детали лица слаборазличимы - стерты или сбиты. Изваяние расколото пополам. Сколы латинизированные, древние. Верхняя часть лежала лицом вниз у южной стенки оградки (3,2x3,3 м). Нижняя часть вкопана с восточной стороны оградки и ориентирована также на восток.

Находится в долине Тиланду, в 8-10 км ниже Кату-Ярыка, на левом берегу р. Чулышман.

90. Балыктыюль. 123x30x12 см. На темно-серой сланцевой плите. Точечной техникой (крупными глубокими точками-ямками) выбиты детали лица. Первоначальное местонахождение неизвестно.

Экспонируется в школьном музее с. Балыктыюль.

91. Балыктыюль. 70x22 X 17 см. На серо-зеленом камне точечной техникой показано лицо, примитивно изображены (в виде двух выбитых полос) руки на поясе. Первоначальное местонахождение неизвестно. Экспонируется в школьном музее с. Балыктыюль.

92. Малая Балыкса. По фотографии 1977 г. (см.: Алексеев Н. А. Ранние

формы религии тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск, 1980, с. 194, рис. 24). "Надмогильный камень с изображением лица человека". Малая Балыкса близ с. Балыктыюль.

Таблица XIV (см. рисунок)

93. Кудыргэ. На валуне буро-зеленоватого песчаника, длиной 40 см. Рисунок дан в книге А. А. Гавриловой "Могилиник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен" (М.-Л., 1965, с. 18-21, табл. VI). "Мужская личина - лицо каменного изваяния - помещена в верхней части валуна, верхушка которого имитирует головной убор. Очертание нижней части головного убора отмечено линией, проходящей над бровями. Под сросшимися бровями косые разрезы глаз, очевидно подрисованных, судя по линиям, проведенных до висков. Ниже нос, усы и клиновидная борода.

Сцена коленапреклонения, изображенная на двух гранях на обороте валуна, дана здесь в развернутом виде. Перед сидящими женщиной и ребенком стоят на коленях три спешившихся всадника, два из которых держат лошадей за чумбур, лошадь третьего, изображенного в начале шеренги, пасется в конце шеренги. Кони с подстриженной тремя зубцами гривой взнузданы и заседланы разными седлами - два с низкими луками и одно с высокой, выступающей вперед лукой, с богатыми чепраками. Женщина и ребенок изображены в узорчатых одеждах, оба с серьгами с каплевидными подвесками в ушах. На женщине трехрогий головной убор. Лица изображены схематично - лишь прямо посаженные глаза, сросшиеся брови и нос. Рядом с ребенком колчан и лук в футляре; около человека, изображенного без лошади, пояс и на лице, видимо, маска со свисающими жгутами, как у шамана. На другой, видимо женской фигуре, такой же трехрогий головной убор, как на женщине, сидящей рядом с ребенком. На третьем человеке, видимо вожде, штрихами показан панцирь. Головной убор на нем похож на мисюрку".

Найден на глубине 58 см над погребением ребенка в могиле № 16. Урочище Кудыргэ на правом берегу р. Чулышман, в 15 км выше его впадения в Телецкое озеро.

Таблица XV (см. рисунок)

94. Ян-Улаган. По рисунку из работы А. В. Адрианова "Путешествие на Алтай и за Саяны, совершенное в 1881 г." (Зап. РГО, 1888, т. 2, с. 394, табл. I, II, рис. 2). "Все черты врезанной линией, щеки слегка сдолблены. Менее аршина в высоту и до 1/2 четв. ширины". Очевидно, это же изваяние упоминается у Н. М. Ядринцева - "В устье Улагана (к югу от Чулышмана) каменная баба, представляющая доску с начертанным на ней лицом, на котором ясно обозначены усы. Высота 75 см, ширина 39 см. От нее идет аллея из небольших вертикальных камней" (см.: Ядринцев Н. М. Описание сибирских курганов и древностей.- Тр. МАО, М., 1883, т. 9, с. 193). Местонахождение в настоящее время неизвестно.

95. Казыл-Мааны. 90x30x10 см. В невысоком рельефе на сланцевой плите выполнено лицо. Плита расколота в древности таким образом, что лицевая

часть с изображением оказалась найденной в 10 м на восток от оградки (4,7x4,7 м), рядом со вторым балбалом. Ряд балбалов насчитывает 17 каменных столбиков, поставленных на расстоянии 200 м. Находится на восточной окраине с. Улаган по правому берегу р. Башкаус.

96. Кызыл-Мааны. 120x21x20 см. Выполнено на серо-зеленом бруске. На одной из сторон (лицевой) точечной техникой изображены большой глаз (правый), бровь, нос, усы и рот. Левая часть изваяния сколота. При внимательном рассмотрении на одной из граней этого бруска заметны детали другого лица (нос, рот и подбородок?). Эта техника (выбивка на гранях) живо напоминает окуневские стелы. Налицо второе использование под изваяние более ранней стелы окуневского типа.

Найдено лежащим с юго-восточной стороны оградки (6x5 м), которая расположена в 0,4 км на запад от изваяния 95. На юго-восток от оградки с изваянием отходит ряд из 34 камней на расстояние 250 м. Находится на восточной окраине с. Улаган по правому берегу р. Башкаус.

97. Кызыл-Мааны. 110x20x 15 см (по: Appelgren-Kiva-1o H. Alt-altaische Kunstdenkmaliler. Helsingfors, 1931, S. 70, fig. 317; также см.: Евтюхова Л. А. Каменные изваяния..., с. 76, 77, рис. 6, 2). Выполнено на гранодиоритовом бруске, слегка расширяющемся книзу. Цвет камня серо-зеленый. Вытесана только голова, на макушке которой заметен выступ, по-видимому, изображающий головной убор. Черты лица рельефные, за счет углубления фона вокруг них; усы опущены книзу. Стояло у оградки (3x3 м), лицом на юго-восток. Голова была отколота и лежала рядом. На юго-восток от изваяния 16 камней, установленных на расстоянии 100 м. Находится на восточной окраине с. Улаган, по правому берегу р. Башкаус.

В настоящее время в экспозиции музея ИИФФ СО АН СССР г. Новосибирска.

98. Турала. 150x50x15 см. На плите серого кремнистого сланца углубленной контурной линией выбито лицо человека. На нем один глаз круглый, другой слегка намечен, уголки рта опущены книзу. В средней части изображена только правая рука с сосудом. Ориентировка юго-восточная. Обнаружено на вспаханном поле в куче камней. Правый берег р. Башкаус, в 0,5 км на запад от с. Чибиля в местности Усть-Турала.

Таблица XVI (см. рисунок)

99. Узун-Язы. 92x40 X 9 см. Выполнено на темно-зеленой сланцевой плите. В настоящее время верхняя часть фигуры сколота, на лице сохранились только рот и борода. Все детали в высоком рельефе. Особенно хорошо проработаны плечи, руки и сосуд. На левой руке выделены пальцы. Пояс сохранился фрагментарно. На нем было изображено оружие, сколотое впоследствии. Известно также по рисунку художника Д. И. Кузнецова (из архива М. П. Грязнова) (см.: Евтюхова Л. А. Каменные изваяния..., с. 119, рис. 71, 9). Наиболее полное представление об изваянии дает рисунок Д. И. Кузнецова, на котором еще различимы и детали лица, и пояс с саблей.

Установлено лицом на восток у оградки (3х3 м), сложенной из 12 плит (по 3 в каждой стороне). Внутри оградки заполнение из небольших задернованных валунов. На восток от изваяния на расстояние 20 м отходит ряд из семи продолговатых валунов. Оградка раскопана. Кроме центральной ямы (глубина 70-80 см) были зачищены еще четыре дополнительные ямки, расположенные точно по углам ограждения. Глубина их различная. В центральной яме найдены рог домашнего козла, угли и мелкие кусочки дерева. В дополнительных ямках обнаружены обгоревшие сверху деревянные колья (диаметром 6-9 см) или их остатки. В одной из этих ям лежала пястная кость лошади. Кости лошади (в основном зубы и другие части черепа) были также найдены перед изваянием и в других частях раскопа. Также часто по всей площади раскопа встречались древесные угли. Внутри зачищенной оградки по периметру плашмя лежали плиты, одна плита лежала и в центре оградки, налегая на край центральной ямы.

Находится на левом берегу р. Башкауc, напротив с. Чибиля.

100. Узун-Язы. 73х32х9 см. Для изваяния подобрана плита светло-зеленого сланца с естественным коническим верхом, подразумеваемым как головной убор или прическа. Черты выполнены в "мягкой" манере точечной техникой. Несколько необычно выполнены зрачки глаз в виде продолговатых выемок. Особенно высоким рельефом выделены "пухлые" щеки фигуры. Изваяние слегка наклонено на запад и ориентировано лицом на восток. Стоит у малой оградки (2х2 м), сооруженной из 11 плит. На восток от изваяния три вертикально поставленных камня на расстоянии 15 м.

Оградка раскопана. В центре ее неглубокая яма с остатками дерева и углей. В ней также найдены зуб лошади и несколько обломков костей.

Находится в 50 м от автомобильной дороги нос. Ак-таш - с. Улаган и в 0,2 км на север от изваяния 99. Левый берег р. Башкауc, напротив с. Чибиля.

Таблица XVII (см. рисунок)

101. Узун-Язы. 75х36х8 см. Выполнено на валуне коричневого цвета. На гладкой поверхности крупными точками нанесены очертания лица человека. Наряду с другими деталями нанесено и одно правое ухо. Найдено лежащим лицом вниз у небольшой оградки (3,5х3,5 м), находящейся рядом с изваяниями 99 и 100. На восток от оградки с изваянием в ряд поставлено 30 продолговатых валунов на расстоянии 90 м.

Находится на левом берегу р. Башкауc, напротив с. Чибиля.

102. Узун-Язы. 102х23х2 см. Выполнено на тонкой сланцевой плите зеленого цвета. Сочетанием точечной и линейной техники нанесены очертания лица с косой (?). Лежало в дерне лицом вверх, головой на юго-восток у небольшой (2х2 м) оградки из сланцевых плит, поставленных на ребро. Внутри оградки задернованные валуны и галька. Входит в комплекс из трех оградок, устроенных в ряд по линии север - юг. Оградка с изваянием крайняя с севера, т. е. третья по счету. Оградка 1 (с юга) самая большая по размерам (5х5 м). У восточной стороны этой оградки в небольшой задернованной ямке

лежали обломки чугунного котелка. Эта яма была нами углублена (15- 30 см) и расширена небольшим (1 X 1 м) шурфом. Зачистка выявила несколько зубов лошади и угли. Комплекс располагается на левом берегу р. Башкаус, напротив с. Чибиля.

В настоящее время хранится в фондах музея ИИФиф СО АН СССР г. Новосибирска.

103. Сап-Сары. 133x47x10 см. Выполнено на серо-зеленой сланцевой плите. Детали лица нанесены неглубокой выбивкой (точечная техника). Стояло у одной из двух оградок, небольших по размерам (2x2 м). На восток от оградки около десятка стоящих камней.

Происходит из местности Сап-Сары на левом берегу р. Башкаус, по дороге на с. Каракудюр.

В настоящее время находится в экспозиции музея с. Балыктыюль.

104. Чибиля. По рукописному дневнику А. Н. Глухова, Алтайская экспедиция 1924 г. (архив М. П. Грязнова). Рисунок изваяния с планом двух оградок (2,6x2,6 м каждая). С западной стороны между ними было установлено изваяние. В дневнике А. Н. Глухова оградка значится как: "Могилы около зимника теленгитки Анны Едоковой, у р. Чибиль (левый приток р. Башкаус). Раскопана северная могила, представляющая собой каменный ящик, наполненный камнем. Найдены: 1 - угольки, 2 - обугленные косточки". Точное местонахождение неизвестно.

105. Башкаус, или Улаган. Высота около 75 см. По рисунку Л. Н. Гумилева (архив М. П. Грязнова). Материал - красный песчаник. Объемное скульптурное изображение. Реалистично проработаны детали лица. Левая рука на уровне груди поддерживает сосуд, правая - на поясе, который выполнен в виде широкой рельефной полосы. Стоит между двумя оградками (?). Точное местонахождение неизвестно.

106. Улаган. 75x39 см. Рисунок (см.: Ядринцев Н. М. Описание сибирских курганов и древностей.- Тр. МАО, М., 1888, т. 9, табл. 111,3, с. 193). "Коже-таш с могилы на Улагане". В настоящее время местонахождение неизвестно.

КОШ-АГАЧСКИЙ РАЙОН

Таблица XVIII (см. рисунок)

107. Тадила. По рисунку из работы Л. А. Евтюховой "Каменные изваяния..." (с. 72-73, рис. 1, 1) 108. Тадила. По рисунку из работы Л. А. Евтюховой "Каменные изваяния..." (с. 72-73, рис. 1, 2). Урочище Тадила в Курайской степи.

Местонахождение в настоящее время неизвестно.

109. Тадила. По рисунку из работы Л. А. Евтюховой "Каменные изваяния..." (с. 72-73, рис. 1, 3). Урочище Тадила в Курайской степи.

Местонахождение в настоящее время неизвестно.

**110. Тадила. Из работы Л. А. Евтюховой "Каменные изваяния..." (с. 73).
Урочище Тадила в Курайской степи, близ с. Курай.**

**111. Тадила. 148x38 см. Из работы Л. А. Евтюховой "Каменные изваяния..."
(с. 73). "Сохранилась только верхняя часть. Отбит также верх головы. Лежит
у школы в с. Курае".**

**Из урочища Тадила в Курайской степи. Местонахождение в настоящее время
неизвестно.**

**112. Тадила. По рисунку из работы С. В. Киселева "Древняя история Южной
Сибири" (М., 1951, с. 523, табл. XIX, 4, см. также: Евтюхова Л. А. Каменные
изваяния..., с. 74-75, рис. 3, 3).
Из урочища Тадила в Курайской степи.**

**В настоящее время в экспозиции музея г. Горно-Алтайска, куда оно
поступило в 1936 г.**

**113. Тадила. 114x35x15 см. Материал - мраморизованный известняк темно-
серого цвета. Выполнено на массивной плите, расширяющейся книзу.
Сильно выветрилось, различается только лицо с острой бородой, глаза
едва прослеживаются, нос прямой и длинный, рот дугообразным желобком.
Голова имеет естественный конический верх, под которым подразумевался,
очевидно, головной убор.**

**Найдено лежащим лицом вниз у восточной стороны оградки (3,8x4 м).
Вокруг нее заложен раскоп общей площадью 36 кв. м. Внутри оградка
заполнена валунами и галечником. Ограждение из 25 плит, поставленных на
ребро. При раскопках в оградке и за ее пределами найдены мелкие обломки
костей, зубы лошади и угли. Следы кострища отмечены у северо-восточного
угла оградки. В центре ее зачищена округлая яма диаметром 38 см, глубиной
72 см. В яме остатки ствола лиственницы диаметром 31 см. По углам,
снаружи ограждения, почти на стыках плит, обнаружены еще четыре ямы с
обугленными остатками лиственничных столбов.**

**Изваяние, очевидно, было повалено при проведении сельскохозяйственных
работ. Находится в 0,4-0,5 км на север от Чуйского тракта, в урочище Тадила
(Курайская степь). В 1980 г. было вывезено в с. Курай, а затем перевезено в
Барнаульский университет, где и находится в настоящее время.**

Таблица XIX (см. рисунок)

**114. Актру. 150x45x20 см. Материал - зеленый гранодиорит. Тщательной
обработкой плите приданы правильные очертания человеческой фигуры.
Выделена голова, слабо обозначены плечи. На голове и в области пояса
древние латинизированные сколы. В невысоком рельефе выполнены
детали лица: миндалевидные глаза, нос и пышные усы. Брови двумя
бороздками, рот продолговатой выемкой. Глубокой и широкой выемкой**

показаны шея и вырез одежды. Плечи округлые, покатые. Правая рука согнута в локте и поддерживает небольшой сосуд на уровне груди. Левая скелета, но, очевидно, была изображена кистью на поясе, который набран выпуклыми квадратными бляхами. Пояс охватывает фигуру с трех сторон. Слева к поясу подвешена сабля в ножнах. Рукоять короткая, округлая, перекрестие прямое. На ножнах изображены округлые скобы для подвешивания. Нижний конец ножен заканчивается на левом боку фигуры. На правом боку рельефная сумочка полукруглой формы. Слева от изваяния (в 20 см) из земли торчит обломанная нижняя часть стелы или другого изваяния. Справа плашмя лежит массивная плита. Изваяние стояло с юго-юго-восточной стороны оградки (4,5x4,5 м), входящей в комплекс из двух оградок и еще одного изваяния, которому присвоен № 115. Оградки с изваяниями окружены, валом и рвом, внешними размерами 22x18 м. На юго-юго-восток от изваяния отходит ряд камней (9 шт. на расстоянии 50 м). Комплекс расположен на левом берегу р. Актру (левый приток р. Чуй).

В настоящее время находится в экспозиции музея ИИФФ СО АН СССР г. Новосибирска.

115. Актру. 165x41x19 см. Материал-светло-зеленый сланец. Разбито пополам чуть выше пояса. При этом сильно пострадала верхняя часть фигуры, на которой сохранились абрис головы с выемкой для шеи, один левый глаз и часть носа. На нижней вкопанной части сохранились пояс из 11 квадратных блях, часть левой руки, ножен и округлой сумочки на правом боку.

Стояло в 6 м от изваяния 114, у юго-юго-восточной стороны оградки (4,5x4,5 м). На юго-юго-восток от оградки с изваянием отходит ряд из восьми камней на расстояние 47 м. Левый берег р. Актру (левый приток р. Чуй).

В настоящее время находится в экспозиции музея ИИФФ СО АН СССР г. Новосибирска.

116. Актру. 123x35x15 см. На серо-зеленой сланцевой плите точечной техникой выполнено только овальное лицо человека.

Найдено лежащим в слое дерна у северо-восточной стороны оградки (3x3 м), сложенной только небольшими валунами и мелкой галькой. С северной стороны еще одна такая же оградка. Левый берег р. Актру (левый приток р. Чуй).

В экспозиции музея ИИФФ СО АН СССР г. Новосибирска.

117. Актру. 80x30x17 см. На бруске мягкой известняковой породы с естественным округленным верхом изображено лицо человека. Сильно выветрено. Стоит лицом на восток у оградки (1,5x1,5 м), в 65 м на юг от изваяний 114 и 115. Левый берег р. Актру (левый приток Р. Чуй).

118. Актру. 55x30x12 см. Выполнено на плите известняка белого цвета. Верх фигуры полностью сбит, но различима выемка шеи и левая рука. Левый берег р. Актру (левый приток р. Чуй).

119. -Актру. 100x32x10 см. Выполнено на узкой плите известняковой породы бело-желтого цвета. Изображено одно лицо в невысоком рельефе. На шее полосой невыбранного фона, очевидно, обозначена гладкая гривна.

Найдено лежащим лицом вниз с восточной стороны оградки (4x4 м), входящей в комплекс из четырех оградок, устроенный в ряд по линии север - юг. Левый берег р. Актру (левый приток р. Чуй).

В экспозиции музея ИИФиф СО АН СССР г. Новосибирска.

Таблица XX (см. рисунок)

120. Тото. 100x38x22 см. Выполнено сочетанием контурной и точечной техники. Объемная скульптура. Голова тщательно вытеснена из монолита, имеет правильную эллипсоидную форму. Верхняя часть конусообразна - головной- убор. Лицо полностью сколото. Реалистично переданы округлые плечи. Руки в невысоком рельефе. Правая согнута в локте под острым углом и держит перед грудью небольшой сосуд с шаровидным туловом и прямым горлом. Левая рука над поясом. На руках резной линией проработаны пальцы. Рельефный пояс охватывает фигуру со всех сторон. На нем изображены наременные квадратные бляхи с прорезью.

Из урочища Тото в Курайской степи. В настоящее время экспонируется в музее г. Горно-Алтайска, инв. № 8028.

121. Тото. По рисунку из работы Л. А. Евтюховой "Каменные изваяния..." (с. 74-75, рис. 3, 3).

Из урочища Тото в Курайской степи. В настоящее время в экспозиции музея г. Горно-Алтайска.

122. Курайская степь. 215x34x8 см. На сланцевой плите серого цвета. Голова выделена из монолита выбитой полосой, намечающей одновременно шею и очертания бороды. Нос и надбровья одним рельефом. Маленькие миндалевидные глаза прорезным желобком. Овальный рот выемкой. Его обрамляют рельефные усы. Правая рука, согнутая в локте под прямым углом, поддерживает на уровне груди небольшой сосуд с прямым узким горлом. Левая рука зажимает рукоять сабли (?), которая изображена в виде рельефной полосы, проходящей через пояс фигуры.

Условия местонахождения неизвестны. В экспозиции музея г. Бийска.

123. Джанысколь. 86x28x30 см. Выполнено точечной техникой на сером необработанном бруске вулканического туфа с включением кварцита. Мелким и узким желобком выделена голова, намечена острая борода. Глаза и нос нанесены в один прием, брови стилизованы, усы двумя изогнутыми полосками. Рот округлый - открытый.

Установлено у восточной стороны оградки (3x3 м) у оз. Джанысколь в урочище Ештыколь.

124. Тыдтугем. 102x40x14 см. Темно-зеленый кремнистый сланец основного эффузива. Лицевая часть почти полностью разрушена, сохранились только очертания рельефного пояса и левой руки, опущенной на него. Стоит у оградки (3x2,5 м), заполненной валунами. Ориентировано лицом на восток. Находится в устье р. Тыдтугем (правый приток р. Чуй), в 0,2-0,3 км на север от Чуйского тракта.

Таблица XXI (см. рисунок)

125. Туярык. 60x25x10 см. Выполнено на плите темно-зеленой сланцевой породы с вкраплениями кварцита. Ориентировано лицом на восток. Установлено снаружи у оградки (2x2 м), сооруженной из сланцевых плит, поставленных на ребро. Внутри оградка заполнена редкими камнями. На восток от изваяния на расстоянии 30 м-10 балбалов из продолговатых валунов, установленных первоначально вертикально, но в настоящее время поваленных. Ряд балбалов заканчивается двумя-тремя расплывшимися каменными кольцами. Еще одно каменное кольцо диаметром около 0,5 м сложено в 1-1,5 м от изваяния, справа от ряда балбалов.

Находится на правом берегу руч. Туярык (правый приток р. Чуй) близ с. Чаганузун.

126. Чаганузун. 95,Х 40x17 см. Выполнено на валуне светло-серого мусковит-хлоритового сланца. Из монолита одной выбитой полосой выделена голова. Глаза глубокими (1 см) округлыми ямками, бровей нет. Нос представляет собой естественный выступ, лишь слегка подработанный снизу. Усы слабо намечены, рот продолговатой выемкой.

Найдено лежащим лицом вверх у раскопанной оградки, которая внутри выбрана на глубину более 1 м. Судя по местонахождению, изваяние ранее стояло у одной (второй с запада) из четырех оградок, устроенных по линии восток - запад, и было ориентировано лицом на юго-юго-восток, а возможно, и на юг. Оградка, у которой стояло изваяние, самая большая по размерам (3,5x3,2 м). Число плит установить не удалось, так как все они оплыли в яму, раскопа, заложенного, очевидно, Н. М. Зиняковым (см.: Един В. Н., Зиняков Н. М. Разведочные работы в Горном Алтае.- АО 1976 года. М., 19774, с. 202). Три другие оградки размером 2x2 м каждая. Балбалов нет.

Описанное изваяние с оградками находится почти в устье р. Чаганузун, в 0,3 км выше моста, на левом берегу.

127. Юлячи. 125x50x10 см. Выполнено точечной техникой на темно-серой плите гранодиорита с кварцитовыми прожилками. Голова была отколота сильным ударом, при этом пострадало и лицо, полностью сколотое. Голова найдена в 1 м на юг от изваяния и точно подходит по излому. Фигура слаборельефна, показаны покатые плечи, на груди вырез одежды, руки и сосуд на поддоне едва намечены. Левая рука соединяется с поясом (подразумевается заткнутой за него?), выполненным несколько четче. На поясе изображено 10 наременных овальных блях со срезанным низом.

Лежит у восточной стороны оградки (4x3,5 м), сложенной из крупных валунов. На восток от оградки с изваянием установлен ряд из 36 камней на расстоянии 120 м. Средняя высота их 50-60 см.

В 8 км от с. Чаганузун, вверх по правому берегу р. Ак-Кая, в урочище Юлячи.

128. Сагалак. 90x30x18 см. Материал - грейзен. Техника точечная. Голова выделена из монолита. Схематично показаны глаза, брови, нос и рот. Одной бороздкой изображены одновременно очертания острой бороды и линия шеи. Слабо намечены руки, а в нижней части - круглодонный сосуд. Стоит у юго-восточной стороны оградки (2,8x2,5 м), на юго-восток от которой отходит ряд камней.

У фермы Сагалак на правом берегу р. Ак-Кая.

129. Сагалак. 70x55x10 см. На узкой плите белого мусковитового гранитогнейса. Голова выделена из монолита широкой бороздкой. Детали лица грубо выполнены точечной техникой. В том же примитивном стиле, что и у изваяния 128, изображены брови, глаза, нос и рот. Установлено у юго-восточной стороны оградки (2,8x2,2 м). На юго-восток от изваяния ряд невысоких, вертикально вкопанных камней.

Входит в один комплекс с изваянием 128, у фермы Сагалак, на правом берегу р. Ак-Кая.

130-132. Чаганузун. По рисункам из работы Н. М. Ядринцева "Описание..." (с. 197, табл. V, 1-5). "Версты за 2 вверх по Чаган-Узуну от речки Кора-Оек, среди обширного кладбища, мы встретили 3 каменных бабы, которые нами и срисованы (рисунок к № 1, 2, 3). Они также стояли около четырехугольных могил, обложенных плитами. Бабы изображали здесь определенно фигуру человека: все они имели усы, но без признаков бороды; правая рука держала сосуд (форма сосуда вполне согласовалась с формой открытого нами глиняного горшка в одной из могил), левая рука держала рукоятку меча или кинжала, который весьма определенно был изображен на рисунке статуи № 1 (130). Высота 1-й 96 сант., ширина 49 сант. Высота 3-й 96 сант., толщ. 17 сант.; могила, при которой она находилась, имела длины 6 ар., шир. 7 ар."

Местонахождение этих трех изваянии в настоящее время неизвестно.

133. Тая. 115x40x18 см. Материал - мусковит-биотитовый гранитогнейс темно-серого цвета. Техника точечная, фигура объемная. Сильно выветрена. Голова оказалась наполовину отбитой, но обломок ее был найден среди камней оградки и точно подошел по излому. Голова выделена была из монолита тщательной обработкой, верхняя часть удлинена, обозначены шея и плечи фигуры. Детали широкоскулого лица слаборельефны. Нос и брови выполнены одним рельефом, глаза миндалевидной формы, слегка выпуклы. Открытый овальный рот обрамляют небольшие, слабоизогнутые усы. На правой стороне сохранилось ухо в виде рельефного валика. На шее изваяния узким и

невысоким валиком обозначены отвороты одежды. Правая рука согнута в локте и держит перед грудью небольшой круглодонный сосуд с узким горлом. Левая рука опущена на рукоять сабли. Под саблей нанесен кинжал, подвешенный к поясу. Кинжал и сабля изображены в ножнах с обоями для подвешивания. Пояс рельефный, с 17 наременными круглыми бляхами, охватывает фигуру спереди и с боков. На правом боку к поясу подвешен круглый мешочек.

Обнаружено лежащим в куче камней, рядом с оградкой (4,7x4,4 м) в урочище Тая. Сейчас находится в экспозиции школьного музея с. Бельтыр.

134. Тая. 125x42x20 см. Материал - двуслюдяной гранитогнейс (мусковит-биотитовый). Техника точечная. В невысоком рельефе плита обработана только с трех сторон. Голова выделена из общего монолита, отделена от туловища глубоким и широким желобком, намечающим шею, плечи и вырез одежды. С обеих сторон голова имеет сколы, судя по темной латинизированной поверхности, древнего происхождения. На широком лице монголоидного облика наказаны слегка выпуклые большие глаза овальной формы, нос и брови выполнены одним рельефом, рот - овальным углублением. На макушке конический выступ - головной убор или прическа (?). Правая рука согнута в локте под острым углом и поддерживает коротким (согнутым?) пальцем сосуд с круглым туловом, поддоном и прямым узким горлышком. Левая рука, согнутая в локте, почти под прямым углом, кистью с короткими пальцами опущена на живот.

Первоначально находилось у восточной стороны подквадратной в плане оградки (4,7x4,2 м). На восток от изваяния на протяжении 150 м поставлен ряд балбалов из 33 невысоких камней.
Из урочища Тая на левом берегу р. Чаганузун.

Сейчас помещено в экспозицию школьного музея с. Бельтыр.

135. Тая. 100x39x8 см. На плите темно-синего алевролита. Слабыми светлыми точками на гладкой поверхности плиты обозначены глаза, нос и рот. Одной линией показана шея фигуры, выделяющая таким приемом голову из монолита. Лежит рядом с третьей (северной) оградкой (3x2,3 м), входящей в комплекс оградок с изваяниями 133 и 134.

Урочище Тая, на левом берегу р. Чаганузун.

Таблица XXII (см. рисунок)

136. Кожон-Чол. 125x55x10 см. Высечено на зеленовато-серой плите кварц-хлорит-серицитового сланца. Грубыми сколами округлены грани плиты, более тщательно выделена голова из монолита. Узкой выемкой под подбородком показаны одновременно шея фигуры и отвороты одежды. Лицо широкое, монголоидное. От близко поставленных миндалевидных глаз идет узкая полоса невыбранного фона, намечающая длинный и прямой нос, слегка расширяющийся книзу. Усы показаны двумя слабоизогнутыми дугами. Под ними узкий, в виде овальной черты, рот. Правая рука намечена слабой выбивкой вокруг нее, согнута в локте и поддерживает на уровне

грудь миниатюрный сосуд с округлым туловом и резко сужающимся горлом. Левая рука намечена двумя контурными полосками и опущена на пояс фигуры, который также изображен в виде одной сплошной полосы. Изваяние лежало у юго-восточной стороны оградки, квадратной в плане, размерами 3,7х3,7 м. На юго-восток от оградки ряд камней.

На правом берегу р. Чаганузун, в 4-5 км от с. Бельтыр вверх по реке, в урочище Кожон-Чол.

В настоящее время экспонируется в музее г. Горно-Алтайска.

137. Кожон-Чол. 110х30х25 см. Выполнено на лилово-сером алёвролитовом блоке, почти квадратном в сечении. Все грани округлены оббивкой и последующей шлифовкой. Благодаря фактуре камня и тщательной обработке детали отличаются мягкостью исполнения. Голова слабо выделена из монолита, по этой причине, очевидно, лицо имеет несколько удлиненную форму, подчиненную очертаниям каменного блока. Нос и надбровье высечены одним рельефом. Глаза, слегка раскосые, показаны мягко очерченным желобком. Рот, намеченный едва заметной узкой полоской, обрамляют тонкие волнистые усы во все лицо. На правой стороне слабо намечено ухо, возможно с серьгой. Плечи почти не прослеживаются, но зато достаточно глубоко выбрана полоса под подбородком, означающая шею фигуры и одновременно вырез одежды на груди. В таких же мягких очертаниях выполнены непропорционально тонкие руки. Положение их традиционно: правая согнута в локте под прямым углом и держит трехпалой кистью миниатюрный сосуд, левая рука, также с тремя пальцами, опущена на пояс, выполненный в виде узкого желобка. Параллельно к поясу подвешен кинжал на трех ремнях. На правом боку фигуры, под коротким продолжением пояса дугообразным желобком изображена сумочка.

На правом берегу р. Чаганузун, в 4-5 км от с. Бельтыр вверх по реке, в урочище Кожон-Чол.

ейчас в экспозиции музея г. Горно-Алтайска, инв. № 8027.

138. Кожон-Чол. 101х28х10 см. Отличается от изваяний 136-137 другой породой камня (темно-серый слюдистый сланец), а также более примитивной трактовкой и частичной стертостью деталей. Техника точечная. Голова отколота наискось от левого уха до шеи фигуры. Имеет правильную форму и выделена из общего монолита, показаны плечи и шея фигуры. На голове небольшой конический выступ. Лицо монголоидное. Нос и брови одним рельефом, глаза выпуклые, овальные, рот и усы сколоты. Хорошо смоделированы небольшие уши. Гораздо хуже выполнены руки изваяния, они лишь намечены широко выбитыми контурными линиями. Правая рука, согнутая в локте, держит перед грудью круглодонный сосуд с узким и прямым горлом. Левая рука на поясе, который одной выбитой полосой охватывает фигуру с трех сторон. На правом боку, на поясе изображены две квадратные бляхи, а под ними круглая сумочка.

С правого берега р. Чаганузун, из урочища Кожон-Чол.

В экспозиции школьного музея с. Бельтыр.

139. Кожон-Чол. 130x40x11 см. Материал-мусковит-биотитовый гранитогнейс. Объемная скульптура. Расколота на четыре части. Четвертый обломок (верхняя часть головы) отсутствует. Голова отделена от туловища широкой и глубокой полосой. Она означает шею фигуры и одновременно намечает линию выреза одежды (отвороты?) на груди. Лицо монголоидное. Все детали лица изображены наиболее распространенным приемом - путем частого скалывания камня вокруг них. Плечи реалистично округлены, подчеркнута выделены развитые трапециевидные мышцы обеих рук. Правая рука согнута под острым углом и держит, очевидно, за ручку небольшой сосуд с округлым туловом и расширяющимся кверху горлом. На правой руке показан край узкого, облегающего рукава, проработана кисть с согнутыми пальцами и манерно отставленным мизинцем. Левая рука полусогнута и опущена на рукоять кинжала или сабли, заткнутой за пояс. Пояс наборный, сочетает бляхи двух типов - сердцевидные и квадратные с прорезью. На правом боку на одну из квадратных блях пояса подвешена миниатюрная круглая сумочка.

На правом берегу р. Чаганузун, из урочища Кожон-Чол.

В настоящее время находится в экспозиции школьного музея с. Бельтыр.

Таблица XXIII (см. рисунок)

140. Кожон-Чол. 91x38x15 см. Объемная скульптура, выполненная на плите биотит-кварцевого слюдистого сланца. Порода существенно кремнистая. Голове приданы достаточно правильные очертания. Она слегка удлинена кверху - подразумевается головной убор. В отличие от других изваяний из долины Кожон-Чол, линия подбородка у этой фигуры изображена правильным овалом, что создает впечатление отсутствия бороды. Лицо; явно монголоидного облика, широкоскулое, уплотненное, детали выполнены в невысоком рельефе. Нос и надбровье: одним рельефом, изогнутые брови желобком, усы почти прямые, рот овальной выемкой. Намечены уши. Правая часть лица сколота точно по линии носа, вероятно сразу же после установки изваяния. Особенно глубоким желобком-выемкой изображена шея фигуры, которая в сочетании с выемкой фона вокруг рук изваяния создает своеобразный валик вокруг шеи, соединяющийся с плечами. Таким приемом ваятель, очевидно, хотел показать отвороты одежды, причем особо подчеркнута, что левый отворот накладывается на правый, т. е. левая пола одежды запахивалась направо. Правая рука согнута в локте, едва различимыми пальцами держит чашу. Левая рука, также согнутая в локте, с хорошо проработанными пальцами изображена над поясом. При этом большой палец отогнут в сторону, а кончики других пальцев как бы подсунуты под пояс, изображенный в виде узкого валика только спереди и по бокам фигуры. На правом боку к поясу примыкает изображение полукруглой сумочки.

Происходит предположительно из долины Кожон-Чол, на правом берегу р. Чаганузун. В настоящее время находится в экспозиции школьного музея с. Бельтыр.

141. Кожон-Чол. 132x43x22 см. Выполнено на темно-серой сланцевой плите. Объемная скульптура. Голова смоделирована и тщательно выделена из монолита, показаны шея и плечи фигуры. На голове шапочка в виде срезанного конуса. На типичном монголоидном лице нос с бровями исполнен одним рельефом, глаза овальные, выпуклые. Небольшой рот обрамляют пышные усы, подбородок удлинённый, массивный. Возможно, таким приемом подчеркнута пышность бороды. Высоким рельефным валиком изображены уши. На груди в высоком рельефе, вероятно, показан воротник зимней одежды. Руки в канонической манере: правая согнута под прямым углом и поддерживает перед грудью сосуд с округлым туловом, поддоном и высоким узким горлом, левая сжимает рукоять кинжала. У обеих рук проработаны пальцы, узким перехватом в запястье показаны края облегающих рукавов или браслеты. На выделенной талии фигуры, вероятно, был нанесен рельефный пояс, но из-за сильного выветривания его очертания едва угадываются. Правое плечо повреждено грубыми сколами.

Из долины Кожон-Чол, на правом берегу г. Чаганузун.

В настоящее время находится в экспозиции музея г. Бийска.

142. Соокту-Кообы. 110x31x22 см. Выполнено на темно-серой плите биотит-кремнистого сланца. В верхней части плиты округлой контурной полосой показано широкое монголоидное лицо. Такими же неглубокими, сливающимися точками намечены глаза, брови, усы и рот фигуры. Невысоким рельефом изображен только нос - здесь мастером была учтена фактура камня. На груди рядами точек обозначены вырез одежды или борода, плечи, правая рука. Округлый естественный выступ на груди учтен мастером как сосуд, рядом с которым намечены пальцы правой руки.

Изваяние лежало в колее тракторной дороги в 12- 14 км от с. Бельтыр, вверх по правому берегу р. Ак-Кель (правый приток р. Чаганки). Местность носит два названия Соокту-Кообы и Соок-Тыт.

В настоящее время находится в музее ИИФиФ СО АН СССР г. Новосибирска.

143. Торгон. 80x37x15 см. Выполнено на плите мраморизованного известняка темно-малинового цвета. У изваяния почти полностью сколото лицо, сохранилось только изображение рта и бороды. Правая рука поддерживает перед грудью сосуд с поддончиком. Левая покоится на поясе с наборными бляхами квадратной формы. Под поясом изображены кинжал и сабля в ножнах, сумочка на правом боку.

Стоит лицом на восток, снаружи оградки из плит. Ее размеры 4,6x4,6 м. Заполнение оградки-мелкая речная галька, много белых и желтых кварцитовых камней. В 2-3 км на юг от с. Ортолык, в урочище Торгон.

В настоящее время находится в фондах музея ИИФиФ СО АН СССР г.

Новосибирска.

144; Торгон. 70x40x15 см. На плите коричневого ксенотуфа. Голова наполовину сколота. Правая рука держит перед грудью миниатюрный сосудик. Левая - на рукояти сабли, вложенной в ножны. Пояс набран из округлых блях с прорезью. На поясе, так же как и у изваяния 143, подвешены сабля, кинжал и сумочка. Стоит лицом на восток у оградки (4,7x4,5-м), заполненной галькой и небольшими валунами. В 2-3 км на юг от с. Ортолык, в урочище Торгон.

Таблица XXIV (см. рисунок)

145. Теке-Туру. 109x43x10 см. Из каменного монолита выделена голова. Ей приданы правильные очертания. Глаза, широкий нос, полные губы выполнены рельефом, рот - выемкой. На груди показан вырез одежды, а короткими бороздками - отвороты. На правом боку изображена сумочка (?).

Стоит лицом на северо-восток у оградки (3,3x3,3 м). Заполнение оградки - крупные валуны и обломки плит-выброшено наружу старым раскопом. С севера еще две оградки (2x2 м каждая).

На правом берегу р. Аргут, в 8-10 км ниже устья р. Карагем.

146. Кырландын-Кини. 55x27x11 см. На серо-зеленой сланцевой плите с естественным коническим верхом, подразумеваемым как головной убор или прическа, выбиты (точечная техника) детали лица. Брови одной волнистой углубленной линией. Глаза, нос, усы и острая борода в высоком рельефе, рот выемкой. Голова выделена из монолита широко выбитой полосой, переходящей на груди в вырез одежды. Показаны широкие отвороты, один из них заштрихован поперечными бороздками.

Стоит лицом на юго-восток у оградки (3x3 м), на левом берегу р. Аргут, близ с. Аргут в урочище Кырландын-Кини .

1.47. Кырландын-Кини. 59x19x11 см. Выполнено на каменном блоке сланцевой, породы серо-зеленого цвета. Точечная техника. Детали лица: круглые глаза, нос и брови слаборельефны, рот короткой чертой. Более глубокой полосой обозначена шея фигуры. Под ней параллельно две полосы невыбранного фона, нижняя с треугольным выступом посередине. Возможно, таким приемом изображены гривна или верхний край одежды. На груди несколько пересекающихся линий, вероятно, детализируют изображение одежды или намечают правую руку.

Установлено лицом на юго-восток у оградки (2x2 м). Общее число плит ограждения 10. На левом берегу р. Аргут, близ с. Аргут.

148. Кырландын-Кини. 118x45x8 см. На светло-зеленой сланцевой плите. Глубокой бороздой обозначен овал лица. Под ней - вторая параллельная, но незаконченная борозда, очевидно, намечает гривну или край одежды (воротник?). Детали лица проработаны тщательно: глаза, брови, нос, губы и усы в высоком рельефе, рот продолговатой выемкой. Верх камня в виде

усеченного конуса, не обработан, но, очевидно, подразумевался как изображение головного убора. На груди три изогнутых борозды, возможно, таким способом намечены очертания рук.

Найдено наклоненным в левую сторону, лицом на юго-восток, у оградки (3х3 м). На юго-восток от него четыре камня на расстоянии 20 м. На левом берегу р. Аргут, близ с. Аргут, в урочище Кырландын-Кини.

149. Кырландын-Кини. 37х22х11 см. На серо-зеленой сланцевой плите. Точечной техникой исполнены только детали лица: круглые глаза неглубокими ямками, рельефный нос (ноздри показаны двумя ямками). Одна бровь, рот овальной выемкой, усы выбитой полосой. Левая часть лица снизу сколота.

Стоит лицом на восток у оградки (1,5х1,5 м) на левом берегу р. Аргут, близ с. Аргут, в урочище Кырландын-Кини.

150. Кырландын-Кини. 67х27х15 см. На светло-серой сланцевой плите, слегка расширяющейся книзу. С трех сторон глубокой выемкой выделена голова из монолита. На груди она переходит в вырез одежды. Детали лица выполнены небрежно: намечен правый глаз, над асимметричным носом выбита одна левая бровь. Усы показаны продолжением выбранного фона вокруг носа, рот - округлой ямкой. На груди вокруг выреза одежды три рельефных кружка (диаметром 4-4,5 см), а в области живота овальная ямка глубиной 1,5-2 см. Обнаружено стоящим лицом на юго-юго-восток у оградки (2,2х2,2 м). Заполнение оградки, из крупных валунов, число плит ограждения 12.

На левом берегу р. Аргут, близ с. Аргут, в урочище Кырландын-Кини.

Таблица XXV (см. рисунок)

151. Кеме-Кечу. 169х36х11 см. На плите серого хлорит-мусковитового сланца. Точечной техникой плита обработана со всех сторон - ей приданы очертания человеческой фигуры. Голова сколота чуть выше линии шеи. На шее рельефным валиком, вероятно, показан воротник одежды. Реалистично округлены плечи фигуры. Правая рука показана согнутой в локте с миниатюрным сосудиком (чашей), левая - параллельно правой, под ней. На этой руке желобком показан манжет рукава, проработаны пальцы. Пояс сохранился фрагментарно, но особенно четко различимы на нем пять квадратных блях с прорезью, На правом боку изображена полукруглая сумка с подвешенным к ней точильным брусочком. Посредине, к поясу подвешены кинжал или сабля со слабоизогнутым лезвием и прямым перекрестием, в ножнах на двух ремнях.

Найдено лежащим головой на запад у небольшой (2х2 м) оградки. Плиты ограждения были обнаружены только при небольших раскопках вокруг изваяния. Они лежали плашмя. Здесь же в слое дерна обнаружена и голова изваяния. В 10 м на восток от изваяния стоит один камень.

На правом берегу р. Аргуту у старой лодочной переправы.

152. Кеме-Кечу. 55x19x10 см. На темно-зеленой плите (мусковит-хлорит). Голова выделена из монолита неглубокой выемкой, означающей шею фигуры. Детали лица частично сколоты. Руки и сосуд изображены контурным желобком.

Стоит лицом на восток у оградки (1,3x1,3 м). Ограждение из восьми плит, в заполнении две-три плиты, лежащие плашмя.

На правом берегу р. Аргут, у старой лодочной переправы.

153. Кеме-Кечу. 119x23x19 см. Материал - серый хлорит-мусковитый сланец с шелковистыми переливами. По -стилю и тщательности исполнения напоминает изваяние 151. Особенно это относится к пропорциям головы, головному убору, правильной форме шеи и плеч, к полной, внешне сходной, обработке скульптуры. Глаза миндалевидные, нос почти прямой, рот рельефным овалом. На груди вырез одежды. В правой руке сосуд, левая не прослеживается.

Найдено лежащим, как изваяние 151, у оградки (2,5x2,5 м).

На правом берегу р. Аргут, у старой лодочной переправы.

154. Кеме-Кечу. 71x36x12 см. Материал - хлорит-мусковитый сланец зеленого цвета. Сильно пострадало от частых ударов, нанесенных сверху. Сохранилась нижняя часть лица: глаза и нос слаборельефны, рот выемкой. Правая рука поддерживает сосуд, левая -неразборчиво. Стоит с северо-восточной стороны оградки (3x3 м) с плитовым ограждением. Общее число плит 14.

На правом берегу р. Аргут, у старой лодочной переправы.

Таблица XXVI (см. рисунок)

155. Кеме-Кечу. 59x28x10 см. На плите темно-зеленой сланцевой породы (мусковит-хлорит). Техника точечная. Голова выделена из монолита широкой полосой, в верхней части сколота. Сохранились рот и фрагмент носа. На груди прослеживаются очертания сосуда и следы правой руки. Пояс обозначен неглубоким желобком.

Стоит лицом на юг у оградки (3,5 X 3,5 м), сооруженной из толстых плит, с мощной внутренней заброской из валунов и галечника.

На правом берегу р. Аргут, у старой лодочной переправы.

156. Кеме-Кечу. 88x42x6 см. Выполнено на светло-зеленой сланцевой плите (мусковит-хлорит). Двумя боковыми выемками выделена голова из монолита. Ей приданы округлые очертания. Детали лица выветрились или, возможно, вообще не наносились.

Установлено в 4 м на северо-восток от изваяния 155 у оградки (1,5x1,5 м),

лицом на юго-восток. Общее число плит ограждения 10.

Находится на правом берегу р. Аргут, у старой лодочной переправы.

157. Кеме-Кечу. 54x27x10 см. Темно-серый окварцованный мусковит-хлорит. Голова отколота по плечи. Прорезными линиями показана правая рука, согнутая в локте под прямым углом, поддерживающая пальцами сосуд: левая под ней с растопыренными пальцами. Стоит лицом на юго-восток в 1 м от оградки (2x2 м), очень аккуратно составленной из 12 плит (по 3 в каждой стороне).

На правом берегу р. Аргут, у старой лодочной переправы.

158. Кеме-Кечу. 152x37x19 см. Материал-мусковит-хлоритовый сланец светло-зеленого цвета. Особенно тщательно проработаны детали лица: близко поставленные глаза, плавно изогнутые брови, правильной формы нос; рот треугольной выемкой, окруженной валиком (губы), переходящим в усы, концами загнутыми вверх. Несколько необычно оформлена шея фигуры. На ней показаны четыре рельефные бляхи, с округлой ямкой в центре каждой. Возможно, таким приемом показаны ожерелье или декоративно оформленный воротник одежды. Гораздо хуже выполнены руки фигуры. Правая, с проработанными пальцами, очевидно, на поясе или рукояти кинжала. Последний изображен в невысоком рельефе, горизонтально, в ножнах с обоями, которые примыкают к трем округлым бляшкам пояса. Левая рука с плохо проработанной кистью поддерживает кубок. Изваяние расколота наискось от правого плеча до левой руки. Нижняя часть вкопана и сильно наклонена тыльной стороной на запад, верхняя лежала рядом. Ориентировка восточная. Вокруг изваяния несколько массивных плит и валунов, оградки нет. У изваяния произведены раскопки, находок нет.

Находится на правом берегу р. Аргут, у старой лодочной переправы.

159. Кеме-Кечу. 65x22x14 см. Светло-зеленый брус хлорит-мусковитового сланца. Точечная техника Верхняя часть сколота. Сохранились только выемка шеи, рот и часть носа. Стоит лицом на восток (в 10 м на юг от изваяния 158) у оградки (2,5x2,5 м).

На правом берегу р. Аргут, у старой лодочной переправы.

160. Кеме-Кечу. 64x26x9 см. Выполнено на сланцевой (хлорит-мусковитовой) плите зеленого цвета. На гладкой поверхности точечной техникой намечены детали лица. Левая обозначена двумя бороздками. Низ сколот. Найдено в куче обломанных плит, оставшихся, возможно, от разрушенной оградки. Расположено в 30 м на запад от центрального изваяния 158. Правый берег р. Аргут, у старой лодочной станции.

161. Кеме-Кечу. 97x20x8 см. На бруске светло-серого мусковит-хлоритового сланца (рассланцованный песчаник). Обработано со всех сторон. Изваяние было расколота на три части, третьего обломка (голова) найти не удалось. Зато на втором обломке сохранилась выемка шеи, тщательно обработанная

шлифовкой. По этой линии шеи голова и была отбита еще в древности. Несколько необычный рисунок нанесен на груди фигуры. Если смотреть сбоку, то он напоминает лук со стрелой. Но вероятнее всего это деталь одежды или доспехов.

Найдено лежащим в куче камней рядом с изваянием 160.

Правый берег р. Аргут, у старой лодочной переправы.

162. Кеме-Кечу. Два крупных обломка от изваяния. На одном из них (средняя часть) различимы плечи и выемка шеи, другой является обломком головы. Найдено в слое дерна с западной стороны оградки (0,5x0,5 м) между изваяниями 158 и 160.

Правый берег р. Аргут, у старой лодочной станции.

163. Кеме-Кечу. 88x30x7 см. Выполнено на сланцевой плите (хлорит-мусковит) серо-голубого цвета. Точечной техникой нанесены основные детали лица: глаза, брови, нос, одно ухо, шея и две руки, на одной из которых слабо намечены пальцы.

Найдено лежащим лицом вниз в 30-40 м на север от центрального изваяния 158. Без оградки. Возможно, перемещено сюда позже от одной из двух оградок, расположенных всего в 10-15 м к западу от изваяния.

Правый берег р. Аргут, у старой лодочной переправы.

Таблица XXVII (см. рисунок)

164. Тюргун. 56x22x9 см. На сланцевой плите серо-зеленого цвета. Голова выделена из монолита, показаны шея и плечи. На груди нанесены (очевидно, позднее) две косые перекрещивающиеся линии, идущие от плеч до основания фигуры. Находится у подножия скал, на небольшой возвышенности в 0,2-0,3 км от р. Аргут. Стоит с северо-восточной стороны одной из двух малых оградок. Их размеры (1x1 м) равны, а сооружены они из четырех плит каждая. Внутри оградки с изваянием два валуна, а на северо-восток от нее вкопаны два камня на расстоянии 3 м. Внутри второй оградки белый кварцитовый валун, а снаружи небольшая упавшая стела.

Правый берег р. Аргут, у старой лодочной переправы.

165. Тюргун. 97x27x10-15 см. На сланцевой плите с естественными антропоморфными очертаниями. Плита в сечении трехгранная, книзу расширяется. Детали лица, выполненные точечной техникой, четко выделяются светло-зеленой выбивкой по отношению к коричневому фону камня. Нанесены на широкой стороне, обращенной на северо-восток. Верхняя часть сколота частыми ударами. Стоит внутри оградки (1,5x1,5 м), сооруженной из четырех массивных плит. Находится в 0,1 км на северо-восток от моста по правому берегу р. Аргут.

166. Тюргун. 60x20x10 см. На треугольном в сечении блоке хлорит-мусковитового сланца. Точечной техникой нанесены детали лица. Расколото

пополам, отбит также верх изваяния.

Стоит с восточной стороны оградки (1x1 м). На восток от изваяния несколько камней, поставленных вертикально в один ряд.

Правый берег р. Аргут, выше старой лодочной переправы, по направлению к мосту.

167. Карагем. 50x28x5 см. На светло-зеленой сланцевой плите. Половина головы и правая часть сколоты. На лице сохранился только один левый глаз в виде рельефного кружка, нос, усы - тонкой дугообразной линией и рот овальной выемкой. Шея показана широко выбитой полосой с боковыми выемками на гранях плиты. На туловище желобком выбиты извивающиеся полосы, которые, наверное, означают руки фигуры.

Найдено лежащим с восточной стороны одной из трех оградок, устроенных в ряд по линии север - юг. Размеры оградок почти одинаковы (2x2 м). На восток от них тянутся ряды камней.

Правый берег р. Аргут, в устье р. Карагем.

168. Карагем. 71x31x8 см. Материал-светло-серый мелкочешуйчатый мусковитый сланец. Голова отбита по плечи. Крупный обломок ее найден рядом с изваянием. В невысоком рельефе исполнены руки, на груди Показаны отвороты одежды. Правая рука поддерживает перед грудью миниатюрный сосудик с округлым туловом и прямым горлом. Левая рука на поясе, который выполнен в виде прерывающейся рельефной полосы. На правом боку к поясу подвешена небольшая сумочка.

У подножия горы Ялома, в устье р. Карагем (левый берег).

169. Карагем. 96x32 X 10 см. По материалу и манере исполнения совершенно идентично изваянию 168. Голова отбита по линии шеи. Обломок ее найден также рядом с изваянием. Правая рука, согнутая в локте под острым углом, поддерживает сосуд. Выше локтя к руке примыкает рельефное изображение сумочки круглой формы. Левая рука на рукояти сабли, которая показана рельефной полосой поперек туловища фигуры. От этой же руки ниже локтя отходит рельефная полоса, очевидно обозначающая пояс.

Установлено с восточной стороны одной из двух оградок (1,5x1,5 м каждая), устроенных рядом по линии север - ют. У второй (южной) оградки стоит изваяние 168.

Находится на левом берегу р. Карагем, в 0,3 км от русла и 0,7-0,8 км от ее устья, у подножия горы Ялома.

170. Карагем. 92x29x7 см. На плите мелкокристаллического кварц-биотитового сланца светло-серого цвета. Четко выделена голова из монолита, обозначены плечи, выемка шеи, борода. Детали лица сбиты, едва различимы. Найдено лежащим, разбитым пополам, на краю старого поля. В Юм на запад от оградки (1,4x1,3 м), составленной из восьми плит. Изваяние, очевидно, первоначально стояло с северо-восточной стороны этой оградки.

Оградка с изваянием находится в 0,2 км на юг от изваяний 168 и 169.

В устье р. Карагем (левый берег), у подножия горы Ялома.

171. Карагем. 91x36x10-см. Материал-мелкоузловатый хлоритовый сланец серого цвета. Часть головы и лицо сколоты. Боковыми выемками выделена голова, показана шея. На шее четыре выпуклых подквадратных выступа - изображения блях ожерелья (?), подобного украшению, выполненному на изваянии 158 в Кеме-Кечу.

Найдено вкопанным у небольшой кучки камней на старом поле. Ориентировка северо-восточная. На правом берегу р. Карагем, в 1-1,5 км от устья.

Таблица XXVIII (см. рисунок)

172. Аргут. По рисунку из работы Н. М. Ядринцева "Описание..." (с. 197, табл. V, 4).

173. Аргут. По рисунку из работы Н. М. Ядринцева "Описание..." (с. 198, табл. IV, 5). "На Аргуте находятся те же следы могил, и при переправе около бывшего китайского перевоза, верстах с 20-ти от устья Кора-Кеми, к югу, около местного аула или кочевья была также открыта и срисована нами баба, лежавшая уже на земле; в руках была видна чаша, левая рука придерживала род кинжала".

Внешне сходно с изваянием 141 (см. табл. XXIII).

174. Сал-Кечу. 103x31x6 см. На гладкой плите сланцевой породы зеленого цвета. Голова отколота по плечи. Точечной техникой округлены грани плиты. Рельефно показаны руки и наборный пояс. Правая рука, согнутая в локте, поддерживает сосуд с округлым туловом, поддоном и прямым горлом. Левая, с проработанными пальцами, на поясе. Пояс набран подквадратными бляхами, восемь штук на лицевой стороне и по одной на боковых.

Найдено лежащим лицевой стороной вниз в куче камней, собранных с поля. Приблизительно в 0,3-0,4 км на юго-запад от изваяния 175. На правом берегу р. Аргут, в 5-6 км от с. Джазатер, у старой переправы на плоту.

175. Сал-Кечу. 63x33x12 см. Выполнено на плите темно-серой породы с черными оттенками и вкраплениями слюды. Голова тщательно выделена из монолита боковыми выемками, намечены плечи. В невысоком рельефе исполнены нос, глаза, борода и валик на шее, очевидно обозначающий гривну или ворот одежды. На груди сплошные сколы.

Стоит, сильно наклонившись на левый бок и наружу у оградки (2x2 м). Ориентировано лицом на восток. Находится в 5-6 км от с. Джазатер на небольшой поляне, в 50 м на восток от двух больших курганов, устроенных на правом берегу р. Аргут, в месте старой переправы на плоту.

176. Самаха. 143x44x5 см. Материал-порфиритоид. Сочетанием контурной и точечной техники выполнены все детали изваяния. Голова, округленная со всех сторон, выделена из монолита боковыми выемками, образующими круглые покатые плечи фигуры. Узким желобком обозначена шея и линия подбородка. Лицо широкое, монголоидное. Нос правильной формы, выполнен в невысоком рельефе, брови - двумя отдельными дугами. Слегка раскосые глаза оконтурены неглубоким желобком, рот открытый, овальный. Точечной техникой выполнены усы, загнутые концами вверх. На левой стороне сохранилось изображение уха, другое ухо, вероятно, было сколото вместе с правой частью головы. Вверху одной волнистой линией намечен край головного убора или прически. На груди сделан острый вырез одежды. Правая рука согнута в локте, кисть руки сложена и прижата к груди. Левая опущена вниз и заткнута за пояс. На руках показаны манжеты узких, облегающих рукавов. Пояс передан двумя линиями только на передней части фигуры. Справа к поясу примыкает полукруглая сумочка. Найдено лежащим в слое дерна у восточной стороны оградки (4,5x4,5 м). В 23 м на во

ток от изваяния ряд редко поставленных камней и три небольшие кольцевидные кладки из валунов.

В 12 км от с. Джазатер вниз по левому берегу р. Аргут, напротив Сал-Кечу.

В настоящее время экспонируется в музее ИИФиф СО АН СССР г. Новосибирска.

177. Самаха. 150x48x7 см. Материал-порфиритоид. Техника точечная. Разбито на несколько кусков, особенно пострадала левая часть фигуры. Боковыми выемками выделена голова из монолита, показаны шея и плечи. Несколько необычно выполнены детали лица: глаза, брови, ухо, рот и усы в высоком рельефе; на месте рельефного носа треугольная выемка, оставшаяся, очевидно, в результате его скола вместе с левой частью лица. На груди одним волнистым желобком, повторяющим формой линию шеи, нанесено изображение гривны. Вырез одежды показан выше над бородой в виде овальной, выбитой точками, полосы. Сразу же под гривной намечены контуры небольшого сосуда на ножке (кубок?) или поддоне, который поддерживают схематично нанесенные пальцы правой руки. На правой, сохранившейся части пояса, выбитого одной линией, круглая сумочка с подвешенным к ней Г-образным предметом неясного назначения. Туловище изваяния почти сплошь покрыто точками - ямками, нанесенными в определенном порядке. Они, возможно, имитируют пятнистый орнамент одежды или круглые нашивные бляшки.

Лежит у оградки (4,9x4,9 м), рядом с изваянием 176. На восток от оградки ряд из девяти вертикально поставленных камней на расстоянии 80 м.

Находится в степи Самаха, в 12 км от с. Джазатер, вниз по левому берегу р. Аргут, напротив Сал-Кечу.

178. Самаха. 138x28x10 см. На плите серой сланцевой породы. Голова и часть туловища сколоты. Сохранились только очертания левой руки, фрагменты рельефного пояса, округлой сумочки, по контуру окруженной

желобком и изображением каких-то предметов на поясе. Стоит лицом на восток, сильно завалившись наружу, у одной из семи оградок, устроенных в ряд по линии север-юг. Первые три почти равны по размерам (2,5х 2,5 м), четыре других-размерами 1х1 м каждая.

В 13-14 км от с. Джазатер и в 0,4-0,5 км на север от правого берега р. Самахи.

Таблица XXIX (см. рисунок)

179. Макажан. 63х33х5 см. На узкой сланцевой плите светло-зеленого цвета. Боковыми выемками выделена голова из монолита. Верхней части обработкой приданы очертания островерхого головного убора. Детали лица сколоты, сохранились: одно ухо, фрагменты носа, рот выемкой и один ус.

Стоит у северо-восточной стороны оградки (3х3 м). Число плит ограждения 12. С юго-восточной стороны оградки вкопаны плита и несколько крупных камней (остатки дополнительного, жертвенного ящичка?). На северо-восток от изваяния, очевидно, отходил ряд камней. Так, один из них стоит в 10 м от оградки, остальные пять - на расстоянии 25-30 м. Все разбиты и повалены. Правый берег р. Коксу, степь Макажан. -180. Макажан. 110х30х6 см. Выполнено на плите плотной темно-зеленой породы (мелкочешуйчатый хлоритовый сланец?). Техника точечная. Голова выделена из монолита боковыми выемками. Отбита от туловища. При этом пострадала правая часть лица. Глаза, нос и рот выполнены одним редким приемом - глубокими желобками. Стояло с северо-восточной стороны оградки (3,8х3,5 м), окруженной кольцевой выкладкой (диаметр 15-20 м) из валунов. От выкладки на северо-восток ряд из шести камней на расстоянии 100 м. Голова изваяния была найдена в 15 м на юго-запад от него. Правый берег р. Коксу, юго-западная часть степи Макажан.

В настоящее время находится в фондах музея ИИФиф СО АН СССР г. Новосибирска.

181. Макажан. 78х22х5 см. Крупный обломок изваяния. Отсутствуют часть головы и правый бок фигуры. На шее рельефным валиком изображена гривна. На груди показаны треугольные отвороты одежды с широкими рукавами, из которых выглядывают кончики пальцев. Они переданы подквадратными пятнами невыбранного фона. В руках миниатюрный сосуд. С рукавов или с пояса, который они придерживают, свисают две пары плавно загибающихся внутрь ремешков.

Найдено лежащим у одной из разрушенных оградок на правом берегу р. Коксу, в юго-западной части степи Макажан.

Хранится в фондах музея ИИФиф СО АН СССР г. Новосибирска.

182. Макажан. 125.Х 20х11 см. На узкой плите светло-зеленой сланцевой породы. Техника точечная, все детали рельефные. Небольшими боковыми выемками выделена голова из монолита, показаны шея и вырез одежды на груди, на которой изображены четыре круглые бляхи. На трех из них показаны ремешки. Пояс с квадратными бляхами. На правом боку

изображены две (?) полукруглые сумочки.

Найдено рядом с изваянием 181, у полуразрушенной оградки, лицом на восток. На правом берегу р. Коксу, юго-западная часть степи Макажан.

В настоящее время - в экспозиции музея г. Бийска.

183-184. Макажан. Изваяние 183=88x23x9 см, изваяние 184 = 110x19x5 см. Оба найдены в слое дерна. Статуарного типа, у обоих из монолитов выделены только головы. На юг от; них небольшая (2x2 м) оградка с заполнением из валунов.

Правый берег р. Коксу, юго-западная часть степи Макажан.

Таблица XXX (см. рисунок)

185. Макажан. Размеры сохранившейся части 120x48x12 см. Но, судя по обломкам головы, длина изваяния составляла не менее 1,5 м. Материал - голубовато-серый хлоритовый сланец. Изваяние разбито, собирается не полностью, однако удалось частично восстановить лицо фигуры, на котором хорошо различимы длинный и прямой нос, близко поставленные маленькие глаза, рот овальным желобком - "скорбный", что подчеркнута опущенными вниз уголками, усов нет. На самом крупном обломке сохранилось рельефное изображение правой руки, согнутой в локте и поддерживающей сосуд в виде кубка или чаши. В нижней части различим пояс, выполненный двумя параллельными желобками (подквадратные бляхи рельефом), и точно таким же приемом изображена сабля, подвешенная к поясу. Неестественно длинную рукоять ограничивает короткое и почти прямое перекрестие. На рукояти кисть левой руки с проработанными пальцами, Рельефное изображение округлой сумочки находится на правом боку под поясом.

Обнаружено лежащим у восточной стороны оградки (2x2 м), окруженной валом и рвом (9x9 м). Ширина рва и вала не более 1 м, глубина около 0,5 м, высота вала приблизительно 30-40 см. С восточной стороны вал имеет разрыв-проход шириной около 2 м. Оградка сооружена из четырех массивных плит, поставленных на ребро. Три плиты слегка завалились наружу, четвертая (северная) была выброшена и лежала плашмя. На трех плитах обнаружены изображения оленя, козлов, тамгообразные знаки. Все рисунки выполнены точечной техникой на внешних сторонах плит. Восточная плита к тому же украшена слабо прочерченными перекрещенными линиями. Небольшой раскоп (площадью 35м²) охватил оградку и восточную часть площадки перед ней. Внутри оградка заполнена задернованным галечником мощностью 30-35 см. В центре небольшая яма диаметром 30 см, глубиной 70 см. На глубине 46 см в яме зачищен верхний конец лиственничного столбика. Длина сохранившейся части 24 см при диаметре 6-7 см. Зачистка пространства вокруг оградки позволила выявить и четыре столбовые ямки по углам. В ямках (диаметром 40-50 см, глубиной 45- 50 см) сохранились остатки столбиков длиной 15-20 см, обугленных в верхней части. С северной стороны оградки снаружи найдена нижняя челюсть лошади. С восточной стороны под обломками изваяния зачищены

угли, кости животных (в основном зубы лошади) и раздавленный керамический сосуд (в 1,7 м от оградки).

На восток от оградки располагаются 17 камней на расстоянии 250 м. Каменные столбики-балбалы высотой не более 20-40 см. В 10 м на восток от вала, окружающего оградку, небольшая (1,2x1,2 м) оградка, сложенная из четырех плит, в миниатюре копирующая основную оградку. Раскопки этой оградки кроме отдельных угольков ничего не дали.

Правый берег р. Коксу. Юго-западная часть степи Макажан.

Таблица XXXI (см. рисунок)

186. Макажан. 100 X 22 X 8 см. Точечная техника. В высоком рельефе зрачки глаз, надбровья, нос и борода. Овальной глубокой выемкой рот, двумя круглыми ямками ноздри носа. Усы изображены двумя отдельными желобками. Под шеей естественный выступ плиты подчеркнута обработан с нижнего края. Возможно, таким образом, мастер хотел изобразить ворот одежды.

Стояло вплотную у северо-восточной стенки оградки размерами 3x3 м. В 1,5 м на северо-восток от изваяния обломок вертикально установленного камня. На правом берегу р. Коксу. Юго-западная часть степи Макажан.

В экспозиции музея г. Бийска.

187. Макажан. 125x31x6 см. Выполнено на сланцевой плите светло-зеленого цвета. Техника точечная с последующей подшлифовкой. Детали лица выполнены с большой тщательностью. Правая часть головы сколота еще в древности, сколы патинизированы. В верхней части выбитой полосой, очевидно, показан край головного убора. На груди намечен вырез одежды.

Было установлено лицом на северо-восток у оградки (3x3 м). На северо-восток от изваяния девять камней на расстоянии 150 м. Рядом с изваянием 186. Вплотную к этой оградке с севера пристроены еще три, однако, меньшие по размерам (1X1 м) и числу плит (из четырех каждая).

Правый берег р. Коксу. Юго-западная часть степи Макажан.

В экспозиции музея г. Горно-Алтайска.

188. Макажан. 75x16x6 см. На сланцевой плите светло-зеленого цвета. Голова выделена из монолита. Детали лица неразборчиво, вероятно от частых сколов, нанесенных сверху. Различимы только небольшой нос глубокой выемкой и глаза. Пояс показан широко выбитой полосой. Техника точечная.

Стояло в центре небольшой (0,8x0,8 м) оградки из четырех плит. Входит в группу из семи оградок, устроенных в ряд по линии северо-запад - юго-восток, и включает собой ряд из изваяний 186 и 187. Оградка раскопана.

Правый берег р. Коксу. Юго-западная часть степи Макажан.

В экспозиции музея г. Горно-Алтайска.

189. Макажан. 127x28x7 см. На плоской каменной плите изображение лица, выполненное точечной техникой.

Находится в 60 м на юго-восток от изваяний 186-188. Установлено с северо-восточной стороны оградки (4x4-м). Общее число плит ограждения 10. Заполнение оградки - крупные валуны и галька, много кварцитовых камней. На северо-восток от изваяния прослежено два стоящих камня на расстоянии 50 м.

Правый берег р. Коксу. Юго-западная часть степи Макажан.

190. Макажан: 93x35x6 см. На каменной плите серого цвета. Голова отбита по плечи. "Контурной" техникой (узким и глубоким желобком) на груди изображен сосуд, от которого в сторону идут две параллельные линии, намечающие изображение правой руки. Узким желобком показан пояс, на котором подвешен кинжал в ножнах.

Находится в 50 м на юг от изваяния 189. Стоит у большой оградки (4,5x4,5 м) лицевой стороной па северо-восток. В том же направлении от изваяния ряд балбалов, насчитывающий шесть камней на расстоянии 25 м.

Правый берег р. Коксу, в юго-западной части степи Макажан.

191. Макажан. 108x33x8 см. Выполнено на серой сланцевой плите сочетанием контурной и точечной техники. Голова выделена из монолита, обозначены плечи. Детали лица в обычной манере. Правая рука поддерживает перед грудью сосуд. Левая, с проработанными пальцами, на поясе с 14 подквадратными бляхами. Слева к поясу на двух ремнях подвешена сабля в ножнах, справа - сумочка с точильным бруском (?).

Стояло лицом на восток у оградки 2,5 x2,5 м. В 14 м на восток от изваяния кольцо из девяти валунов. Его диаметр 60 см.

Правый берег р. Коксу. Юго-западная часть степи Макажан. Вывезено в Бийский музей.

192. Макажан. 145 X51 X8 см. На серой сланцевой плите. Сочетанием контурной и точечной техники. Голова выделена из монолита глубокой выемкой, показаны плечи. Голове тщательной обработкой приданы округлые очертания. На ней изображен высокий островерхий головной убор. Детали лица в невысоком рельефе. Правая рука поддерживает пальцами за ножку кубок. Левая на поясе. Пояс набран квадратными бляхами. Слева к поясу наискось подвешена сабля с прямым перекрестием. Она изображена в ножнах с двумя скобами для подвешивания.

Найдено лежащим у оградки (3,8X4 м). Ориентировано (судя по нижней вкопанной части) лицом на восток. В 2,5 м на восток от изваяния

кольцевидная кладка диаметром 0,5 м из 11 валунов. Ряд балбалов, насчитывающий 23 камня, установлен на восток от оградки на расстоянии 150 м.

Правый берег р. Коксу. Юго-западная часть степи Макажан.

Хранится в фондах музея г. Бийска.

Таблица XXXII (см. рисунок)

193. Боголок. 217x25x9 см. Известно также по рисунку топографа П. В. Казнова (см.: Гуляев Н. Писанные камни. ЗСОИРГО, Омск, 1916, т. 38, с. 263). "3 рисунок, представляющий какое-то крайне неопределенное начертание..." Выполнено на узкой сланцевой плите. Техника точечная. Узкой полосой выделена голова из монолита. Она была более чем наполовину отколота еще в древности, крупный обломок правой части найден нами в слое дерна, неподалеку от изваяния. Детали лица в обычной манере. Сверху лицо оконтурено дугообразной полосой, вероятно означающей линию лба или нижний край головного убора, который подразумевается в естественном округлом верхе плиты. На груди намечен вырез одежды, соединяющийся с изображением кубка, который поддерживает правая рука. Левая рука, как и правая, согнута в локте, намечена двумя контурными полосками. Над правой рукой крестообразный предмет, напоминающий миниатюрный кинжал острием вниз. Последний, очевидно, нанесен позднее, так как его нет на рисунке П. В. Казнова.

Стоит лицом на восток у оградки (3,6 x3,7 м), заполненной внутри валунами и скальными обломками. Левый берег р. Коксу. Урочище Боголок.

194. Боголок. 136x40x16-20 см. На темно-серой, почти черной сланцевой плите. Разбито на несколько крупных кусков. Собирается не полностью. Очень тщательно выделена голова из монолита, показаны шея и округлые плечи. Лицо широкое, монголоидное. Детали лица рельефные, почти все сбиты частыми ударами, хорошо сохранился только прямой и длинный нос, усов нет, рот - едва заметной продолговатой выемкой. Верху головы придан конусообразный вид, так, вероятно, показан островерхий головной убор. На груди обозначен вырез одежды. Рельефное изображение рук сильно пострадало, однако можно проследить, что правая рука с намеченными пальцами держит небольшой круглодонный сосуд с прямым и коротким горлом. Левая на поясе.

Найдено лежащим в дерне головой на восток, у оградки (5x5 м), сооруженной из 11 массивных плит и окруженной валом и рвом по прямоугольной формы. Внешние размеры вала 12x8 м, ширина не более 1 м, высота около 30-40 см. Насыпан мелким галечником. Глубина рва 50- 60 см при ширине 1 м. По углам вал имеет разрывы-проходы. По одному проходу вал имеет также с северной и южной стороны. Ширина их около 1 м.

Левый берег р. Коксу. Урочище Боголок.

195. Боголок. 140x40x6 см. Выполнено на узкой сланцевой плите светло-

зеленого цвета. Техника точечная. Сплошной выбивкой изображено крупное округлое лицо с непропорционально мелкими чертами: маленькие круглые глаза, брови двумя дугообразными полосками, узкий и прямой нос, рот короткой чертой, усов нет. Мастером, несомненно, учтена антропоморфная форма камня с естественным коническим верхом, который выглядит как головной убор изваяния. На нем заметны следы ударов, нанесенных каким-то острым предметом.

Установлено лицом на восток у оградки (4,3 x 4,4 м). Внутри задернованная западина, а вокруг нее старый выброс из валунов и мелкого галечника.

Левый берег р. Коксу. Урочище Боголок.

196. Джазатер. По рисунку из работы С. С. Сорокина "Древние каменные изваяния Южного Алтая" (СА, , 1968, № 1).

У слияния р. Джазатер с Ак-Алахой. Правый берег р. Джазатер, в 0,5 км на восток от с. Джазатер.

В фондах музея г. Бийска.

197. Джазатер. По рисунку из работы С. С. Сорокина "Древние каменные изваяния..." (рис. 1, 2).

В экспозиции музея г. Бийска.

Таблица ХХХIII (см. рисунок)

198. Кыпчыл. 150x30x15 см. С рисунка из работы С. С. Сорокина "Материалы к археологии Горного Алтая" (Учен. зап. ТАНИИЯЛИ,- Барнаул, 1969, вып. 8, с. 78-79, рис. 8, 1).

Стояло лицом на восток у одной из двух оградок (4,1x4,9 м), заключенных в вал и ров, подпрямоугольной формы, внешними размерами 19x16 м. Балбалов нет. Устье р. Аюты (р. Джумалы, по С. С. Сорокину).

Вывезено в Государственный Эрмитаж, Отдел Востока, СК-979. 199. Кыпчыл. 130x38x10 см (см.: Сорокин С. С. Древние каменные изваяния..., с. 78-79, рис. 8, 2).

Стоит лицом на восток, в 3 км на юг от изваяния 198, у оградки 4,7 x 4,3 м. Оба окружены валом и рвом. На восток от изваяния цепочка балбалов из 46 камней на расстоянии 250 м.

Устье р. Аюты (р. Джумалы, по С. С. Сорокину).

200. Кыпчыл. 100x30x20 см. Высечено на темно-сером брусе слюдистого алевритопесчаника. Широкой выбитой бороздой условно обозначены шея и плечи фигуры. Все детали лица выполнены точечной техникой. Нос, явно преувеличенные брови и глаза нанесены в один прием. Большие изогнутые усы соединены с линией рта. Под подбородком небольшая выемка, обозначающая вырез одежды.

Установлена у оградки (4,5x4,5 м) и обращено лицом на восток. Входит в группу из четырех оградок, сооруженных по линии юг - север. У трех других оградок, размерами приблизительно 4x4 м каждая, вместо изваяния поставлены антропоморфные стелы.

Плато Кыпчыл, в устье р. Аюты.

Таблица XXXIV (см. рисунок)

201. Кыпчыл. 95x28x15 см. Выполнено на специально подобранной плите слюдистого среднезернистого песчаника темно-серого цвета. Изображена только голова человека. Точечной техникой округлены грани, неглубоким желобком показана шея, плечи при этом едва намечаются. Лицо широкое, монголоидное. Рельефно исполнены только непропорционально длинный и узкий нос и выпуклые овальные глаза. Брови стилизованы - подразумеваются. Открытый рот изображен овальной выемкой. Его обрамляют маленькие острые усики, слегка загнутые концами вверх.

Стоит лицом на восток у оградки (4x4 м), входящей в группу из трех оградок, устроенных в ряд с юга на север.

Плато Кыпчыл, правый берег р. Джазатер.

202. Кыпчыл. 120x40x23 см. На бесформенной обработанной плите слюдистого песчаника серого цвета нанесены детали лица. Техника точечная. Выбитой полосой намечена шея и линия подбородка фигуры. Нос и глаза слаборельефны, рот овальной выемкой, окруженной валиком, усов нет.

Установлено снаружи у восточной стороны оградки (4x4 м), сооруженной рядом с северной оградкой, у которой стоит изваяние 201. На юг от нее третья оградка с изваянием, лицевая часть которого полностью сколота.

Плато Кыпчыл, правый берег р. Джазатер.

203. Лыпчыл. 170x40x15 см. Материал - кварц-био-титовый сланец. Голова отбита по линии шеи, но найдена в слое дерна, в 15 м на юг от фигуры. Точно подходит по излому. Голова была тщательно выделена из монолита плиты и при обработке слегка наклонена влево. Объемная скульптура. Техника точечная. Смоделированную в правильных пропорциях голову в верхней части венчает головной убор - шапочка в виде усеченного конуса. На монголоидном лице одним высоким рельефом переданы нос и брови. Миндалевидные, слегка выпуклые глаза дополнительно доработаны овальными валиками - веками. Открытый овальный рот и тонкие усы нанесены в один прием. На левой стороне одно рельефное ухо. В высоком рельефе выполнены руки: правая согнута под острым углом и держит высоко поднятый круглодонный сосуд с отогнутым венчиком; левая сжимает рукоять сабли в ножнах с двумя обоями для подвешивания. Пояс в виде выпуклой полосы сохранился только с левой стороны. На правом боку круглая сумочка.

Стоит у юго-восточной стороны оградки (4x4 м), входящей в группу из трех оградок, окруженных земляным валом и рвом, внешними размерами 15x9,5 м. На юго-восток от оградки с изваянием на расстоянии 71 м отходит ряд балбалов из 29 невысоких, вертикально установленных камней.

Плато Кыпчыл, правый берег р. Джазатер.

204. Кыпчыл. 90x25x10 см. На необработанной плите кремнисто-слюдистого сланца. Техника точечная. Широким желобком выделена голова из монолита, мелкими выемками с боков намечены плечи фигуры. Детали лица изображены схематично. Одним упрощенным приемом нанесены глаза, нос и усы, рот неглубокой овальной выемкой. Руки условно переданы двумя глубокими желобками. Правая согнута в локте и переходит непосредственно в контуры округлого по форме сосуда, левая изображена схематичной полосой над фрагментарным изображением пояса или оружия.

Установлено у юго-восточной стороны оградки (1,5X X1,5 м) в 0,2 м на юг от оградки с изваянием 203.

Плато Кыпчыл, правый берег р. Джазатер.

Таблица XXXV (см. рисунок)

205. Мухор-Тархата. 115 X35 X27'см. Выполнено на бруске мусковитового гнейса белого цвета. Слегка выделена голова из монолита, намечена шея. Верх головы заострен - конической формы. Детали лица в высоком рельефе: нос прямой, слегка раширяется книзу, глаза выпуклые, показаны также брови и усы, острым клинышком борода. Рот обозначен выемкой. Уши выбиты полукруглыми дужками. Под шеей валиком, вероятно, показаны отвороты одежды или воротника. Правая рука в невысоком рельефе, согнута в локте перед грудью и двумя пальцами поддерживает чашу. Левая на рукояти кинжала или сабли в ножнах. Чуть ниже контурным желобком обозначен еще один кинжал или пояс.

Найдено лежащим лицом вниз и почти полностью покрытым землей у юго-восточной стороны каменной оградки (3,1 X3,5 м). При раскопках (оградка была взята в раскоп общей площадью 30 кв. м) справа от изваяния и внутри оградки найдены две фрагментарные кости животных. В яме из-под изваяния при выборке грунта были найдены обломки челюсти и трубчатой кости лошади. В центре оградки яма диаметром 50 см, глубиной 50 см. Точно такие же глубокие (40-50 см) ямки обнаружены снаружи, по углам оградки. Их четыре. В заполнении этих ямок обломки дерева, мелкие забутовочные камни.

На юго-восток от оградки (куда, очевидно, было ориентировано лицом и изваяние) отходит ряд балбалов, от которого сохранилось всего семь камней, на расстоянии 80 м.

Обнаружено в 2-3 км на юго-восток от с. Мухор-Тархата, рядом с мостом через речку, берущую начало в одном из безымянных озер.

В настоящее время экспонируется в музее ИИФиф СО АН СССР г. Новосибирска.

206. Чаганбургазы. 45x35x10 см. Выполнено на кварцитовой (карбонатно-кремнистая порода), плите зеленого цвета. Непропорционально большая голова выделена из монолита глубоким желобком, верхняя часть сколота наискось сильным ударом. На широком, монголоидном лице слабо различимы глаза и нос, выполненные точечной техникой. Изваяние было установлено у первой с севера оградки (4x3,6м) и ориентировано лицом на восток.

Правый берег р. Чаганбургазы (левый приток р. Чуй). Экспонируется в музее ИИФиф СО АН СССР г. Новосибирска.

207. Чаганбургазы. 80x35x13 см. Материал-карбонатно-кремнистая порода с включением кварцита. Небольшая голова выделена из монолита плиты узкой полосой. Техника точечная, с последующей шлифовкой. Общая сохранность изваяния плоха, верхняя часть головы с лицом сколота. Правая рука, согнутая в локте, держит небольшой кувшинчик. Левая рука над поясом на рукояти сабли. Пояс рельефный с квадратными бляхами. На правом боку сумка полукруглой формы.

Было установлено лицом на восток у восточной же стороны оградки (3,4x3,3 м), сложенной из тонких сланцевых плит и входящей в группу из трех оградок, устроенных по линии север - юг.

Правый берег р. Чаганбургазы (левый приток р. Чуй).

В настоящее время находится в музее ИИФиф СО АН СССР г. Новосибирска.

208. Чаганбургазы. 55x30x10 см. Материал - карбонатно-кремнистая порода с включением кварцита. Выполнено в том же стиле, что и изваяние 206. Голова выделена из монолита узкой неглубокой полосой, показаны шея и плечи фигуры. Техника точечная, с подшлифовкой. Невысоким рельефом намечены детали лица и правая рука. Стояло у третьей оградки (3,8x3,7 м), лицом ,на восток, рядом с изваянием 207. На восток от изваяния ряд из 50 камней на расстоянии 300 м. Правый берег р. Чаганбургазы (левый приток р. Чуй).

В настоящее время экспонируется в музее ИИФиф СО АН СССР г. Новосибирска.

209. Чаганбургазы. 77x32x10 см. Вытесано из серой плиты сланцевой породы. Голова выделена из монолита глубоким желобком, означающим шею. Относительно хорошо проработаны детали монголоидного лица. Находится в 0,2 км на юго-запад от группы изваянии 206-208. Установлено было лицом на юг у оградки (3,6x3,5 м). На юг от изваяния ряд балбалов из семи невысоких камней на расстоянии 50-60 м. Правый берег р. Чаганбургазы (левый приток р. Чуй).

В экспозиции музея ИИФиф СО АН СССР г. Новосибирска.

210. Чаганбургазы. 75x30x10 см. На плите карбонатно-кремнистой породы зеленого цвета. Точечная техника. Сильно выветренное, почти разрушенное изваяние. Слабо различимы глаза, нос, едва угадывается выемка щеп. Стоит лицом на юго-восток у оградки (2x2 м).

Находится в 1,5 км вверх по правому берегу р. Чаганбургазы от группы изваянии 206-209.

211. Терс-Акан. 127x46x17 см. На плите крупнозернистого мускобитового гнейса светло-желтого цвета. Почти объемная скульптура. Верхняя часть головы отколота, однако сохранились отдельные рельефные детали лица. Правая рука согнута в локте на груди, проработаны пальцы. Они, очевидно, поддерживали сосуд, изображение которого полностью выветрилось. Левая рука кистью на поясе с округлыми рельефными бляшками. Под поясом угадывается рельефное изображение сабли в ножнах и на правом боку округлая сумочка.

Найдено лежащим глубоко в земле. Незадернованной оставалась только часть спины каменной фигуры. Первоначально стояло лицом на восток снаружи у оградки (4 X 4 м). Число плит установить не удалось, сохранилось только по 3 шт. в восточной и южной стороне. Оградка раскопана. На восток от нее четыре вертикально поставленных камня на расстоянии 50 м.

Находится в 26 км по дороге пос. Ташанта - с. Кош-Агач, рядом с Чуйским трактом, в урочище Терс-Акан.

В настоящее время экспонируется в музее ИИФиф СО АН СССР г. Новосибирска.

Таблица XXXVI (см. рисунок)

212. Кокоря. 100x40x15 см. На светло-серой плите кварц-хлоритовой сланцевой породы. Объемная скульптура, выполненная высоким рельефом с тщательной шлифовкой всех деталей. Голова наполовину сколота, особенно пострадало лицо. На нем сохранились только нос и маленький рот овальной формы. Голова выделена из монолита, хорошо обозначены плечи и шея, слабо намечена талия фигуры. Реалистично исполненные руки в традиционной позе. Правая согнута в локте, кисть с манерно оттопыренным мизинцем поддерживает небольшой сосуд с удлиненным туловом, отогнутым венчиком и слабо выраженным поддоном. Левая рука опущена вниз, пальцы растопырены и покоятся на ножнах кинжала или сабли. Пояс с сердцевидными и квадратными бляшками.

Кокоринская степь. Выставлено в школьном музее с. Кокоря.

213. Кокоря. 90x45x20 см. Порода-светло-серый кремнисто-карбонатный песчаник. Техника точечная с подшлифовкой. Высоким барельефом. Сохранилась только нижняя часть фигуры, верхняя отколота сильным ударом от левого плеча почти до пояса. Сохранившаяся кисть левой руки зажимает рукоять сабли или кинжала, подвешенного на двух ремнях слева к

поясу. Пояс из квадратных блях с круглой пряжкой. Справа к поясу подвешена полукруглая сумка.

Кокоринская степь. В настоящее время выставлено в школьном музее с. Кокоря.

214. Ак-Товурак. 128x43x8 см. Из мелкозернистого мусковитового сланца (микро гнейс?). Известно по фото С. И. Руденко (Государственный Этнографический музей, фототека № 4688-1), а также по рисунку из работы Л. А. Евтюховой "Каменные изваяния..." (с. 76-77, рис. 5, 2).

Изваяние было установлено в 4,2 м на восток от небольшой (4,1 X3,9 м) оградки. Вокруг оградки и в ней мелкие обломанные камни. На восток от изваяния три вертикально поставленных камня на расстоянии 27 м.

Урочище Ак-Товурак на правом берегу р. Кокоринка. Вывезено в Горпо-Алтайский музей, где сейчас и экспонируется.

215. Каман-Тон. 122x36x4 см. Голубовато-темно-серый хлоритовый сланец, мелкоузловатый. Собрано из обломков почти полностью, за исключением левой половины лица. Голова была выделена из монолита боковыми выемками, показаны шея, округлые плечи и вырез одежды. Верху головы приданы очертания усеченного конуса - головной убор. Над близко поставленными выпуклыми глазами тонкие и длинные брови прорезными линиями. Нос рельефный, рот овальной выемкой. Выбивка вокруг рта переходит в усы с острыми концами. Руки, выполненные в невысоком рельефе, в обычной манере: правая согнута в локте (показаны пальцы) и поддерживает на уровне груди миниатюрный сосудик. Левая согнута в локте под прямым углом, кистью на рукояти сабли, которая помещена в ножны, подвешенные наискось на две петли к поясу. Пояс из выпуклых квадратных блях.

Найдено у оградки (3x3,5 м) с восточной стороны. Оградка сооружена из 11 плит, по 3 плиты в северной, западной и южной стороне и 2 плиты в восточной. Внутри заполнена небольшими валунами. На восток от оградки с изваянием ряд балбалов на расстоянии 200 м. Он насчитывает 24 невысоких (25-40 см) камня и в конце заворачивает влево, т. е. на север. С северной и южной стороны описанной оградки две другие, образующие меридиональный ряд. От первой (южной) оградки (3,3x3,5 м) на северо-восток также ряд балбалов, насчитывающий 17 камней на расстоянии 130 м. Размеры третьей (северной) оградки, составленной из четырех плит, 1,4x1,1 м. Балбалов нет. Две последние оградки раскопаны А. Н. Глуховым в 1924 г., а от первой оградки им же (?) вывезено каменное изваяние, от которого с восточной стороны сохранилась слабозадернованная яма. В рукописном дневнике А. Н. Глухова (из личного архива, М. П. Грязнова) на небольшом чертеже именно у этой оградки значится изваяние. Раскопки оградок никаких находок не дали, кроме отдельных угольков.

Комплекс находится на холме Каман-Тон, на правом берегу р. Бугузун, у слияния ее с р. Кокоринкой.

216. Каман-Тон. 72x48x8 см. На плите мелкозернистого песчаника серого цвета. Сильно пострадало от времени, верх головы сбит, детали лица едва

различимы. Правая рука почти полностью сколота, но частично сохранился рельефный сосуд. В невысоком рельефе изображена и левая рука, согнутая в локте под прямым углом. Пояс выполнен одной рельефной полосой.

Установлено у восточной стороны оградки (1,8x1,6 м). С северо-восточного угла снаружи оградки из земли торчит обломок лиственничного столба. Оградка раскопана. В центре ее также обнаружена яма диаметром 50 см, глубиной 60 см. В яме остатки лиственничного столба диаметром 20 см, длиной сохранившейся части 45 см.

Находится на холме Каман-Тон у слияния рек Бугузун и Кокоринка.

217. Каман-Тон. 72x28x15 см. Выполнено на светло-коричневой сланцевой плите. На более широкой (лицевой) стороне точечной техникой нанесены основные детали лица. Одной полосой показана шея, выделяющая голову из монолита. Обращено лицом на восток и входит в один из двух рядов камней, направленных с востока на запад. В 4 м на восток от изваяния курган древнётюркского времени (?), диаметр насыпи 7-8 м.

Находится в 2 км на запад от изваяния 215, ближе к месту слияния рек Бугузун и Кокоринка.

Таблица XXXVII (см. рисунок)

218. Кара-Дюргун. 93x46x22 см. На темно-зеленой плите кремнистого сланца. Техника точечная. Узкой выемкой из монолита выделена голова с характерным удлинённым верхом (головной убор?). На типичном монголоидном лице с выступающими скулами сохранились только рельефные усы и рот неглубокой выемкой. Другие детали сколоты. Пострадали от сколов плечи и руки фигуры. На груди показан вырез одежды. Правая рука согнута в локте под острым углом и приподнята на уровне груди. Намеченная кисть правой руки, очевидно, поддерживает сосуд, изображение которого было сколото одновременно с нанесением других повреждений. Левая рука с проработанными пальцами опущена вниз к рукояти сабли или кинжала с прямым перекрестием и обоями для подвешивания. На запястьях рук двойным перехватом обозначены манжеты или края узких облегающих рукавов.

Находилось по дороге из с. Кокоря в нос. Ташап-ту, выше трех артезианских колодцев. Вывезено в 1972 г. в Горно-Алтайский музей, где оно в настоящее время и экспонируется, инв. № 7152.

219. Кара-Дюргун. 80x36x22 см. На плите светло-зеленого вулканического туфа. Техника точечная, с последующей подшлифовкой. Голова слабо выделена из общего монолита - показаны плечи и шея фигуры. Бром и нос низкорельефны. Глаза узкие, немного выпуклые, усы едва намечены, концами опущены вниз. Рот полуовальным углублением. На груди едва различимые рельефные изображения круглых нагрудных блях. Правая рука согнута в локте под прямым углом и держит перед грудью небольшой круглодонный сосуд. Левая рука опущена на рукоять сабли в ножнах. Пояс выполнен в виде широкой рельефной полосы. Справа к нему подвешена

круглая сумочка.

Установлено у оградки (4,8x4,5 м) и ориентировано лицом на восток.

Кокоринская степь. В 7 км на юго-восток от с. Кокоря.

В настоящее время экспонируется в музее г. Горно-Алтайска, инв. № 8022.

220. Кара-Дюргун. 120x40x12 см. На плите вулканического туфа серо-зеленого цвета. Техника точечная, все детали рельефны. Фигура объемная. В отличие от изваяния 219 детали лица проработаны гораздо глубже, хотя и выполнены в одной манере. В тех же близких пропорциях изображены глаза, брови и нос. Усы круто свисают концами вниз, рот маленький, овальный. Правая рука согнута в локте, поддерживает небольшой сосуд с круглым дном. Левая рука со слабо намеченной кистью опущена на пояс или, возможно, на рукоять сабли, изображение которой почти не сохранилось. На поясе, полностью охватывающем фигуру, нанесены бляхи квадратной формы. На правом боку изображение небольшой сумочки, подвешенной к поясу.

Было установлено у оградки (4,5x4,3 м) и ориентировано лицом на восток. Кокоринская степь. В 2-3 м на север от изваяния 219.

В настоящее время находится в экспозиции музея ИИФФ СО АН СССР г. Новосибирска.

221. Ардун-Тебе. 123 X49 X19 см. По фото С. И. Руденко (Государственный Этнографический музей, фототека № 4688-9), а также рисунок из работы Л. А. Евтюховой "Каменные изваяния..." (с. 75-76, рис. 5, 2). Сайлюгемская степь.

В экспозиции музея г. Горно-Алтайска, инв, № 8020.

Таблица XXXVIII (см. рисунок)

222. Дъер-Тебе. 142x50x12 см. По фото С. И. Руденко (Государственный Этнографический музей, фототека № 4688-8), а также рисунку из работы Л. А. Евтюховой "Каменные изваяния..." (с. 76-77, рис. 5, 1). Размеры оградки 4x4 м. Сооружена из 13 сланцевых плит. На восток от изваяния 11 камней-балбалов, средней высотой 20-40 см. Последний балбал установлен в 172 м от изваяния. У местных жителей изваяние носит название "Акташ". Автором у изваяния произведены раскопки (см.: Кубарев В. Д. Древнетюркский поминальный комплекс на Дъер-Тебе.- В кн.: Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978, с. 86, рис. 1), Сайлюгемская степь, в 12-13 км от с. Кокоря, на холме Дъер-Тебе.

В настоящее время находится в экспозиции музея ИИФФ СО АН СССР г. Новосибирска.

Таблица XXXIX (см. рисунок)

223. Ян-Гобо. 170x50x15 см. Заготовка изваяния(?). У плиты тщательно сработаны грани, двумя боковыми выемками выделена голова из монолита.

"Голова" частично сколота и покрыта землей, т. е., очевидно, этой частью изваяние было вкопано в землю. В средней части параллельными желобками обозначены два пояса. Над ними выветрившиеся рисунки. Найдено лежащим у оградки (13,5 X 13,5 м), составленной из 47 плит. На восток от оградки 57 камней, установленных в один ряд на расстоянии 220 м. Оградка раскопана. Сайлюгемская степь. В 200 м к западу от дороги из с. Кокоря (10 км) в Узунтал.

Таблица XL (см. рисунок)

224. Узунтал. 80x35x20 см. На светло-зеленой сланцевой плите. Лицевая часть полностью сколота, обломки найти не удалось. На тыльной стороне камня изображено семь кос. Стоит лицевой частью на восток у одиночной оградки (6,3x6,7 м). В заполнении оградки валуны и белые кварцитовые гальки. Общее число плит ограждения установить не удалось, однако в одной из сторон прослеживаются шесть плит, поставленных на ребро. На восток от изваяния ряд из 23 камней, поставленных вертикально на расстояние 240 м. Сайлюгемская степь. У подножия холма Дъер-Тебе.

225. Согонолу. 160x37x7 см. На сланцевой плите зеленого цвета, разбитой на несколько кусков. На обломках различаются: выемка шеи, левая рука с проработанными пальцами на рукояти сабли. Обломок нижней части изваяния был вкопан на глубину 55 см в 1,1 м на восток от оградки, сооруженной из 14 плит, поставленных на ребро (по 3 в восточной и западной, по 4 в северной и южной стороне). Размеры оградки 3,7x3,9 м. На юго-восток от изваяния сохранился ряд из пяти камней на расстоянии 69 м.

Левый берег р. Бугузун, напротив урочища Согонолу.

226. Согонолу. Обломанное изваяние из белого мелкозернистого мусковитового гнейса. На двух самых крупных обломках различимы детали лица: рельефные усы, борода и нижняя часть носа.

Стояло ранее у оградки (2,8x2,6 м), в 2,2 м на восток от нее. Было ориентировано лицом на восток, о чем свидетельствует нижняя обломанная часть изваяния, вкопанная в землю. Ширина сохранившейся части 40 см, толщина 12 см. На восток от изваяния сохранилось всего два поваленных камня (балбала) на расстоянии 25-30 м. В 5 м на восток от изваяния подквадратная выкладка из валунов (дополнительная оградка) размерами 1,2x1,1 м. В урочище Согонолу, на правом берегу р. Бугузун.

227. Согонолу. 70x45x10 см. Выполнено на темно-серой плите вулканического туфа (туфопесчаника). Голова выделена из монолита, показаны покатые плечи. Детали лица невысоким рельефом. Обе руки согнуты в локтях, правая несколько выше левой, кисти рук не прослеживаются.

Установлено у оградки (4x4 м), выложенной внутри валунами. Ориентировано лицом на восток, вверх по долине р. Бугузун. В урочище Согонолу, на правом берегу р. Бугузун.

228. Согонолу. 102x49x13 см. Материал - кремово-белый мелкозернистый тонкополосчатый мусковитовый гнейс. В урочище Согонолу, на правом берегу р. Бугузун.

В настоящее время находится в экспозиции музея г. Горно-Алтайска, инв. № 8029.

Таблица XLI (см. рисунок)

229, Малталу. 160x60x18 см. На темно-серой сланцевой плите. Сохранилось два крупных обломка. Обломок верхней части представляет собой уцелевшее изображение головы и плеч. Голова очень тщательно выделена из монолита точечной техникой с подшлифовкой. С большим реализмом передано типичное монголоидное лицо: нос и брови одним рельефом, глаза миндалевидной формы выполнены с особой тщательностью, рот овальной выемкой, над ним волнистые усы. Рельефными валиками показаны уши. На голове округлая шапочка со срезанным верхом. На обломке средней части сохранился пояс, набранный квадратными бляхами с прорезью. На нем справа изображена округлая сумка; слева - сабля с Длинной рукоятью и прямым перекрестием, в ножнах, на которых изображена скоба для подвешивания. Рукоять сабли сжимает левая рука, на которой показан край облегающего рукава, а также реалистично проработаны пальцы, причем указательный палец манерно выпрямлен.

Обнаружено в слое дерна с восточной стороны у оградки, сооруженной из 15 плит (по 4 в южной, северной и западной и 3 в восточной стороне). Размеры оградки 4,5 X 4,5 м. Оградка окружена подквадратным в плане валом и ровом внешними размерами 16x17 м. Ширина вала около 2 м при высоте всего 15-20 см над дневной поверхностью. Ров шириной не более 1,5 м, глубиной около 30 см. На восток от оградки на расстоянии 0,3 км тянется ряд балбалов, насчитывающий 50-55 камней. Оградка раскопана. Перед изваянием зачищены обломки керамического сосуда, а по углам плитового ограждения и в центре оградки найдены ямы со следами сгоревших столбов. По всей площади оградки и за ее пределами найдены обломки лошадиных челюстей, зубов лошади и других мелких костей животных. К новым деталям необходимо отнести наличие остатков деревянного ограждения вокруг изваяния. Оно было, очевидно, сложено из небольших жердей, диаметром 10-17 см каждая. Верхняя часть двух сохранившихся в земле жердей была сильно обуглена, нижняя сохранила естественный красноватый цвет листовенничного дерева. Вокруг оградки и изваяния зачищено большое число древесных углей. Другая новая деталь - наличие дополнительной ямы с севера от основной (центральной) ямы оградки. В ней оказался небольшой каменный ящик, сложенный из сланцевых плиток и расколотых валунчиков. На дне ящика в анатомическом порядке крестцовые позвонки барана и под ним - остатки деревянного блюда. Сверху эта часть оградки была перекрыта массивными плитами. В 7 м на юго-восток от вала, т. е. рядом с первыми балбалами, небольшая кладка подквадратной формы. Она представляет собой оградку в миниатюре (1,1x1,2 м) и сложена из восьми сланцевых плиток, по две в каждой стороне. Внутри кладки следы угля, мелкие кальцинированные кости животных, земля прокалена.

Урочище Малталу, на правом берегу р. Бугузун.

Изваяние хранится в фондах музея ИИФФ СО АН СССР г. Новосибирска.

230. Малталу. 103x32x10 см. Материал - кварц-биотит-плагиоклазовый гнейс. Разбито на две части, сильно выветрено. Однако можно различить все детали. Небольшая голова тщательно вытесана из монолита, показаны округлые плечи, шеи почти нет. Черты лица слаборельефны, глаза круглые. Брови, нос и усы одним рельефом, рот овальной выемкой. В ушах серьги в виде колечек с подвесками. В верхней части головы волнистой рельефной полосой показан край головного убора. Правая рука, согнутая в локте, на уровне груди держит чашу. Левая также согнута в локте, кистью на рукояти длинной, слегка изогнутой сабли с прямым и коротким перекрестием. Сабля изображена в ножнах с двумя обоями для подвешивания. От одной из них к поясу идет короткий портупейный ремень. Пояс составлен из полукруглых блях с прорезью. На правом боку к поясу подвешена полукруглая сумка. В нижней части изваяние обработано до поперечной линии, по которой оно, возможно, вкапывалось в землю.

Найдено в 0,7 км на запад от изваяния 229, у оградки 2,2x2,4 м, лицом на восток. Оградка сооружена из 12 плит (по 3 в северной и южной стороне, 4 в восточной и 2 плиты в западной). На восток от изваяния с оградкой отходит ряд балбалов из 25 камней на расстоянии 130 м. Справа от первых балбалов небольшая дополнительная оградка-жертвенник из четырех плит. В центре основной оградки раскопками выявлена яма глубиной 50 см, диаметром 50 см. На север от нее у плит ограждения настил из двух плашмя уложенных плит. Под ними яма глубиной 50 см, диаметром 60 см. В ней среди камней найдены крестцовый позвонок барана и следы истлевшего дерева. Другой жертвенный ящичек находился снаружи оградки, у юго-восточного угла. В оградке и вокруг нее найдены отдельные зубы лошади, обломок челюсти лошади и угли. Заполнение оградки состояло в основном из круглых валунов и мелких речных галек, изредка попадались обломки дерева и угли. Изваяние находится в урочище Малталу, на правом берегу р. Бугузун. В настоящее время - в экспозиции музея им. Н. К. Рериха в с. Верхний Уймон.

Таблица XLII (см. рисунок)

231. Малталу. 75x40x20 см. На темно-зеленой сланцевой плите с прожилками кварцита. Точечной техникой нанесены только детали лица, а затем зашлифованы. Найдено рядом с дорогой, в 0,3 км на северо-восток от изваяния 230. Лежало лицом вниз в куче незадернованных камней, оградки нет. В урочище Малталу, на правом берегу р. Бугузун.

В настоящее время находится в экспозиции музея им. Н. К. Рериха в с. Верхний Уймон.

232. Текелю. 50x20x15 см. Выполнено на продолговатом валуне светло-серого цвета. Точечной техникой намечены детали лица. Стоит лицом на восток у одной из трех оградок. Размеры оградки 4,3x4,7 м, заполнение крупные валуны, в центре округлая западина. На восток от изваяния пять камней на расстоянии 25 м.

У слияния рек Бугузун и Текелю.

233. Туру-Алты. 120x35x15 см. Материал - крупнозернистый песчаник темно-зеленого цвета. Тщательной обработкой (точечная техника) плите приданы очертания человеческой фигуры. Верхняя часть лица сколота на уровне глаз. Нос прямой, книзу расширяется; небольшой овальный рот обрамляют подчеркнуто пышные усы; небольшая борода клинышком. Правая рука с браслетом на запястье, держит перед грудью небольшой сосуд с округлым туловом, поддоном и горлом треугольной формы. Под рукой с сосудом изображен рельефный пояс с пятой квадратными бляхами. На поясе справа висит круглая сумочка, а посередине коленчатый кинжал в ножнах с двумя скобами для подвешивания. Левая рука изображена прямой, т. е. опущенной кистью на длинную рукоять слабоизогнутой сабли с прямым перекрестием. Клинок, вложенный в ножны, загибается на левый бок фигуры.

Обнаружено лежащим у северо-восточной стороны одной (4,5x4,5 м) из трех оградок, устроенных в ряд по линии север - юг. Общее число плит ограждения удалось подсчитать только после раскопок и зачистки оградки. Их оказалось 19 (по 5 плит в восточной, южной и северной стороне, 4 плиты в западной). Внутри оградки наряду с обычным заполнением (задернованные валуны с галечником) плитовой настил. В центре оградки были обнаружены две ямы: первая - диаметр 70 см, глубина 80 см; вторая - диаметр 30 см, глубина 50 см. В центральной яме (первой) вместе с забутовочными камнями найдены обломок зернотерки и обломки дерева. Внутри оградки и вокруг нее также обнаружены многочисленные древесные угли и кости животных. В урочище Туру-Алты, на правом берегу р. Барбургазы.

В настоящее время изваяние находится в экспозиции музея ИИФФ СО АН СССР г. Новосибирска.

234. Ак-Кообы. 91x36x4 см. Выполнено на гладкой плите мелкозернистого песчаника. Из общего монолита выделена голова с коническим верхом, слабо намечены плечи. На лице полуокружностью изображены рот или усы. Точно такой же слабой Точечной выбивкой нанесены нос и один глаз. Правая рука в виде узкой полосы. Узкой выбитой полосой обозначен и пояс фигуры.

Обнаружено в слое дерна с северо-восточной стороны небольшой (1,9x1,4 м) оградки, сооруженной из восьми плит, поставленных на ребро. В 15 м на северо-восток от изваяния кольцевидная каменная кладка. Оградка внутри была заполнена крупными валунами и галькой. В оградке и вокруг нее произведены раскопки. В центре оградки яма диаметром 38 см, глубиной 45 см. В ней найдены обломок трубчатой кости, угли и кусочки дерева.

Находится на левом берегу р. Барбургазы, в 1-2 км от скалы Кызыл-Кабак, в урочище Ак-Кообы.

Таблица XLIII (см. рисунок)

235. Ак-Кообы. 80x43x18 см. Материал - черный кремнистый сланец. Из

общего монолита плиты выделена голова, показаны плечи. Выбивкой оконтурено круглое лицо. Левый глаз - глубокая (3-4 см) ямка естественного происхождения, правый углублен выбивкой на 1,5-2 см. Нос и борода выделены выборкой фона вокруг них. Слабо намечены усы, опущенные концами вниз. Рот маленький, овальный с небольшим конусовидным выступом в нижней части. Верхняя часть головы сколота наискось. Ориентировано лицом на востоко-юго-восток, слегка наклонено назад. Стоит почти вплотную у восточной стороны насыпи кургана, округлой в плане формы, диаметром 8 м (табл. XLIII, 7). Первоначальная высота насыпи, сложенной плитняком, около 50 см. При разборке насыпи выяснилось, что форма ее была не круглой, а квадратной в плане. При этом внутри насыпь была сложена в несколько слоев, образуя платформу. Особенно хорошо это было заметно в северо-западной и западной частях кургана, где под слоем мелких обломков плит и галек лежали одна на другой самые крупные по размерам плиты, достигавшие длины 1,5 м. В центре кургана, в западине, сразу же под плитами собраны кости овцы. Они принадлежали одной особи, т. е. в данном случае была, очевидно, захоронена целая туша овцы, но без головы (череп отсутствовал). В северной части насыпи, поверх земляного могильного холма колотые и обгоревшие кости животных. После снятия насыпи пятно могильной ямы едва различимо. Заполнение ямы - суглинок с включением битой гальки, мелких сланцевых плиток и крупных валунов. На глубине 140 см в южной части ямы находились ребра коня, а в западной части - его череп. По всей яме зачищен плитовой настил, провалившийся в центре. Под ним лежали два костяка коней, черепами на запад, мордами и ногами друг к другу, (табл. XLIII, 2). У "северного" коня в челюстях железные удила с S-образными псалями (табл. XLIV, 1). У "южного" - под нижней челюстью небольшие кольчатые удила из железа (табл. XLIV, 2). Под поясными позвонками "северного" коня найдена костяная подпружная пряжка (табл. XLIV, 3). Вторая такая же пряжка с железным язычком обнаружена справа от черепа "северного" коня (табл. XLIV, 4). Она была связана с седлом, остатки которого зачищены в северо-западном углу ямы на костях ног погребенного человека. Костяк человека занимал северную часть ямы, Поверх него также лежали массивные сланцевые плиты, которые, Вероятно, отделяли человека от захоронения коней и были первоначально поставлены на ребро. Кости человека сохранились плохо, особенно ребра и тазовые кости. Под черепом, поверх костей рук и тазовых костей крупные куски тонкой шелковой ткани темно-золотистого цвета. Справа от костяка и вплотную к северной стенке ямы лежал на ребре берестяной колчан со стрелами (табл. XLIV, 5). Размеры колчана 90x18x12 см. Рядом с ним обломки сложного лука. Удалось проследить только одно плечо, длина которого 65 см. Здесь же найден точильный брусок (табл. XLIV, 6). Частично сохранился кожаный пояс с накладными серебряными бляхами трех типов (табл. XLIV, 7). Под левой рукой обнаружены обломки железного изогнутого ножа (кинжала?) в деревянных ножнах (табл. XLIV, 8). На груди обломки железного кресала-сумочки (табл. XLIV, 9), в которой находились углеподобное вещество и кварцитовая галечка в узелке из шелка. Погребенный уложен на настил из шести-семи толстых веток, лежавших поперечно, на расстоянии 15-18 см друг от друга. Находится на левом берегу р. Барбургазы, в 1,2 км от скалы Кызыл-Кабак, в урочище Ак-Кообы.

Таблица XLIV (см. рисунок)

Сопроводительный инвентарь из кургана с изваянием 235. Ак-Кообы.

Таблица XLV (см. рисунок)

236. Чибит. 98x44x7 см. Материал - светло-коричневый песчаник. Лицо человека изображено на гладкой поверхности плиты сочетанием контурной и точечной техники. В плавных и уверенных рисунках деталей лица чувствуется умелая рука древнего каменотеса. На обратной стороне изваяния нанесено изображение оленя.

Стояло у одной из четырех оградок (третьей с севера), сооруженной из сланцевых плит и заполненной внутри валунами и галькой. Размеры оградки 4,3x4,8 м. На восток от оградки с изваянием сохранилось пять камней на расстоянии 10 м. В урочище Чибит, на левом берегу р. Барбургазы (среднее течение).

В настоящее время экспонируется в музее г. Горно-Алтайска, инв. № 7154.

237. Чибит. 70x35x10 см. На плите серого сланца, с естественным коническим верхом. Точечной техникой выбиты основные детали лица: глаза, брови, рот и усы, одной дугообразной полосой намечена борода. Правая часть плиты сколота сильным ударом. Обломок был найден в 1 м от изваяния и хорошо подходит по излому.

Стоит с восточной стороны оградки (7x8 м), составленной из плит (по семь-восемь в каждой стороне). На восток-северо-восток от изваяния отходит ряд балбалов (26 камней) на расстояние 150 м и в конце слегка заворачивает на северо-восток. В урочище Чибит, на левом берегу р. Барбургазы (среднее течение).

238. Чибит. 52x37x10 см. На широкой стороне плиты едва заметной шлифовкой нанесены детали лица. Установлено лицом на восток, вплотную к плитам оградки (3,5x3 м).

В урочище Чибит, на левом берегу р. Барбургазы (среднее течение).

239. Барбургазы. 70x35x5 см. Выполнено на скатанной плите с округлыми гранями. Материал - аркозовый песчаник. Грубой выбивкой выделена из монолита голова. Узким желобком обозначена шея фигуры, намечены плечи. Круто загнутые концы бровей, опускаясь вниз, намечают контуры прямого носа. Глаза маленькие и круглые, выбиты в виде неглубоких ямок. Той же техникой изображен и рот в виде короткой овальной черты.

Лежало лицом вниз у восточной стороны небольшой по размерам (2x2 м) оградки и почти полностью было покрыто землей.

Левый берег р. Барбургазы (верхнее течение). Сейчас экспонируется в музее г. Горно-Алтайска, инв, № 8050.

Таблица XLVI (см. рисунок)

240. Чадыр. 110x41x12 см. Представляет собой хорошо сохранившуюся скульптуру, изготовленную на плите из плотного крупнозернистого диорита.

Из монолита выделена голова, обозначены плечи, намечена талия. Лицо широкое, монголоидное. Брови стилизованы и едва различимы над близко поставленными выпуклыми глазами овальной формы. Нос прямой и длинный, расширяется книзу. Тонкие усы закручены концами вверх. Рот открытый, овальный. Подчеркнуто выделена острая бородка клином, на которой тонкими прорезными линиями показаны отдельные волоски. Рельефно обозначены небольшие уши. Правая рука, согнутая в локте, поддерживает перед грудью сосуд с овальным туловом, широким отогнутым горлом и низким поддоном. Левая рука также слегка согнута в локте и лежит кистью поверх пояса. Пальцы растопырены, с особой манерностью отогнуты большой палец и мизинец. Пояс наборный: в левой части бляшки квадратной формы, в правой - сердцевидной. На правом боку под поясом изображена небольшая круглая сумочка. Первоначально изваяние стояло внутри небольшой подпрямоугольной оградки (1,1x1,0 м), сооруженной из сланцевых плит, поставленных на ребро. Очевидно, совсем недавно изваяние упало, разрушив при этом восточную и южную плиты оградки.

Найдено лежащим головой на восток в логу Чадыр, - в междуречье Барбургазы и Юстыда. В настоящее время изваяние утеряно.

241. Чадыр. 130x24x9 см. Представляет собой узкую плиту темно-серого аркозового песчаника, на которой точечной техникой изображена голова человека. В экономичной своеобразной манере выполнены детали лица: глаза в виде ямок-кружков, изогнутые брови, концами опускаясь вниз, намечают контуры носа; борода овальной формы, нанесена одной замкнутой линией, верхняя часть которой является стилизованным изображением усов; рот в виде короткой прямой черты.

Находится в 0,2 км на северо-запад от изваяния 240. Первоначально было вкопано внутри небольшой (85 X X65 см) оградки и ориентировано лицом на восток.

Лог Чадыр в междуречье Барбургазы и Юстыда.

В настоящее время экспонируется в музее ИИФиф СО АН СССР г. Новосибирска.

242. Чадыр. 96x23x10 см. Почти не отличается материалом (мелкозернистый аркозовый песчаник), техникой и манерой исполнения от изваяния 241. Голова выделена из монолита тем же приемом - узкой выбитой полосой, изображающей шею фигуры. Глаза, брови и рот переданы так же, как и у изваяния 241. Нос, усы и борода изображены несколько иначе, но это говорит, очевидно, об изобретательности древнего ваятеля, не захотевшего копировать изваяние 241 и придавшего тем самым, хотя и не сложным приемом, индивидуальные черты изваянию 242.

Стояло внутри небольшой (90x70 см) оградки, в 1,7 м на север от изваяния 241.

Лог Чадыр, в междуречье Барбургазы и Юстыда.

В настоящее время экспонируется в музее ИИФиф СО АН СССР г.

Новосибирска.

Таблица XLVII (см. рисунок)

243. Юстыд. 89x30x20 см. Материал - карбонатно-кремнистая темно-серая порода. Точечной техникой на широкой стороне плиты в высоком рельефе выполнено лицо человека с овальными выпуклыми глазами. Нос длинный и узкий, резко расширяется книзу. Рот овальный, открытый, окаймлен небольшими усами, переходящими в треугольный клинышек бороды. Три глубоких желобка, расходящимися лучами от бороды, возможно, намечены отвороты одежды. Плита под изваяние использована вторично. На всех четырех сторонах ее имеются более ранние изображения тамг, фигур козлов и оленей и даже одна схематичная фигурка человека с луком.

Изваяние было вкопано с восточной стороны оградки (4,7x4,9 м). Внутри оградка заполнена валунами, мелким галечником и сланцевыми плитками. В центре овальной формы западина, а в юго-западной части небольшое обо высотой 30-40 см. Оградка раскопана (раскоп общей площадью 48 кв.м). Составлена из 16 массивных плит. Все они наклонены наружу и вкопаны в узкие канавки глубиной 25-30 см. На внешних плоскостях плит восточной стороны имеются рисунки, выполненные тонкими прорезными линиями. Только один обломанный зуб лошади найден в юго-восточном углу оградки. В центре яма, обложенная по краям сланцевыми плитами, которые, судя по их расположению, стояли первоначально вертикально, создавая подобие ящика или какого-то ограждения вокруг ямы, диаметр которой 27 см, глубина 75 см. В яме на глубине 50 см фрагменты деревянного столбика, диаметром 12 см, длиной сохранившейся части 5-7 см.

Правый берет р. Юстыд, в 5-6 км от пос. Ташанта. В настоящее время хранится в фондах музея ИИФиф СО АН СССР г. Новосибирска.

Таблица XLVIII (см. рисунок)

244. Юстыд. 88x33x15 см. На плите темно-серого слюдястого мелкозернистого песчаника. Собрано из нескольких крупных обломков. Меньше всего пострадала голова фигуры. Она тщательной обработкой выделена из монолита, показаны шея и плечи. Детали лица рельефные. С особой тщательностью проработаны уши с вдетыми в них серьгами. Правая рука перед грудью поддерживает круглодонную чашу. На запястье двумя поперечными бороздками обозначен браслет или обшлаг рукава. Левая рука не прослеживается.

Найдено лежащим у восточной стороны оградки (2x2 м), головой на север. Оградка сооружена из восьми плит (по две в каждой стороне), раскопана. Внутри ее найдены две ямы. В центральной яме (диаметр 50 см, глубина 90 см) отмечены следы деревянного кола диаметром 6-8 см; вторая яма, продолговатой в плане формы (80x35x20 см), в северной части оградки. Она содержала в заполнении крупные обожженные гальки, много древесных углей и прокаленный грунт. В восточной части оградки среди трех плит обнаружена верхняя половина серебряного сосуда (табл. XLVIII, 2). В юго-восточном углу кучкой найдены железные предметы: стремяна, удила,

пряжки и т. п. (табл. XLVIII, 3-5). Зачистка пространства вокруг оградки позволила выявить семь столбовых ямок, расположенных точно по периметру ограждения. В 1,5 м на восток от оградки найдена плита с фигуркой козла на ней.

Правый берег р. Юстыд, в 12 км от пос. Ташанта. Изваяние хранится в фондах музея ИИФФ СО АН СССР г. Новосибирска.

Таблица XLIX (см. рисунок)

245. Юстыд. 92x42x9 см. На расширенной части скатанной плиты изображено широкоскулое лицо человека с ушами и большими усами. Оригинально обозначены брови - невыбранным фоном камня, а лоб, щеки и борода - сплошной выбивкой. В нижней части узкой выбитой бороздой изображен пояс, охватывающий фигуру со всех сторон. С обратной стороны выбита фигурка козла.

Найдено лежащим у оградки (4,2x3,7 м). На восток от оградки с изваянием сохранился ряд из восьми камней-балбалов (высотой 40-60 см) на расстоянии 100 м.

Левый берег р. Юстыд, в 18 км от пос. Ташанта.

Таблица L (см. рисунок)

246. Юстыд. 118x29x15 см. Выполнено на четырехгранной сланцевой плите темно-серого цвета. Лицо широкое, монголоидное. Все детали лица нанесены точечной техникой, кроме глаз, которые намечены глубоким контурным желобком. Правая рука, выполненная в невысоком рельефе, поддерживает на уровне груди небольшой кубок (?). Слабо прослеживаются и очертания левой руки.

Происходит из долины р. Юстыд. Находится в экспозиции музея г. Бийска.

247. Юстыд. 80x24x7 см. Выполнено на сланцевой плите со слегка округленными гранями. Материал - карбонатно-кремнистая порода. Точечной техникой выделена из монолита голова, слабо обозначены плечи фигуры. Детали лица хорошо различимы благодаря полной выборке фона вокруг них. Особо выделяются тонкие и длинные усы во все лицо. Под шеей полосой невыбранного фона камня оригинально показаны отвороты одежды. Правая рука согнута в локте и поддерживает сосуд с овальным туловом, удлинненным и узким горлом, небольшим поддоном. Левая рука, очевидно, на рукояти сабли. Пояс из квадратных и сердцевидных блях. На правой стороне изваяния слабыми сливающимися точками нанесено ухо, а в нижней части на поясе изображена сумочка подквадратной формы. Правый берег р. Юстыд (более точное место установки неизвестно).

Экспонируется в музее ИИФФ СО АН СССР г. Новосибирска.

248. Юстыд. 80x25x14 см. На плите темно-серого алевролита. Сочетанием контурной и точечной техники. Широко выбитой полосой намечена шея фигуры. Нос в невысоком рельефе, брови выбиты дугообразными

полосками. Миндалевидные глаза - оконтурены глубокой прорезной линией. Таким же приемом исполнены усы, рот и уши фигуры. Схематично показаны руки с намеченными пальцами, поддерживающими на уровне груди кубок (?). Двумя параллельными бороздами обозначен пояс.

Найдено лежащим лицом вниз с восточной стороны оградки (2,6x2,8 м), сооруженной из 11 плит. Оградка раскопана. Кроме углей и костей животных в ней ничего не обнаружено.

Левый берег р. Юстыд, в 16 км от пос. Ташанта.

В настоящее время - в экспозиции музея ИИФиф СО АН СССР г. Новосибирска.

249. Юстыд. На тонкой сланцевой плите темно-синего цвета. Разбито на мелкие куски, на которых можно различить отдельные детали лица, выемку шеи и т. п.

Стояло с восточной стороны оградки (2,5x2,5 м). Она составлена из десяти плит (по три в северной и южной и по две - в восточной и западной стороне).

Правый берег р. Юстыд, в 10 км от пос. Ташанта.

250. Юстыд. Высотой около 1 м. На сланцевой плите серо-голубого цвета. Разбито. На обломках хорошо различима выемка шеи, частично собирается голова фигуры. Нижняя обломанная часть изваяния осталась вкопанной с восточной стороны оградки (2x2 м), сооруженной из восьми плит (по две в каждой стороне). В 15 м на восток от изваяния дополнительная оградка (0,5x0,4 м), составленная из четырех плит. От этой оградки, также на восток, в 10-15 м кольцо, сложенное из 11 валунов. Его диаметр 0,5 м.

Правый берег р. Юстыд, в 10 км от пос. Ташанта.

251. Юстыд. 81x25x11 см. На сланцевом бруске серого цвета с естественным коническим верхом. На лицевой части бруска выбиты только глаза и нос в невысоком рельефе, двумя боковыми выемками обозначена шея фигуры.

Найдено лежащим среди керексуров у родника Калан, на правом берегу р. Юстыд.

252. Кош-Агачский район. 104x37x13 см. Выполнено на светло-серой сланцевой плите. Сильно выветрено, Голова тщательно выделена из монолита, показаны шея и плечи. Длинный нос и брови одним рельефом, глаза выпуклые. Небольшой рот обрамляют "вислые" усы, борода клином.

Точное место находки неизвестно.

В экспозиции музея г. Горно-Алтайска, инв. № 8019.

253. Алтай. По рисунку из работы Н. Appelgren-Ki-valo "Alt-Altäische Kunsfdenkmahler" (Helsingfors, .1931, S. 70, Abb. 316; см. также: Евтюхова Л. А. Каменные изваяния..., с. 77-78, рис. 6, 2). "Вытесано из плоской четырехгранной плиты. Голова округлая, нос книзу расширен. Слегка намечены правая рука и пояс". Очень сходно с изваянием 63 из Айлягуша.

Точное местонахождение неизвестно.

254. Алтай. Рисунок М. П. Грязнова по фото Барнаульского музея (см.: Евтюхова Л. А. Каменные изваяния..., с. 110, рис. 71, 5).

Местонахождение неизвестно.

255. Алтай. Рисунок из работы Л. А. Евтюховой "Каменные изваяния..." (с. 77, рис. 7, 2). "Вытесано из светло-серого с зеленоватым оттенком гранита. Высота около 170 см. Голова овальная, черты лица разработаны слабо. Глаза трактованы в виде овальных углублений, нос и рот выпуклые. Обе руки опущены вниз и на уровне живота держат рельефный сосуд с прямым, слегка отогнутым горлом, шаровидным туловом и прямым поддоном. Ниже рук прорезаны перекрещивающиеся косые полосы".

Находится в Музее антропологии и этнографии г. Ленинграда.

256. Алтай. Высота около 1 м. Выполнено на плите крупнозернистого песчаника. Из монолита реалистично, выделена округлая голова, обозначены шея, плечи и вырез одежды на груди. Детали лица прорезными линиями, руки рельефные. Правая полностью сколота, сохранилось только изображение пальцев, поддерживающих на уровне груди небольшой круглодонный сосуд с узким горлом. Левая рука, очевидно, на поясе, но нижняя часть изваяния обломана.

Найдено в фундаменте дома в г. Барнауле. В настоящее время экспонируется в музее г. Барнаула.

ТАБЛИЦЫ
МАЙМИНСКИЙ И ШЕБАЛИНСКИЙ РАЙОНЫ.

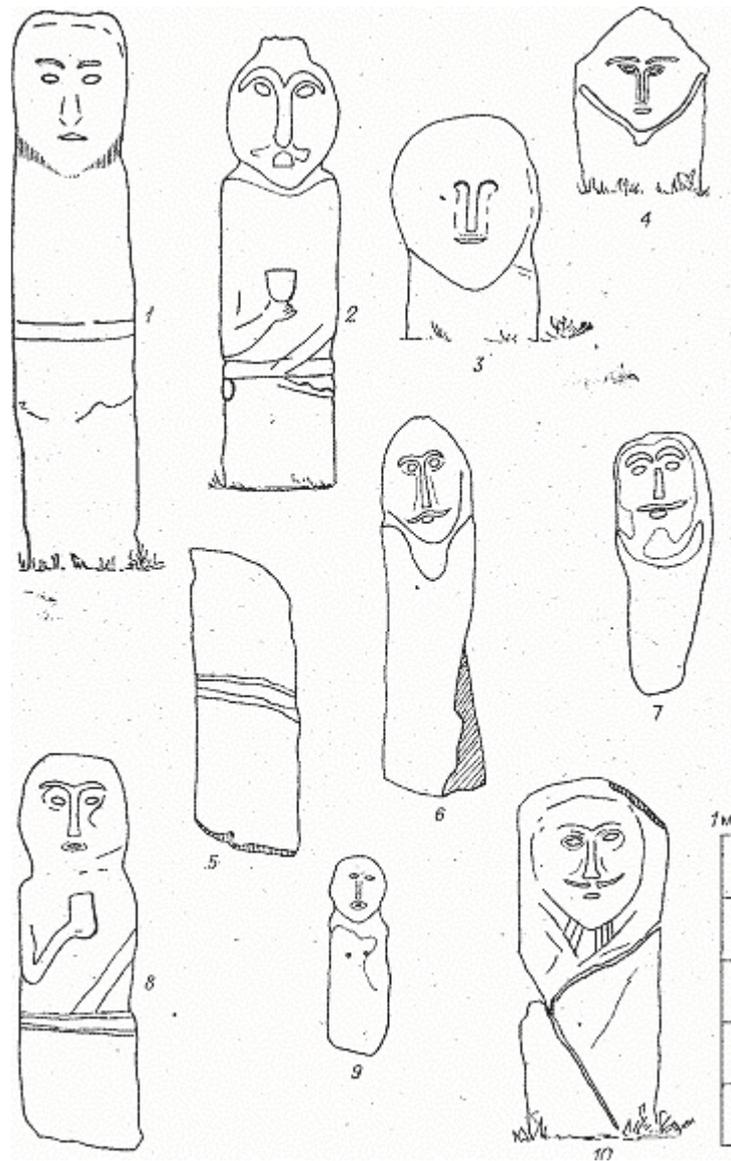

Табл. I. 1- близ г. Горно-Алтайска, 2 - Барагаш, 3 - Чепош,
4-10 - Куюс.

УСТЬ-КАНСКИЙ РАЙОН.

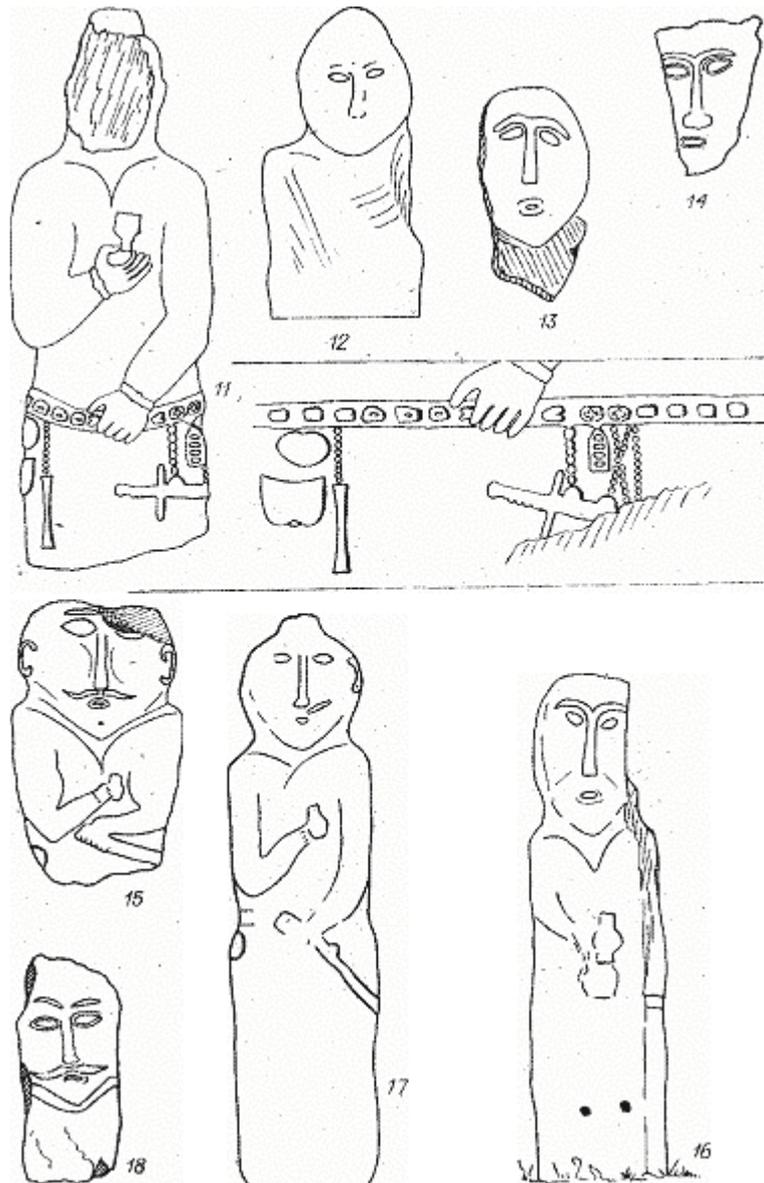

Табл. II. 11 - Белый Ануй, 12 - Ануй, 13 - Ябоган, 14, 15 - Шиверта, 16 - Сары-Кобы, 17 - Карасу, 18 - Канская степь.

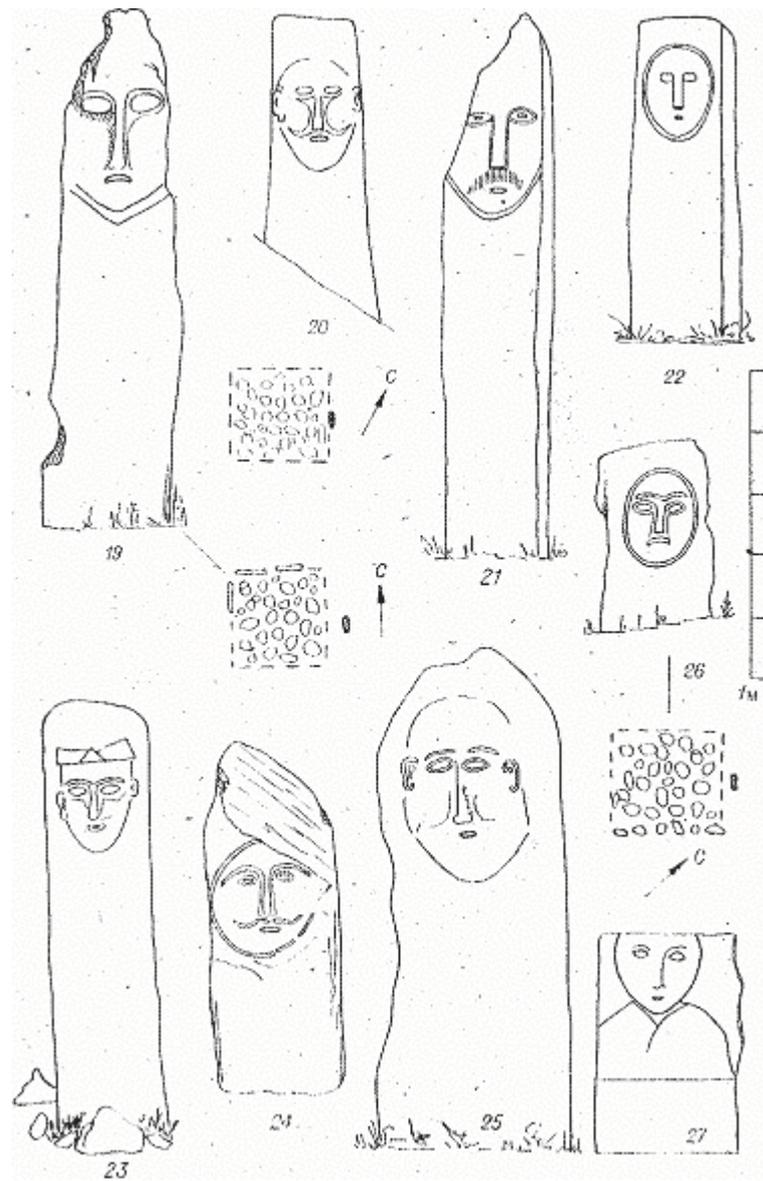

Табл. III. 19, 20-Талдушка, 21 -24 - Теньга, 25 - Кара-Кобы, 26,- Урсул, 27 - Каерлык.

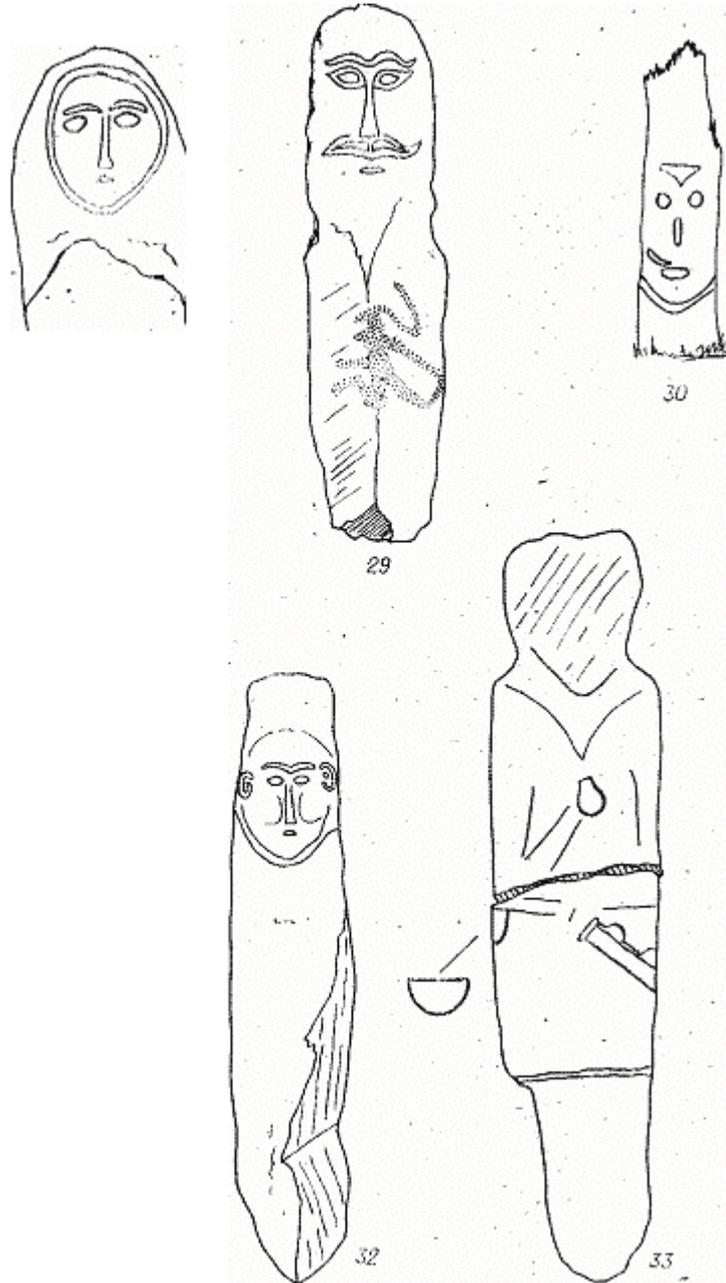

Табл. IV. 28, 30-32.- Шибе, 29 - Онгудай, 53 - Длинный Бомчик.

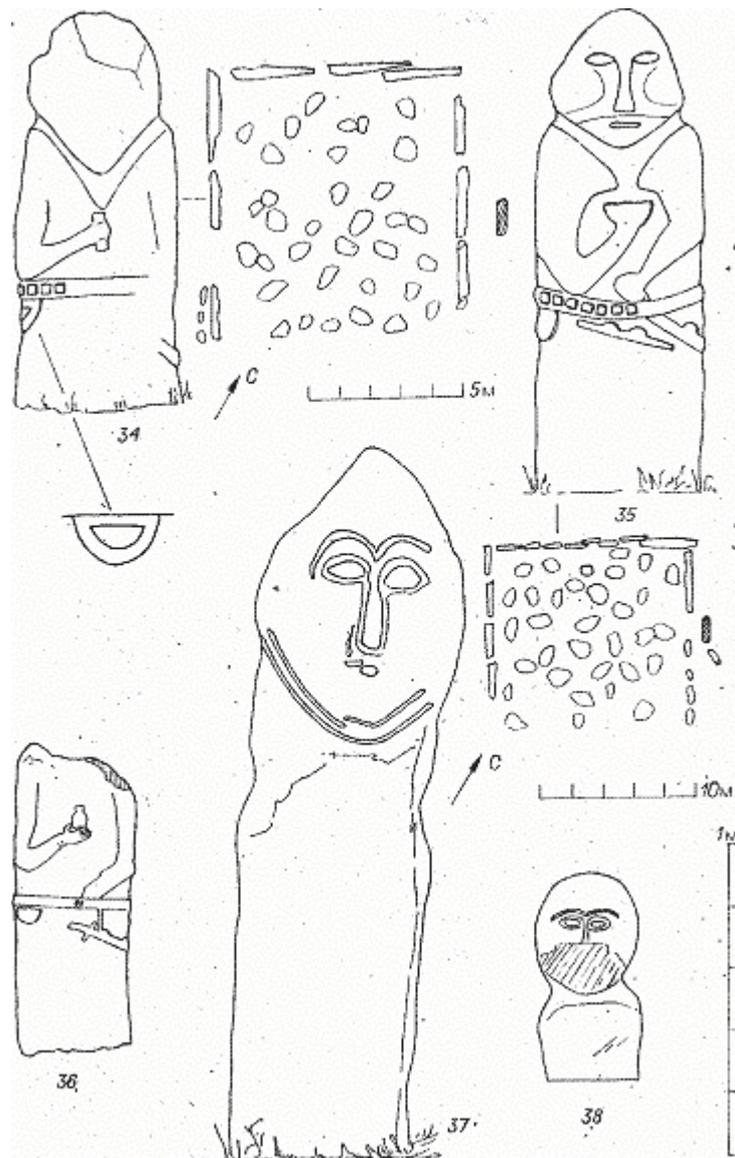

Табл. V. 34, 35 - Шибе, 36, 37 - Ело, 38 - Курота. 43 .

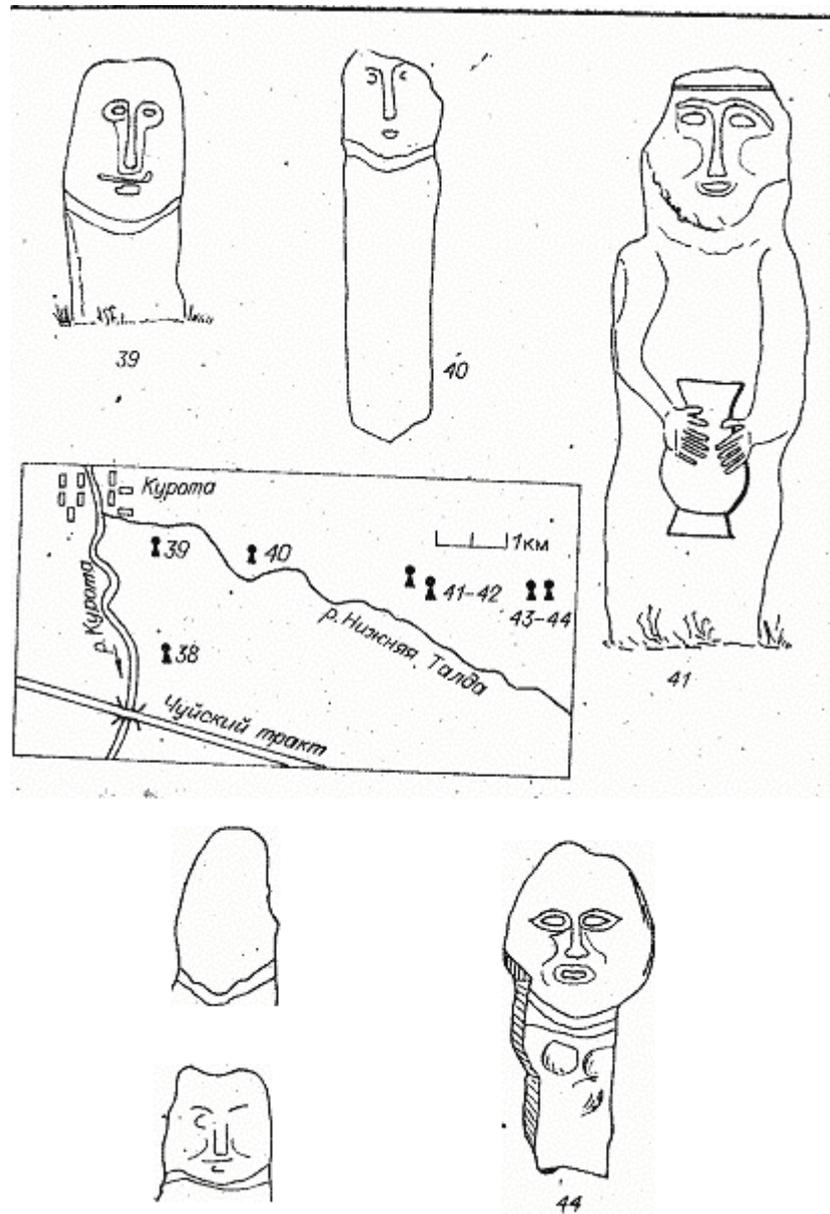

Табл. VI. 39-44 - Нижняя Талда.

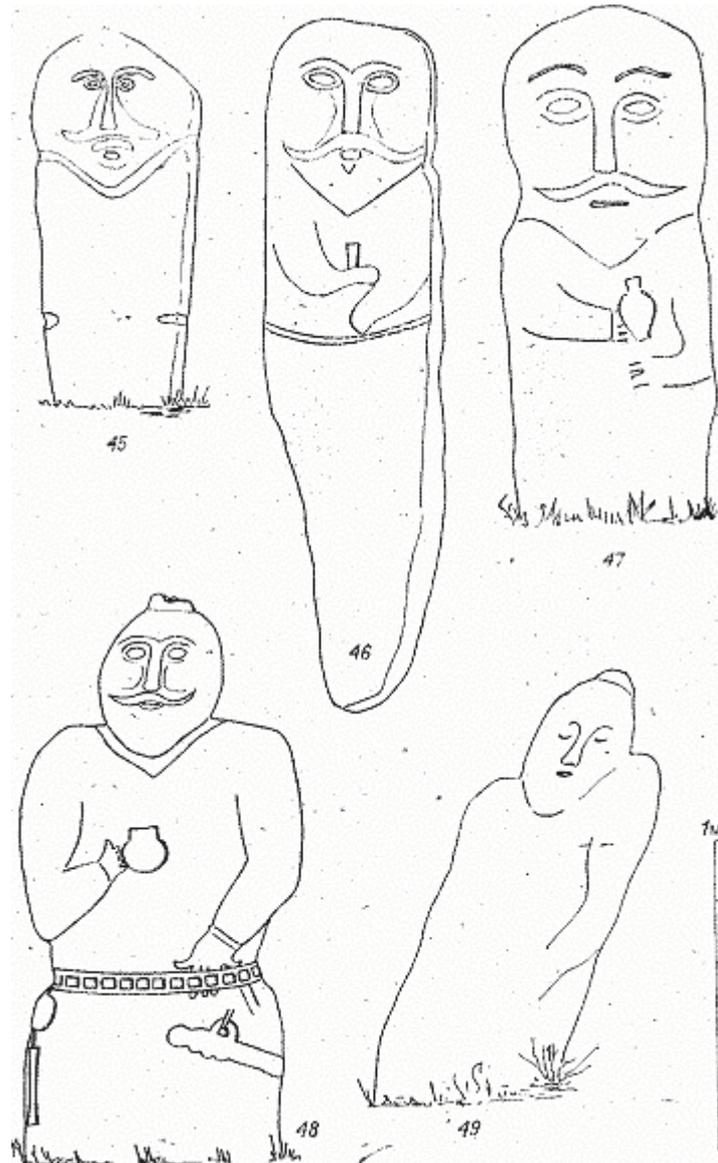

Табл. VII. 45-49 Кулада.

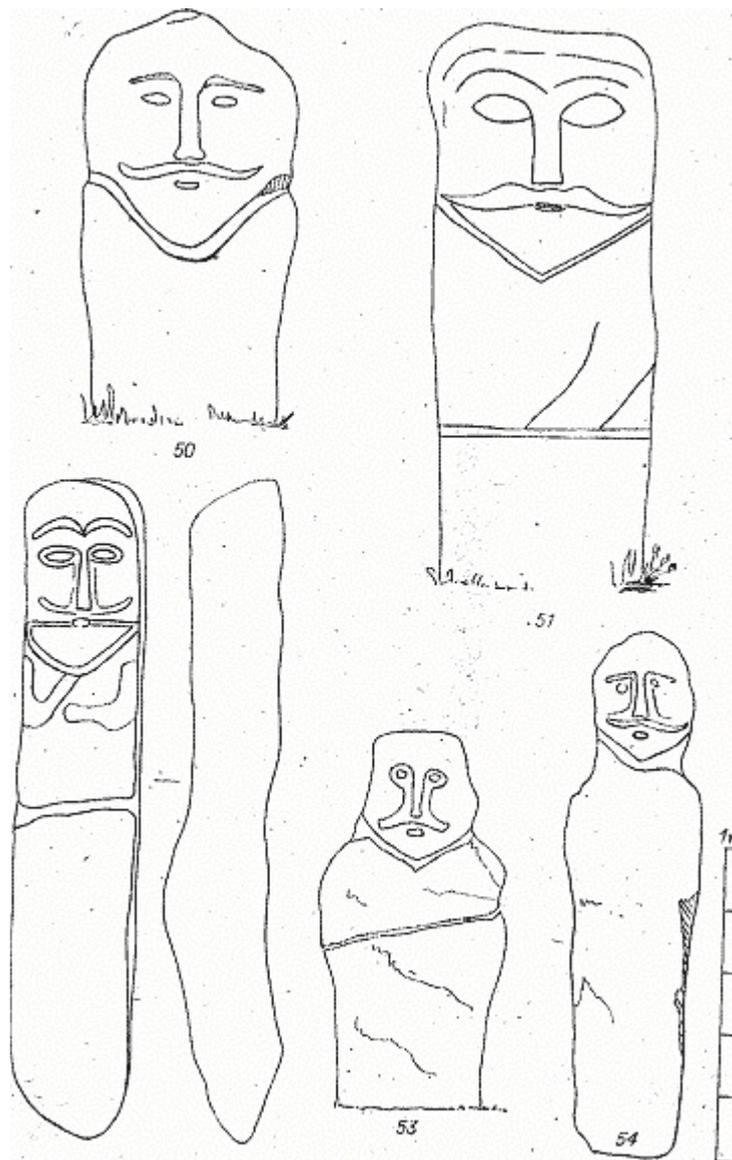

Табл. VIII. 50-54 - Кулада.

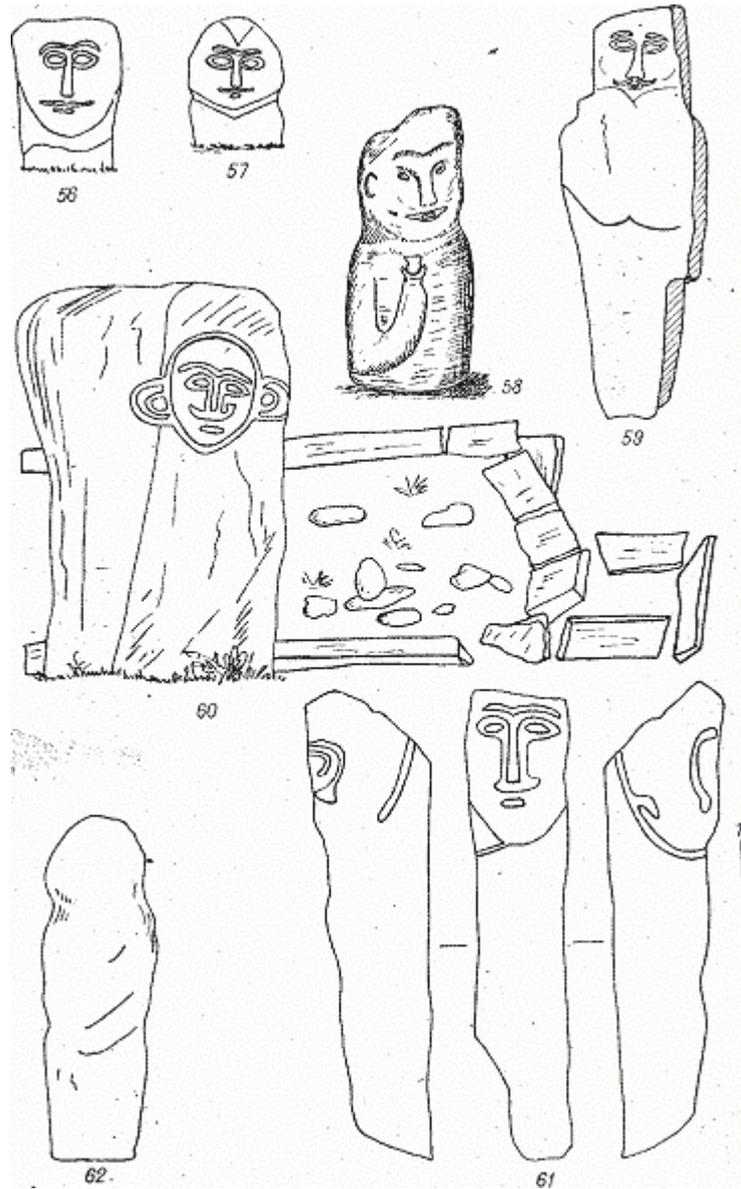

Табл. IX. 56-58 - Онгудай, 59 - Улита, 60, 61 - Айтэны, 62 - Кор-Кечу.

Табл. X. 63 - Айлягуш, 64, 65 - Иня, 66 - Казна, 67 - Ине-гень, 70 - Юхтинер, 71 - Теробеты, 75-75-Кара-Корум.

ОНГУДАЙСКИЙ И УСТЬ-КОКСИНСКИЙ РАЙОНЫ.

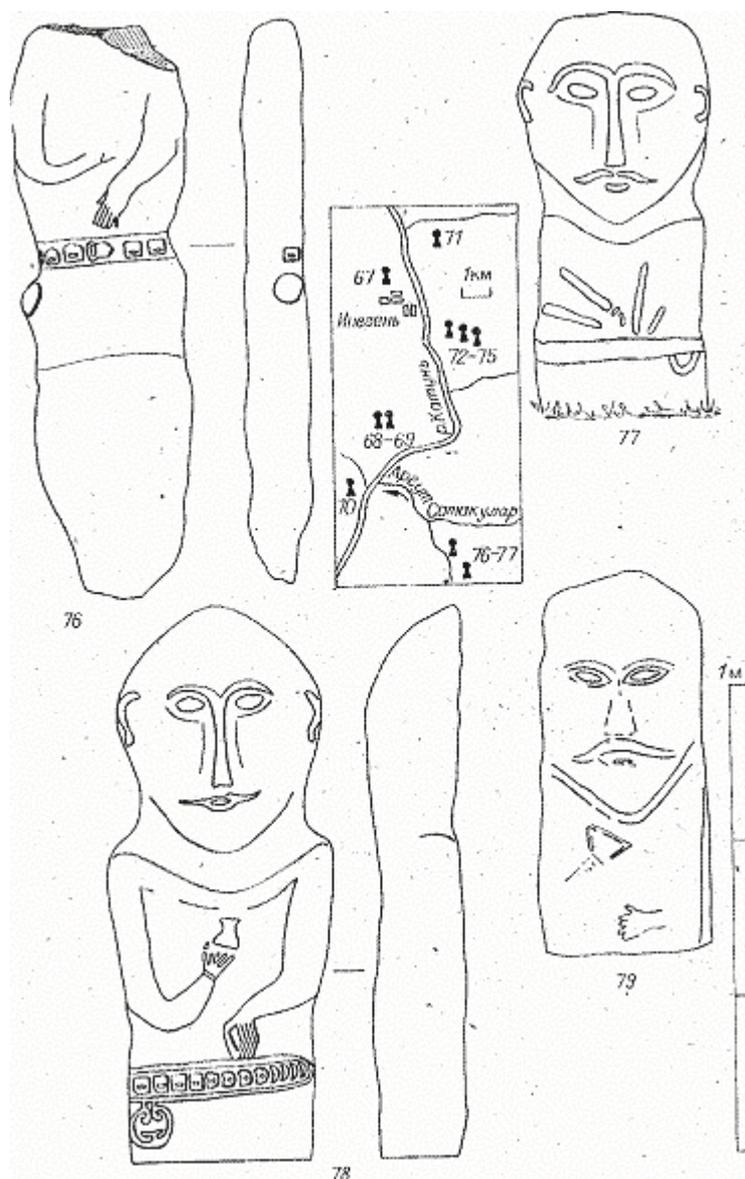

Табл. XI. 76, 77 - Сатакулар, 78 - Ачик, 79 - Уймонский край.

УСТЬ-КОКСИНСКИЙ РАЙОН.

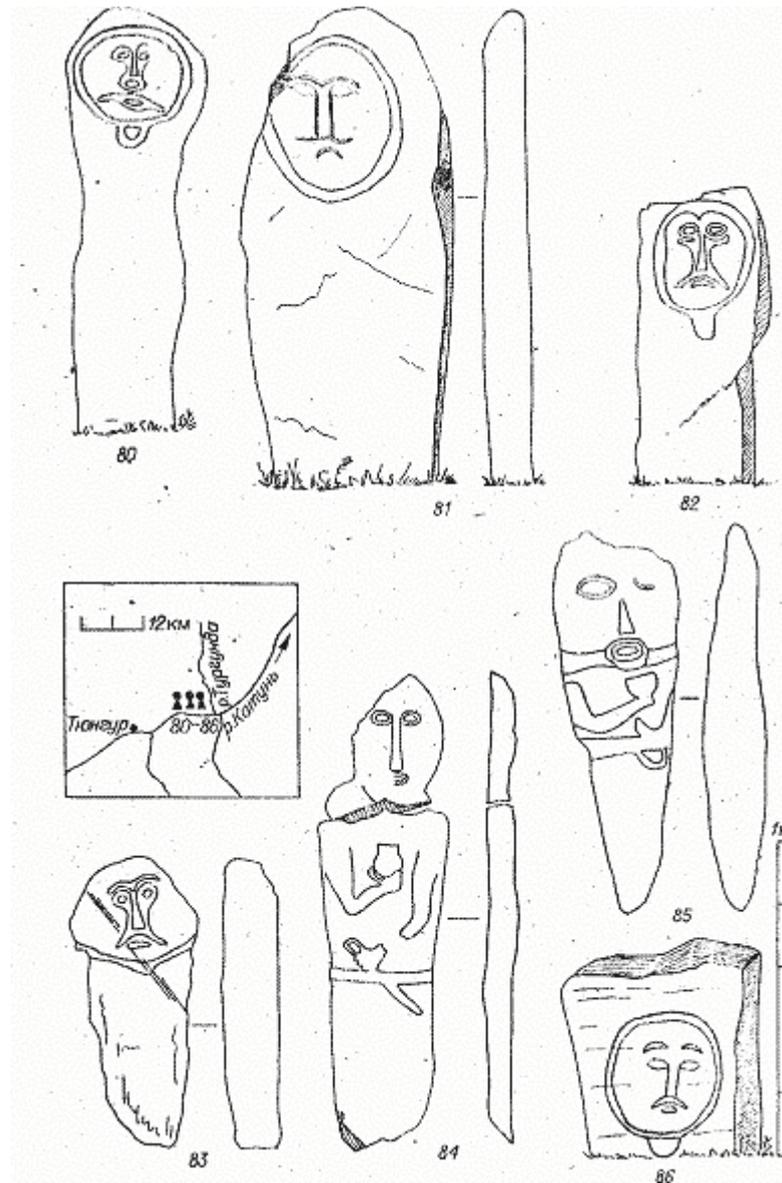

Табл. XII. 80-86 - Тургунда.

УЛАГАНСКИЙ РАЙОН.

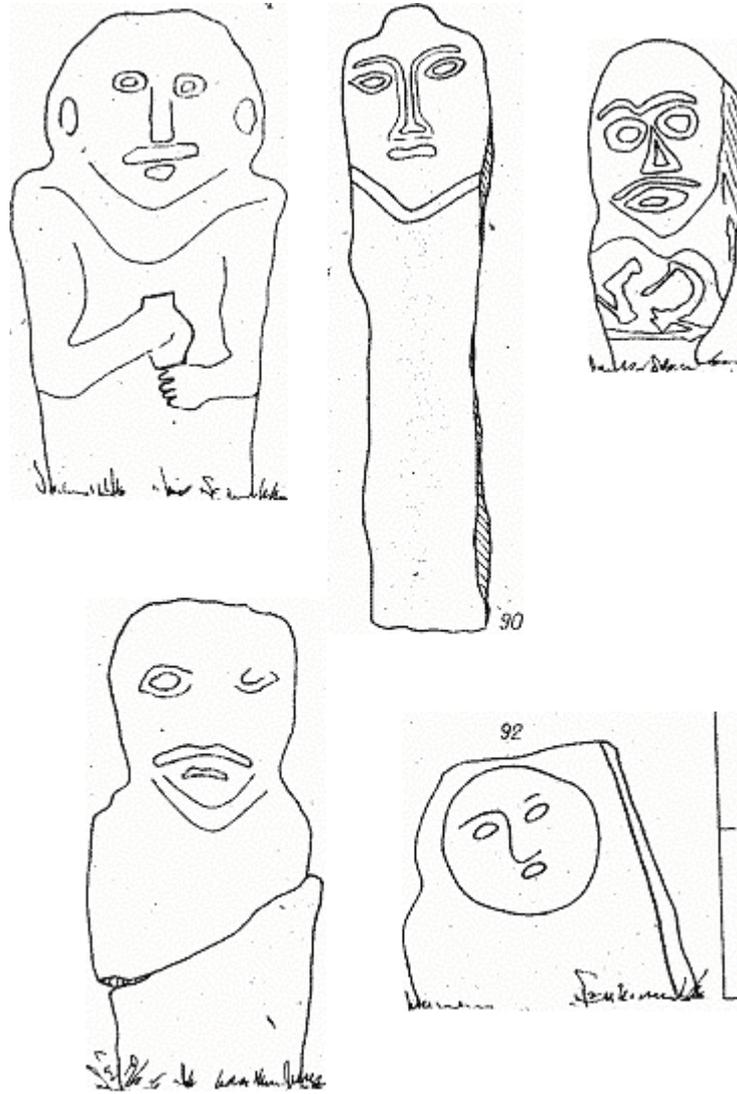

Табл. XIII. 87 - Беле, 88 - Кожо-Таш, 89 - Тиланду, 90, 91-Балыктыюль, 92 - Малая Балыкча.

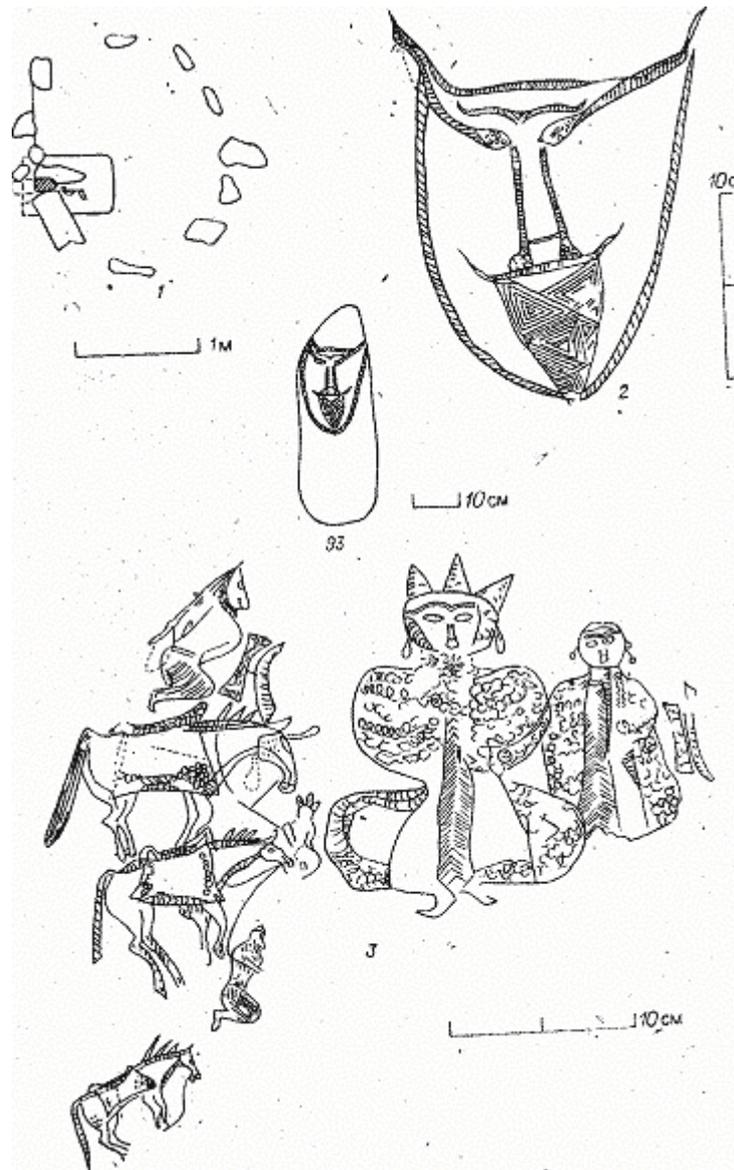

Табл. XIV. 93 - Кудыргэ: 1 - план погребения в могиле № 16, 2 - личина изваяния (деталь), 3 - сцена "коленипреклонения", выполненная на гранях валуна-изваяния.

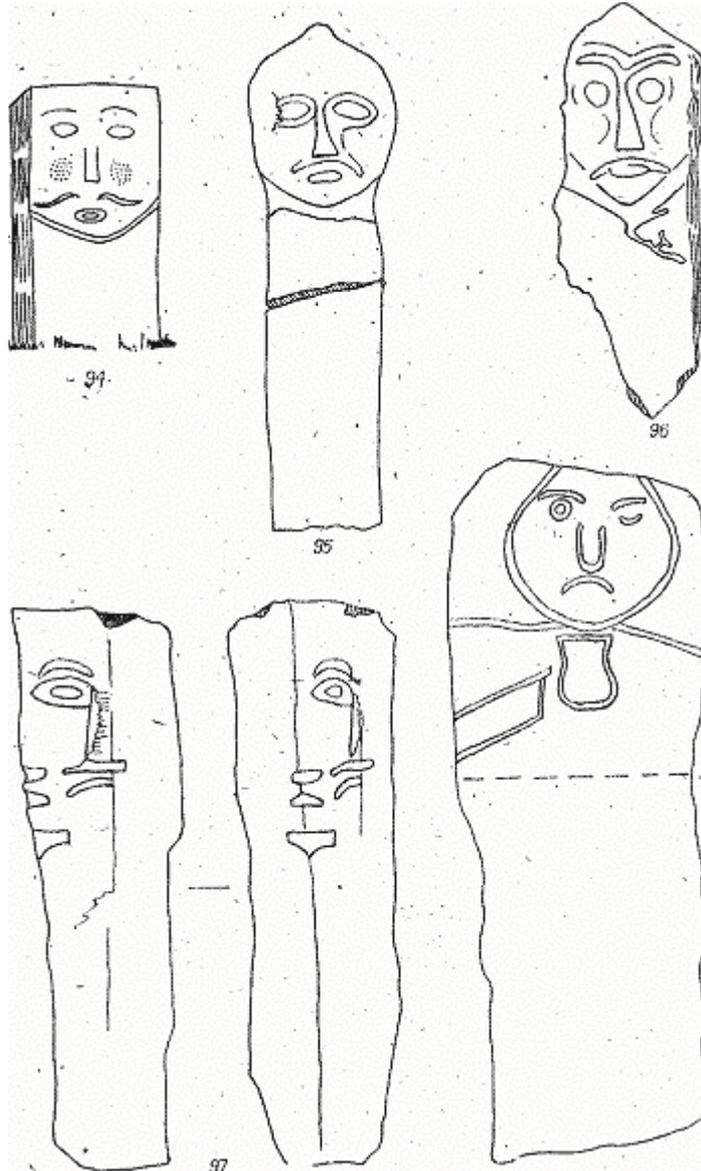
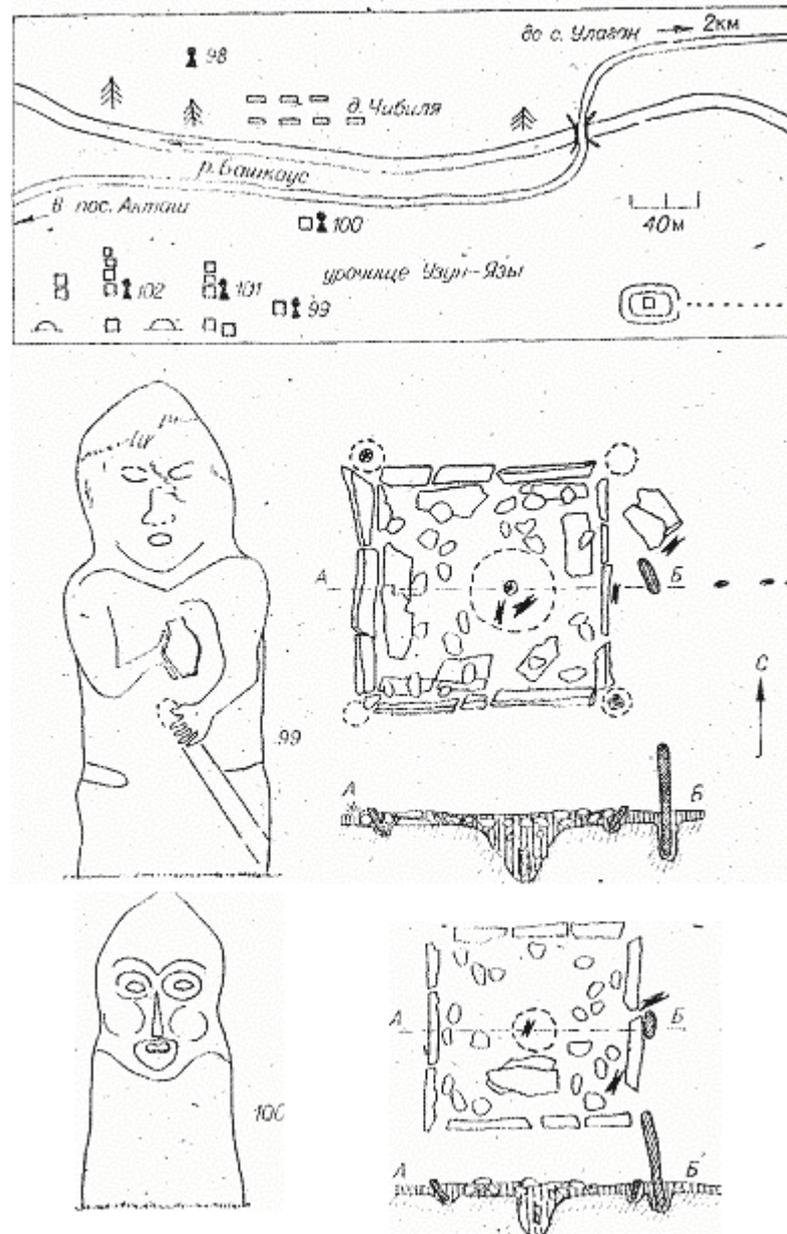

Табл. XV. 94 - Ян-Улаган, 95-97 - Кызыл-Мааны, 98 - Турала.

абл. XVI. 99, 100 - Узун-Язы: 1 - план и разрез оградки с изваянием 99, 2 - план и разрез оградки с изваянием 100.

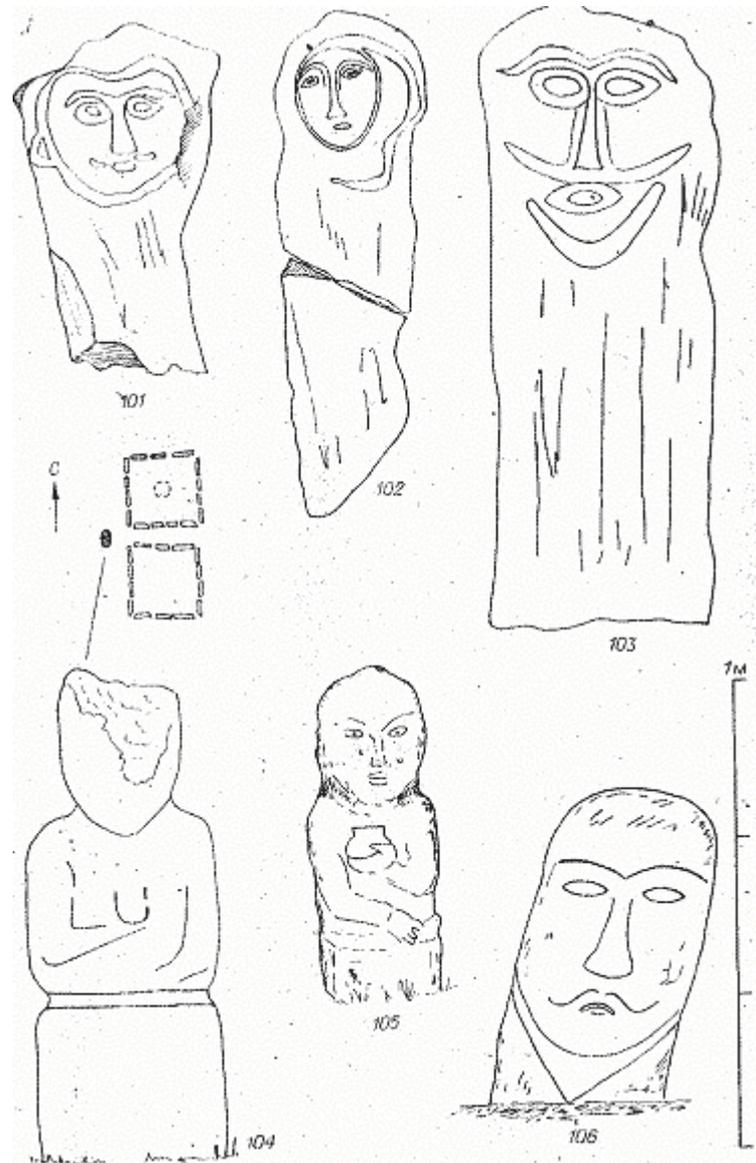

Табл. XVII. 101, 102 - Узун-Язы, 103- Сап-Сары, 104 - Чибиль, 205 - Башкаус или Улаган, 106 - Улаган.

КОШ-АГАЧСКИЙ РАЙОН (ТАБЛ. XVIII-L).

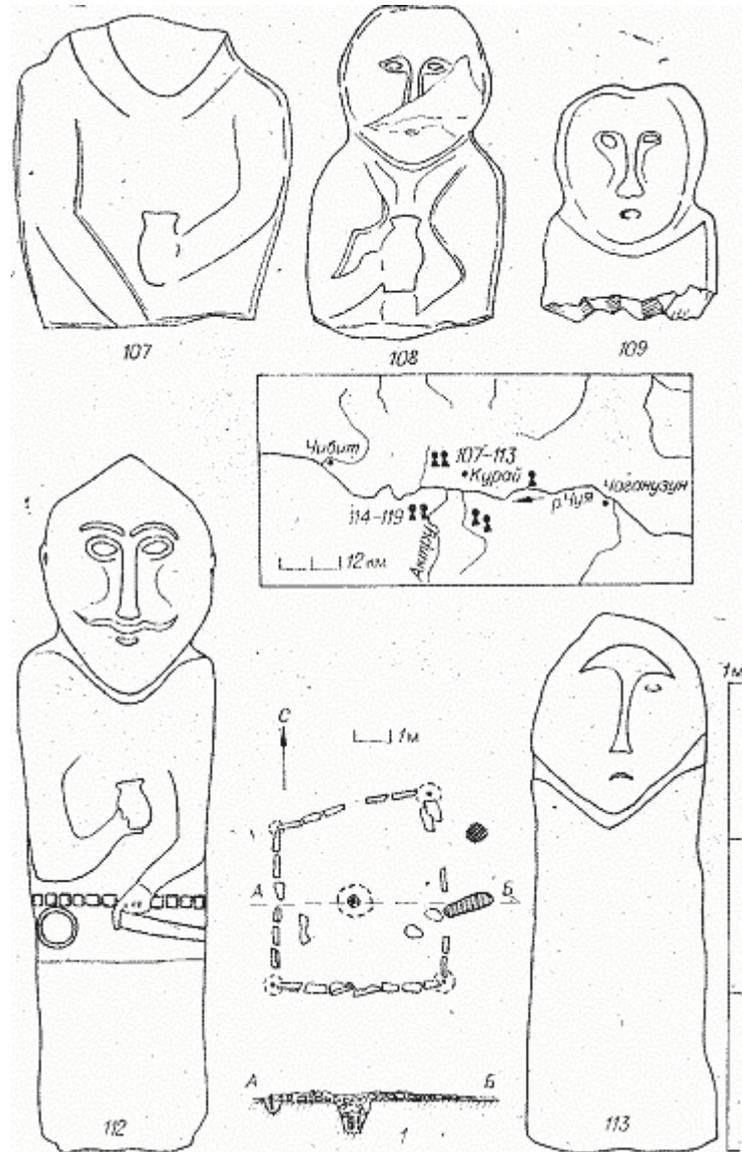

Табл. XVIII. 107-109, 112, 113 - Тадила: 1 - план и разрез оградки у изваяния 113.

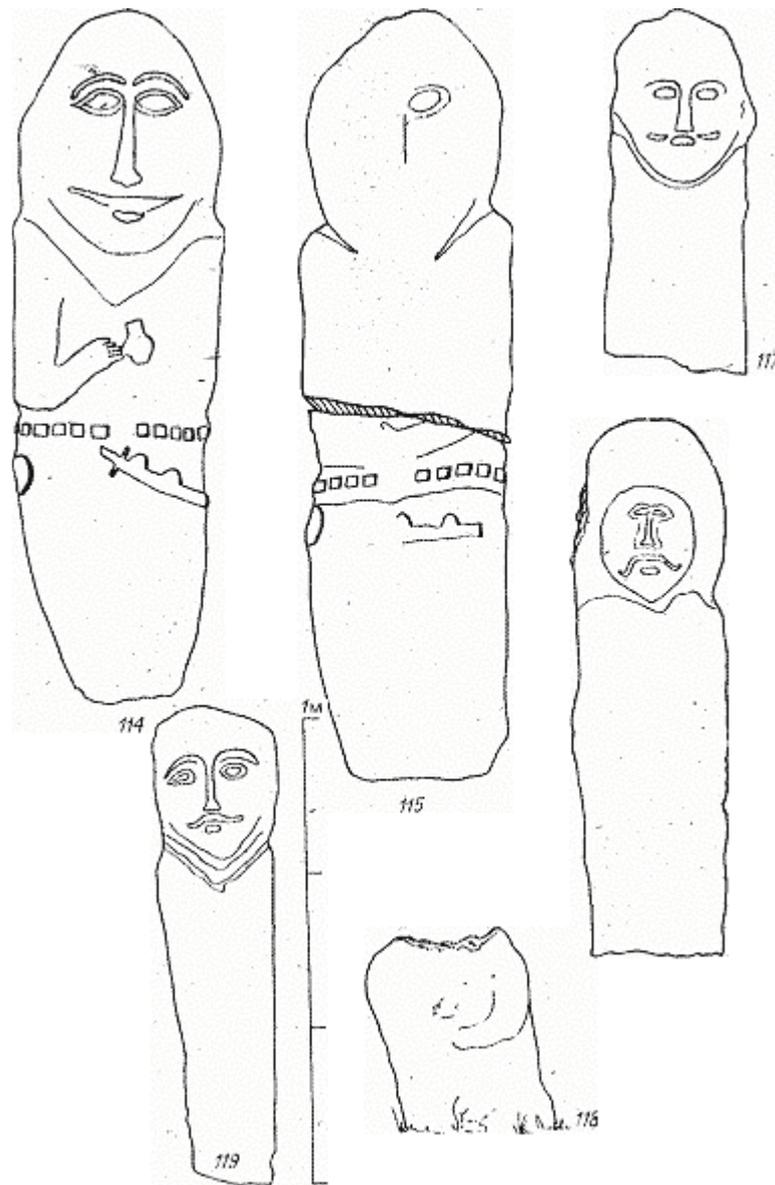

Табл. XIX. 114 - 119 - Актру.

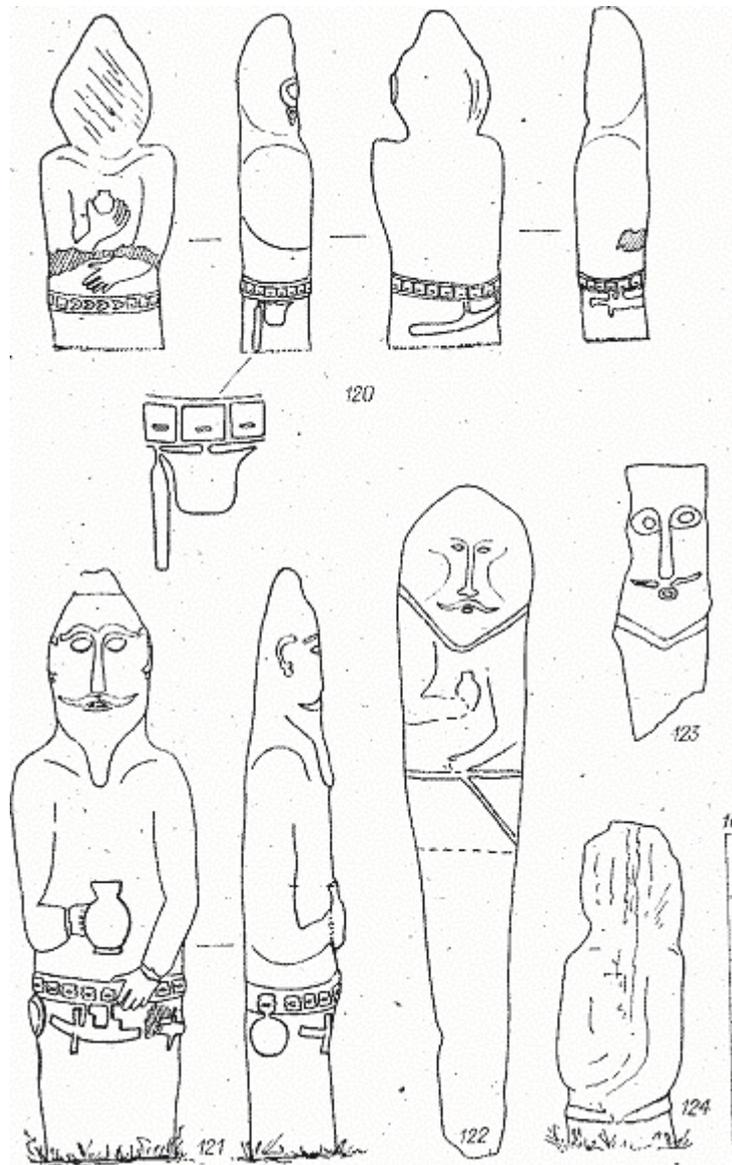

Табл. XX. 120, 121 - Тото, 122 - Курайская степь, 123 - Джанысколь, 124 - Тьдтугем.

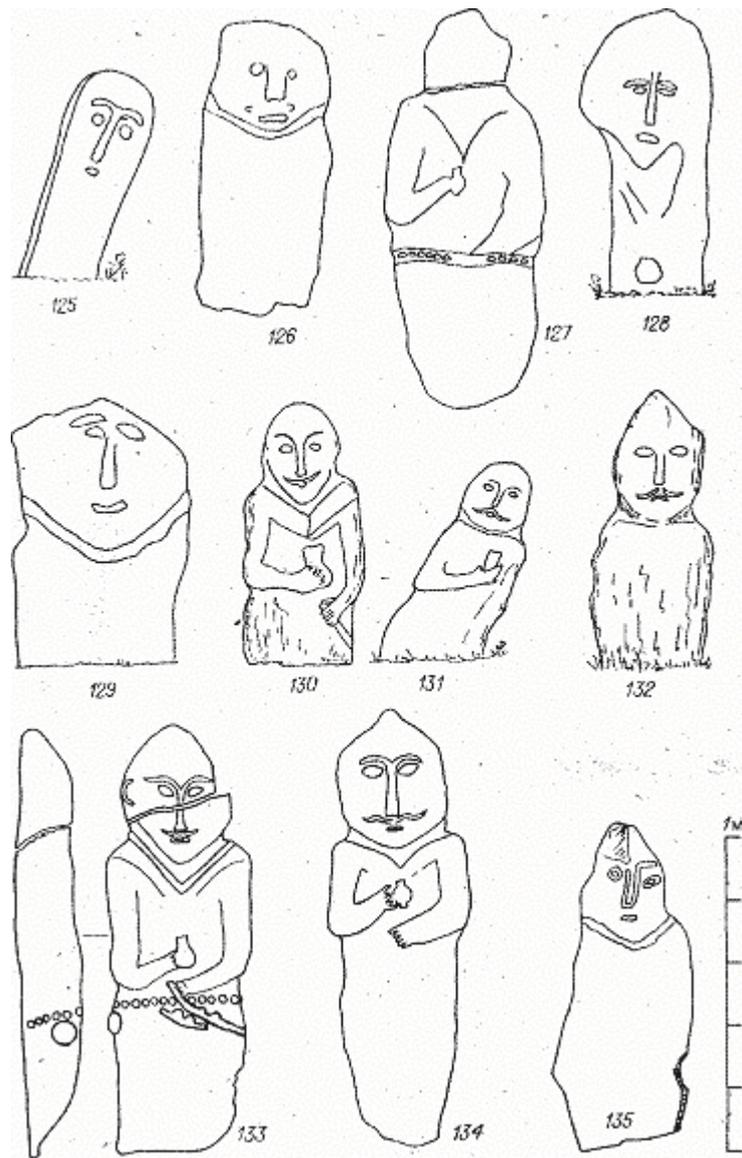

Табл. XXI. 125 - Туярык, 126, 130-132 - Чаганузун, 127 Юлячи, 128, 129 - Сагалак,
133-135 - Тая.

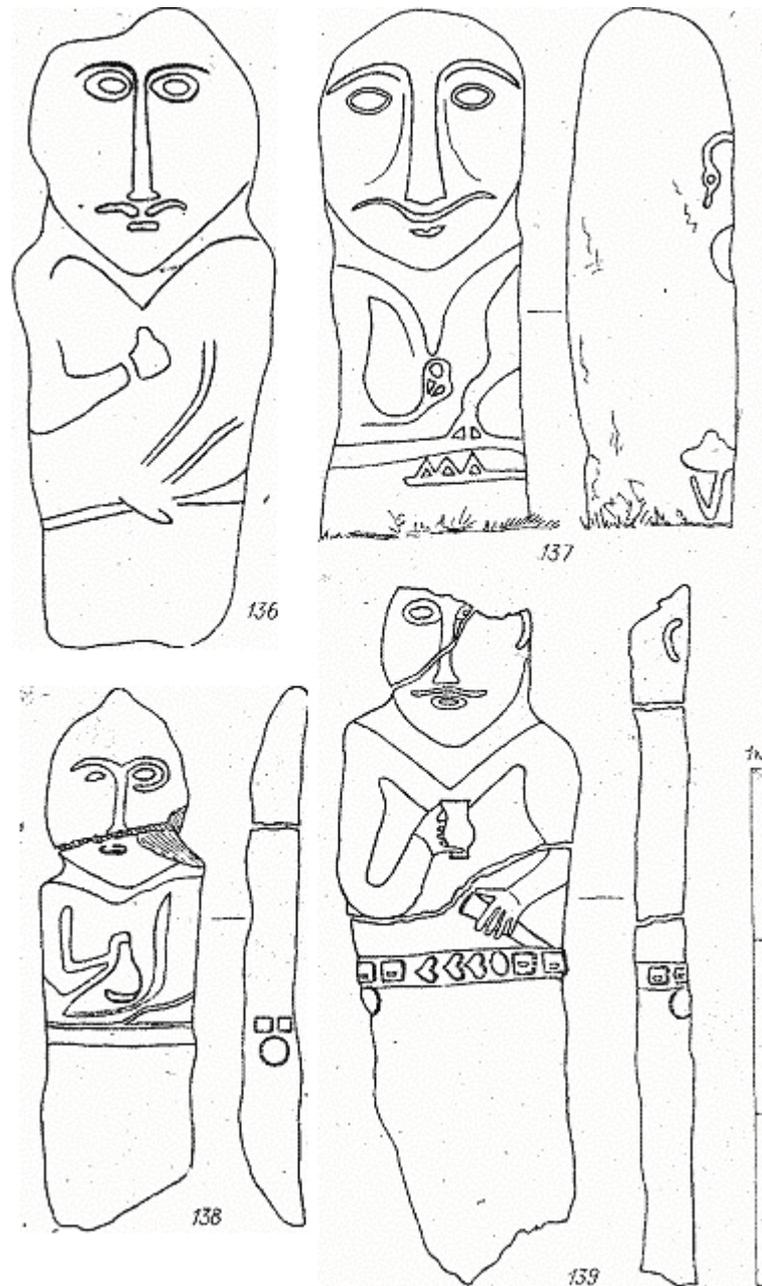

Табл. XXII. 136-139 - Кожон-Чол.

Табл. XXIII. 140, 141 - Кожон-Чол, 142 - Соокту-Кообы, 143, 144 - Торгод.

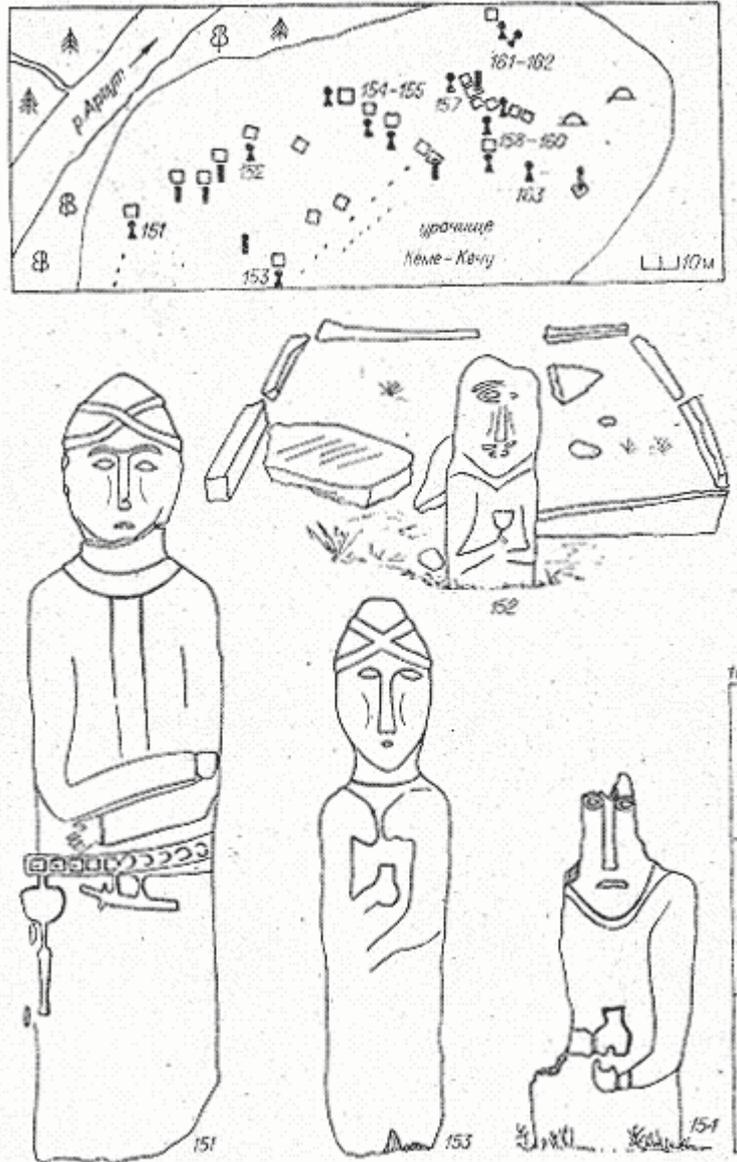

Табл. XXV. 151 -154 - Кеме-Кечу.

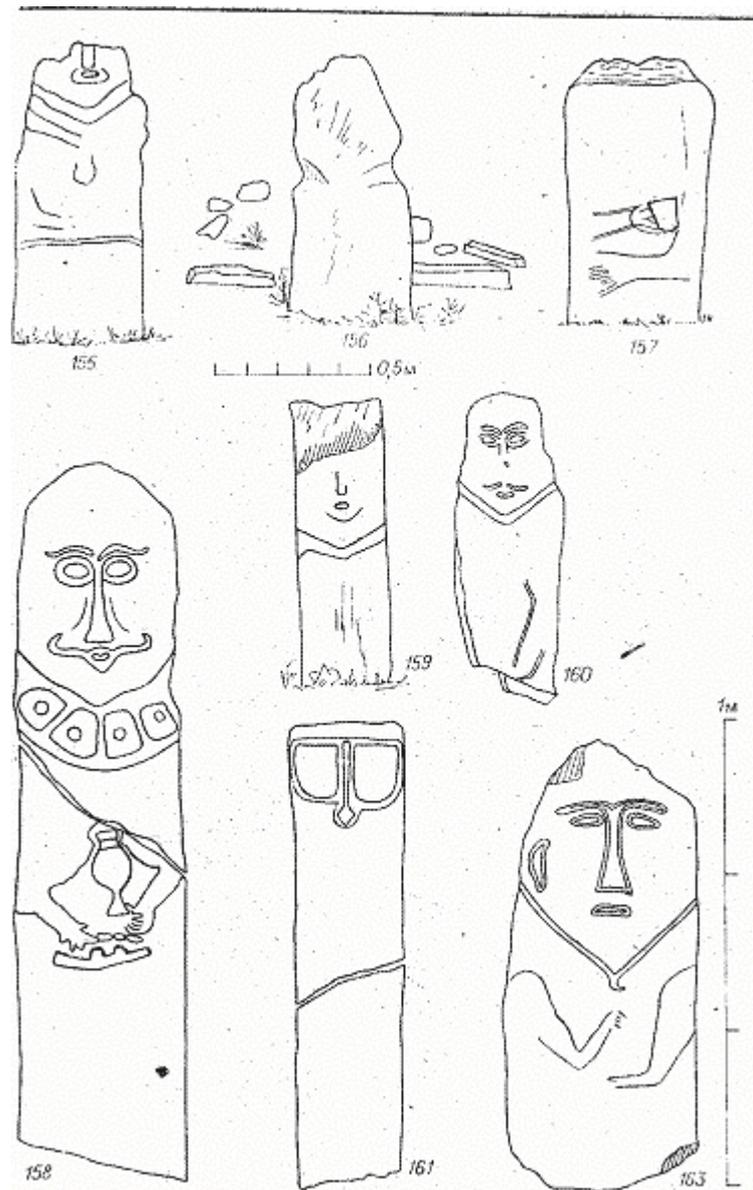

Табл. XXVI. 155-161, 163 - Каме-Кечу.

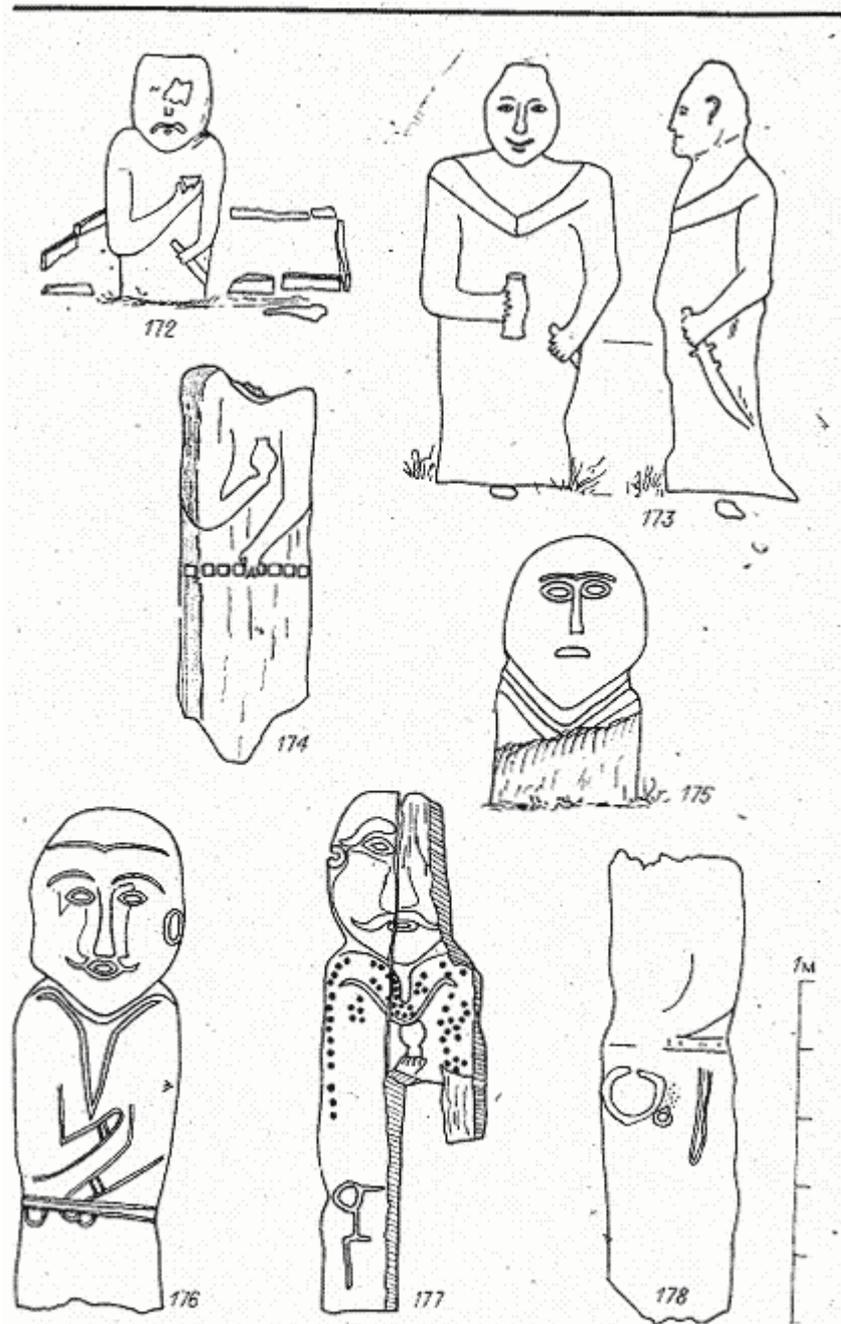

Табл. XXVIII. 172, 173 - Аргут, 174, 175 - Сал-Кечу, 176-178 - Самаха.

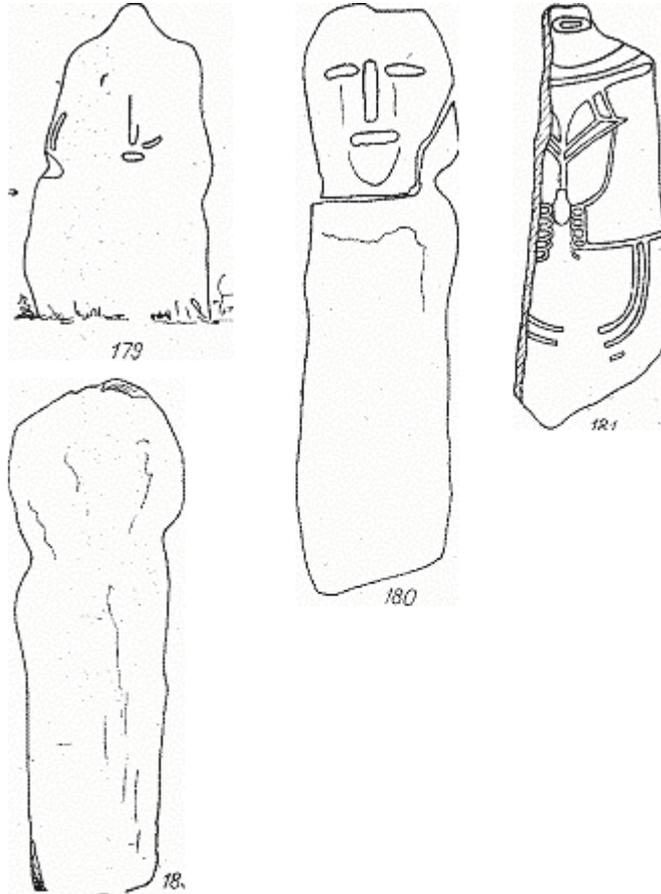

Табл. XXIX. 179-184-Макажкан

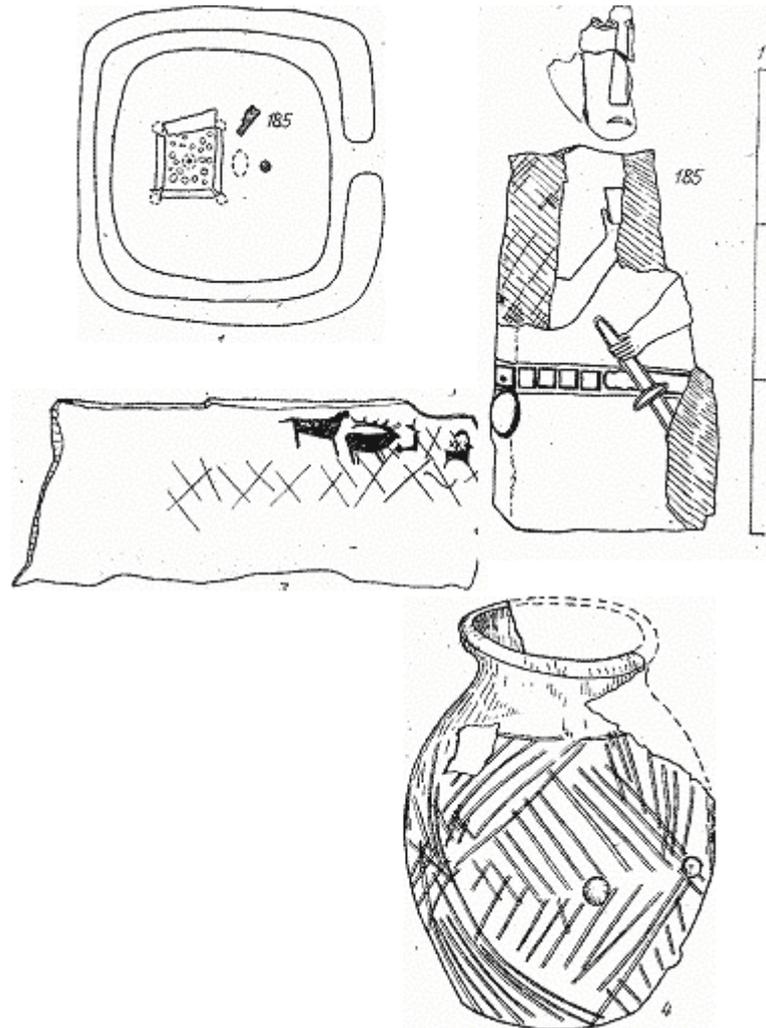

Табл. XXX. 185 -Макажан: 1-план оградки с изваянием 185, 2 - тамгообразные рисунки на плитах оградки, 3 - одна из плит оградки, покрытая рисунками, 4 - керамический сосуд.

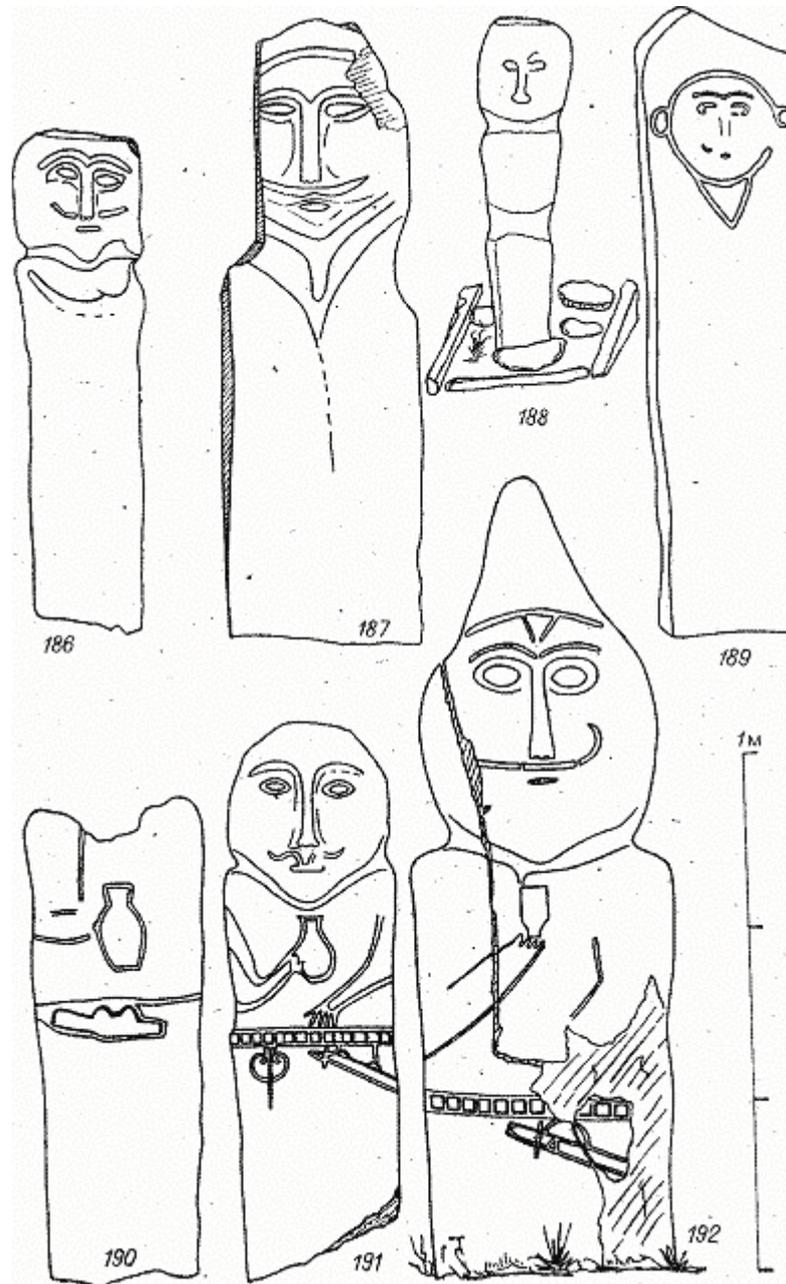

Табл. XXXI. 186-192 - Макажан.

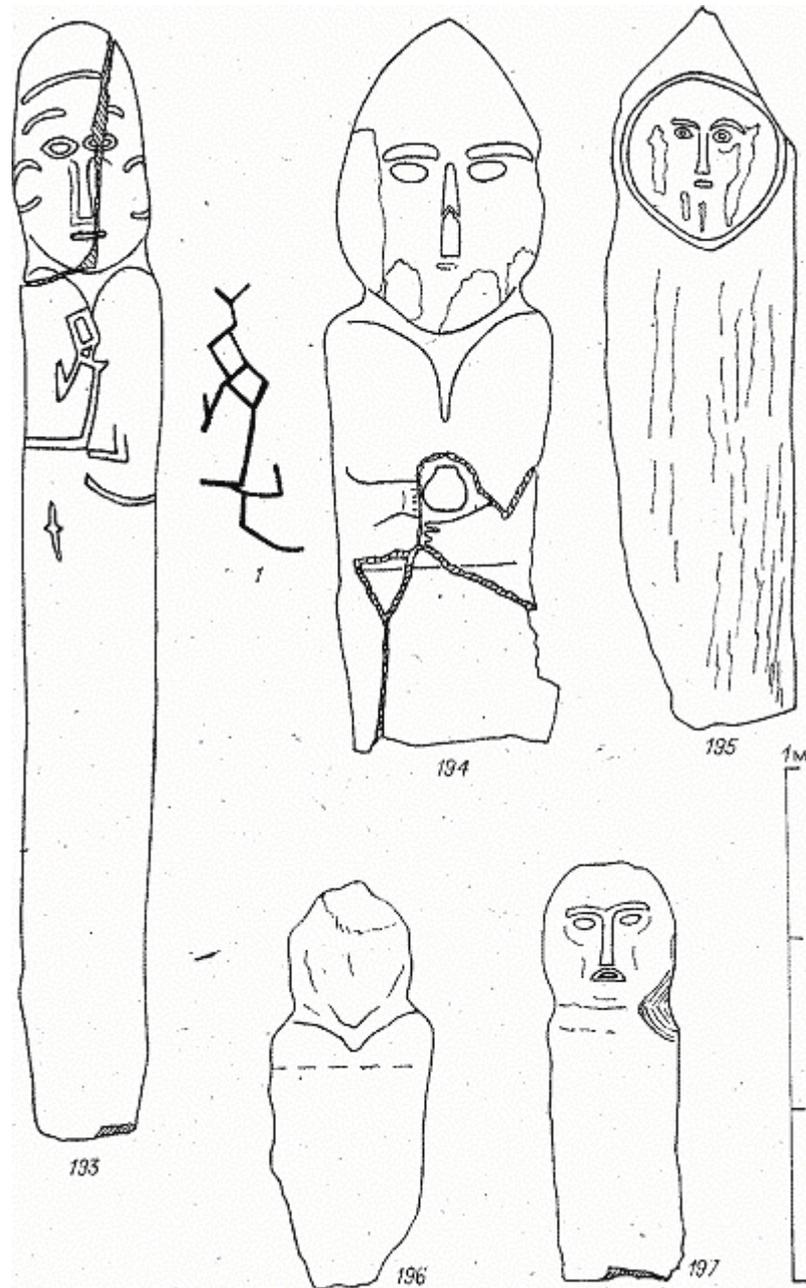

Табл. XXXII. 193-195 - Боголок, 196 - 197 - Джазатер: 1 -рисунок топографа П. В. Казнова (1916 г.) с изваянием 193.

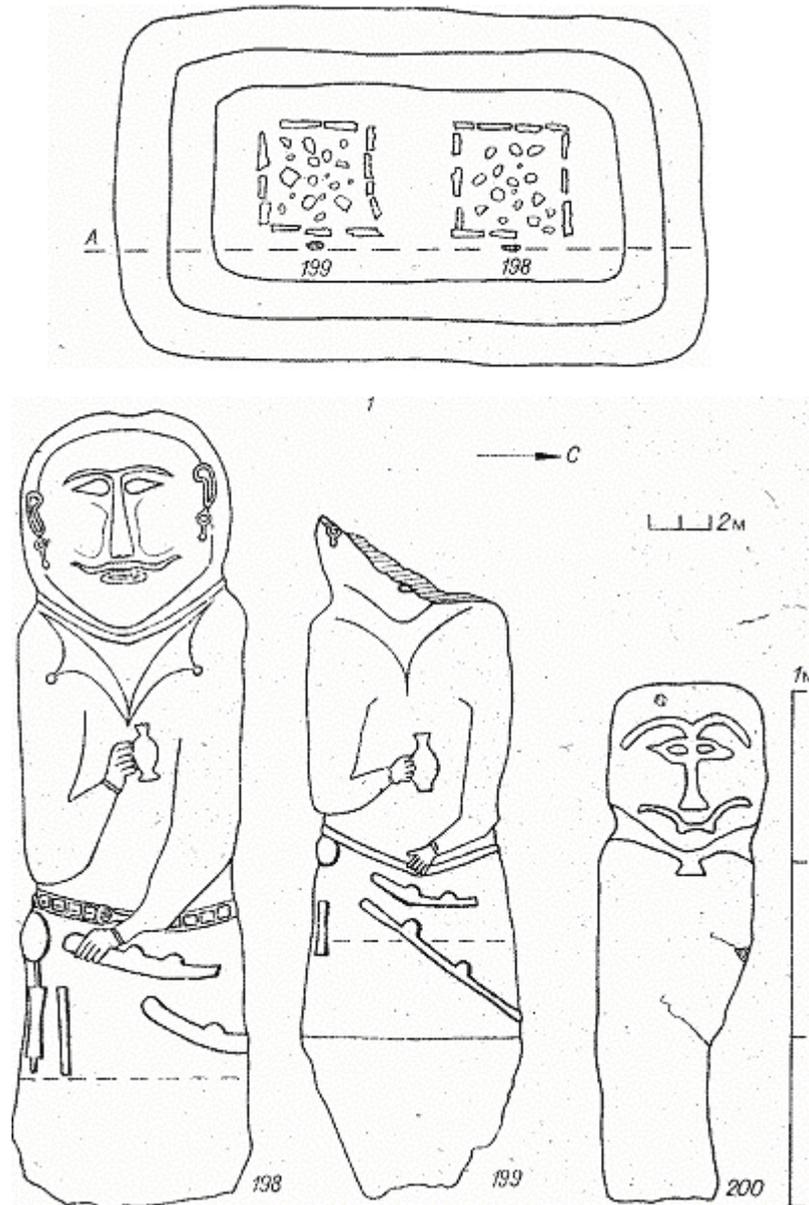

Табл. XXXIII. 198-200 - Кыпчыл: 2 - план и разрез оградок с изваяниями 198, 199.

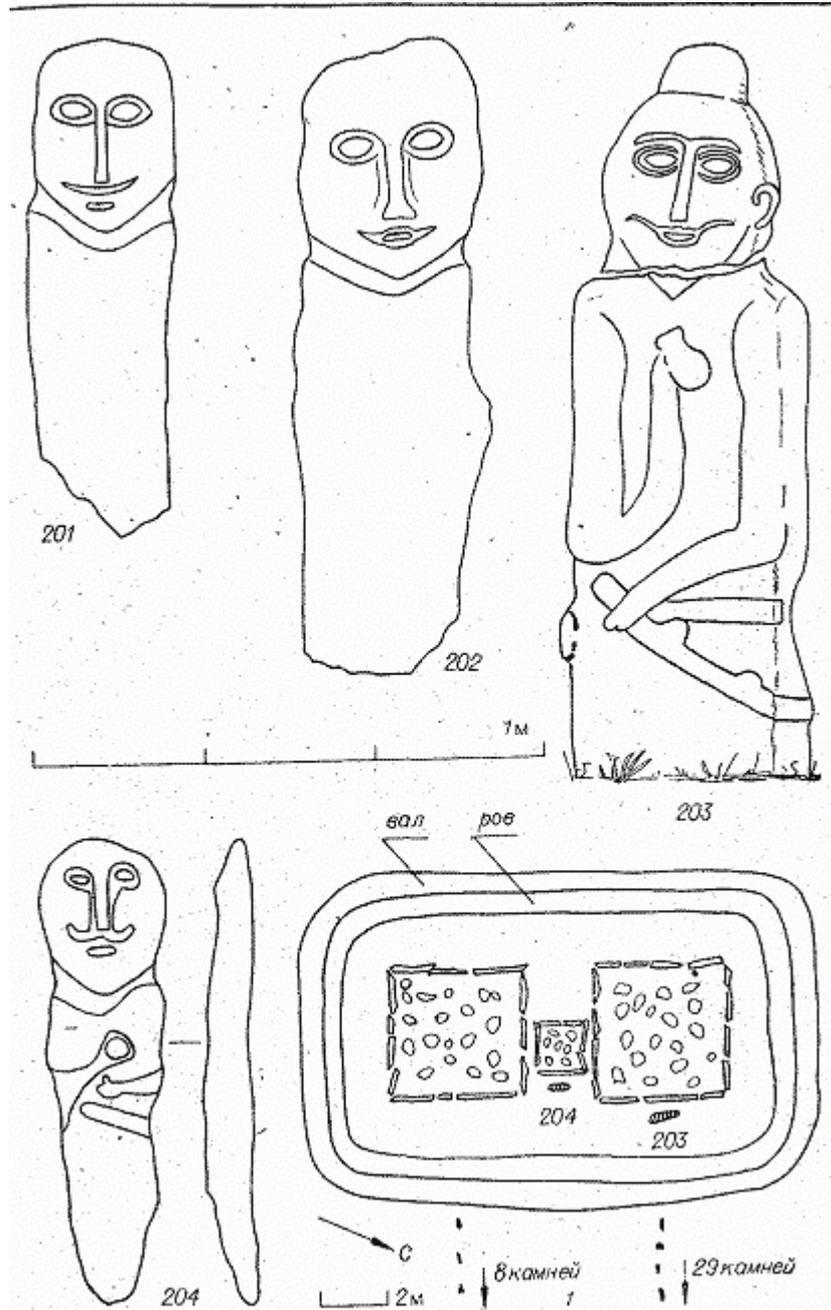

Табл. XXXIV. 201-204 - Кыпчыл: 1 - план оградок с изваяниями 203 и 204.

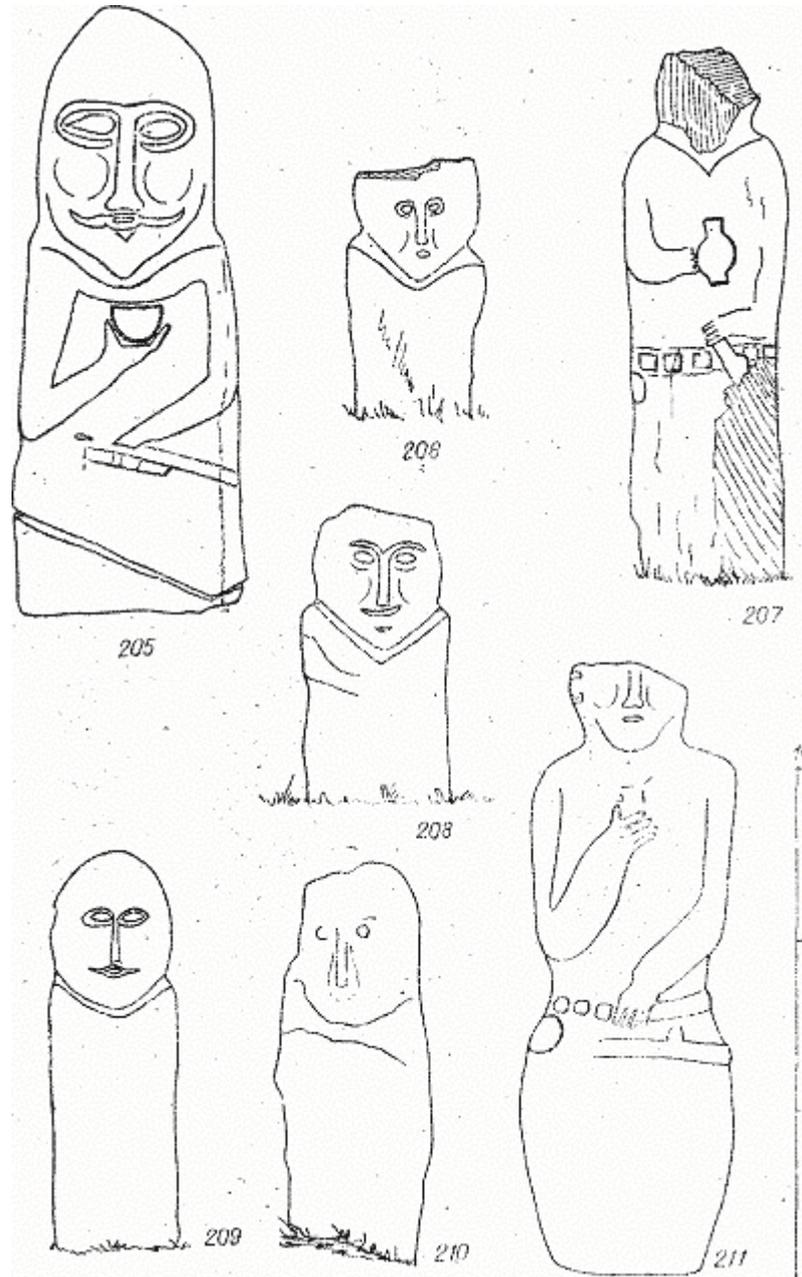

Табл. XXXV. 205 - Мухор-Тархата, 206-210 - Чаганбургазы, 211 - Терс-Акан

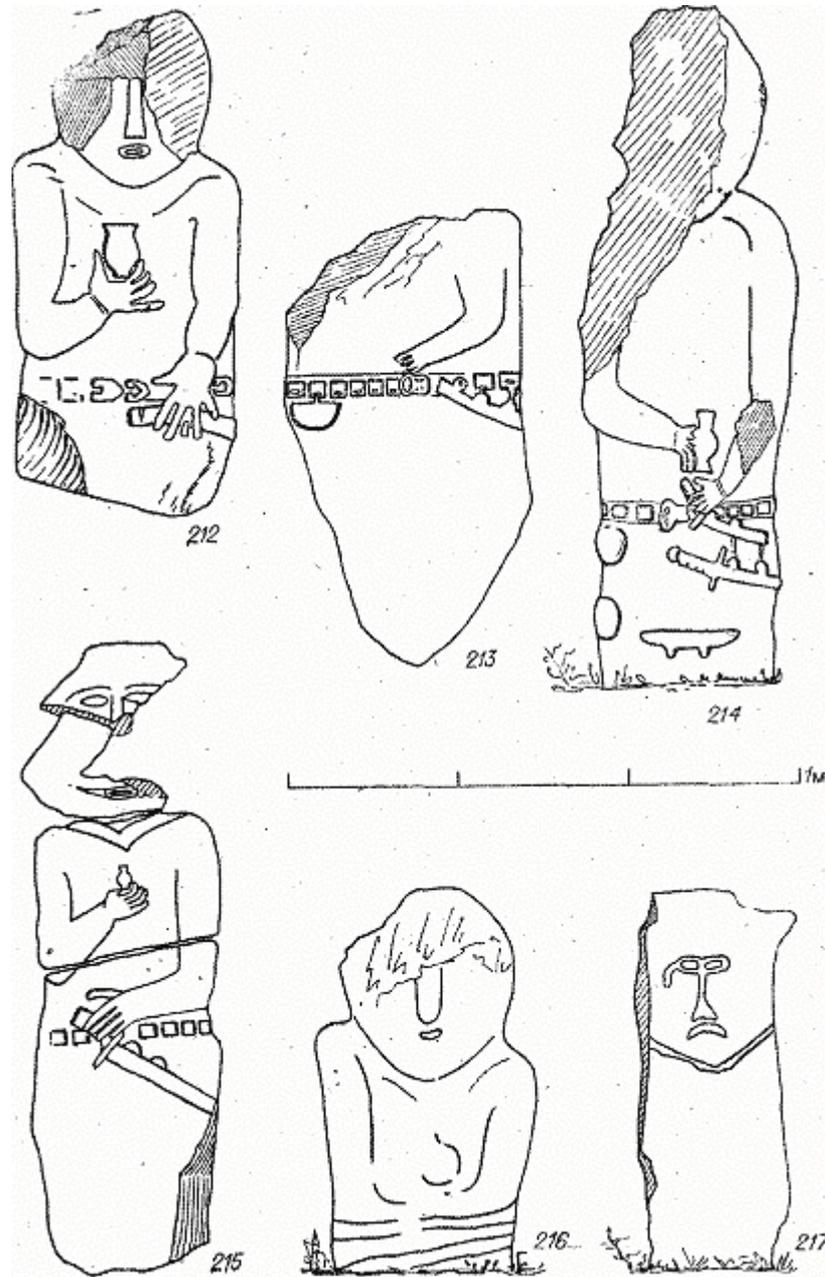

Табл. XXXVI. 212, 213 - Кокоря, 214 - Ак-Товурак, 215-217 - Каман-Тон.

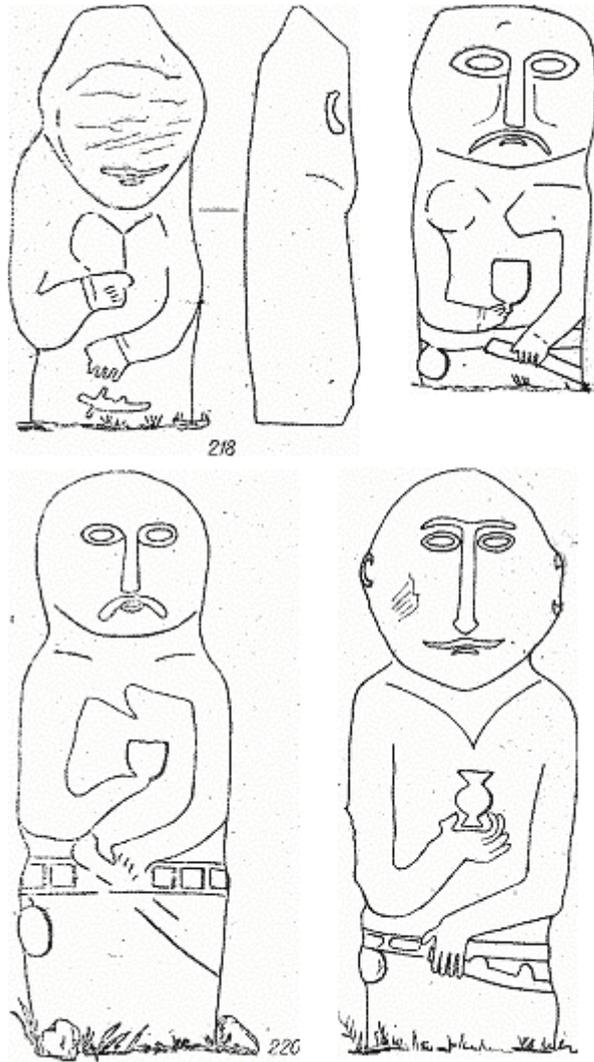
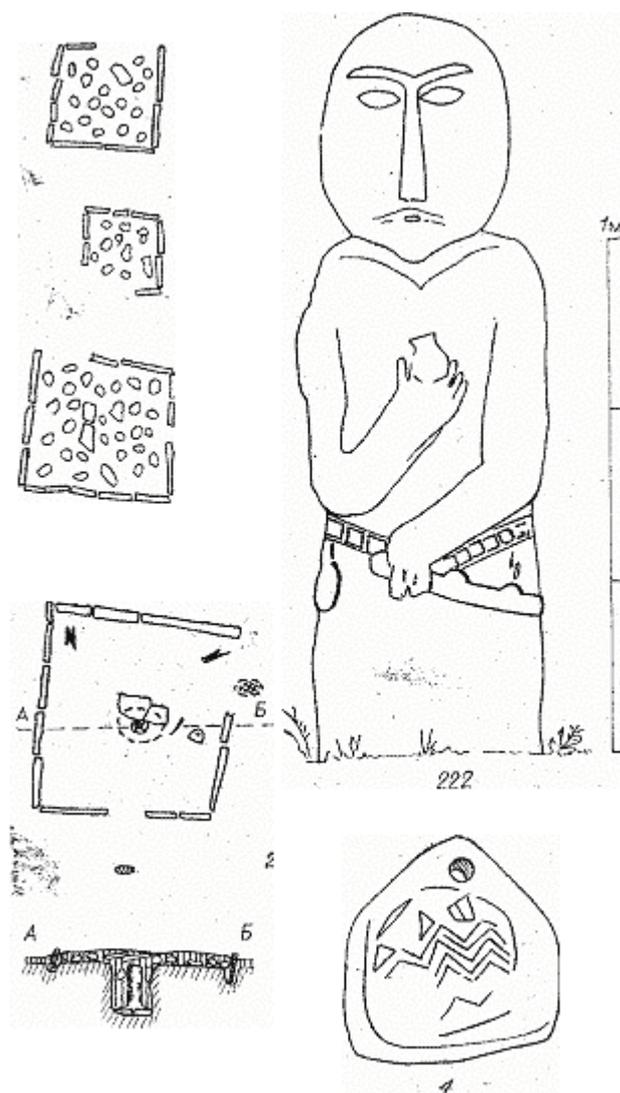

Табл. XXXVII. 218-220 - Кара-Дюргун, 221 -Араун-Тебе.

абл. XXXVIII. 222- Дьер-Тебе: 1 - план древнетюркского комплекса на Дьер-Тебе, 2 - план и разрез оградки с изваянием 222, 3- железный нож, 4 - каменная подвеска-амулет из оградки с изваянием 222.

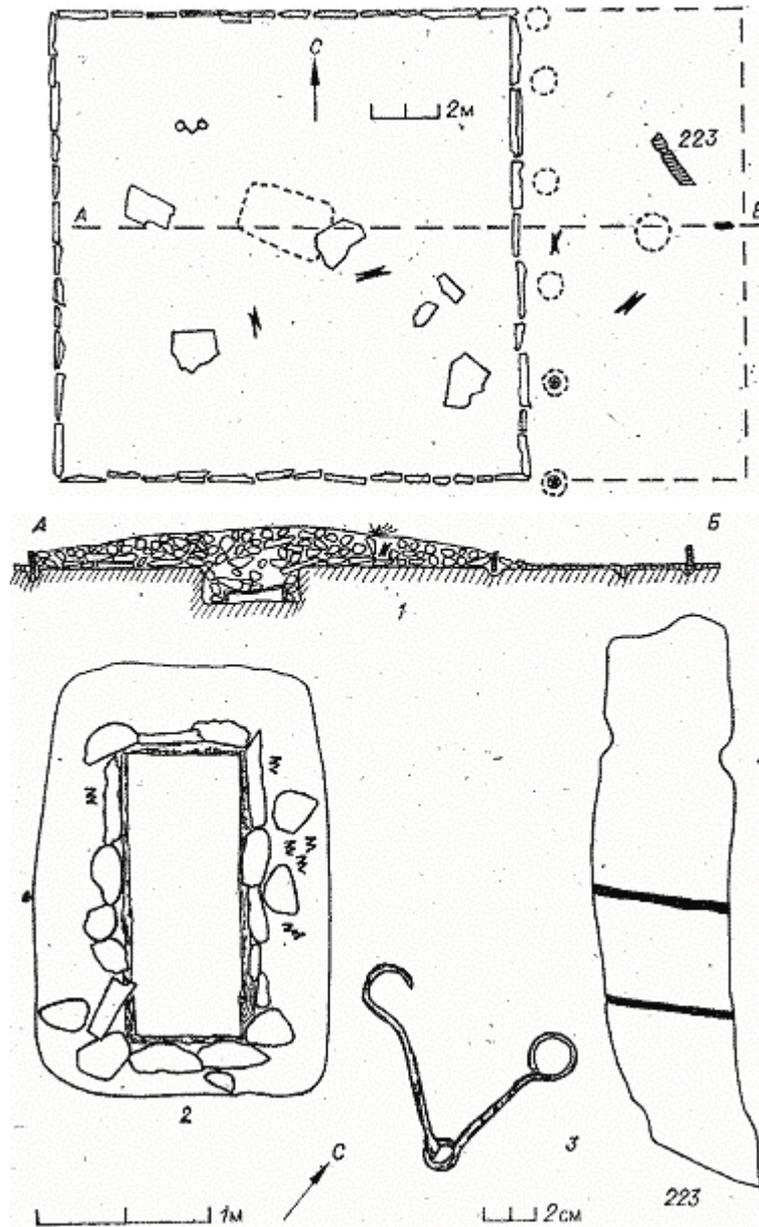

Табл. XXXIX. 223 - Ян-Гобо: 1 - план п разрез ограды у изваяния 223, 2 - план ямы и деревянного сруба, 3 - миниатюрные железные удила.

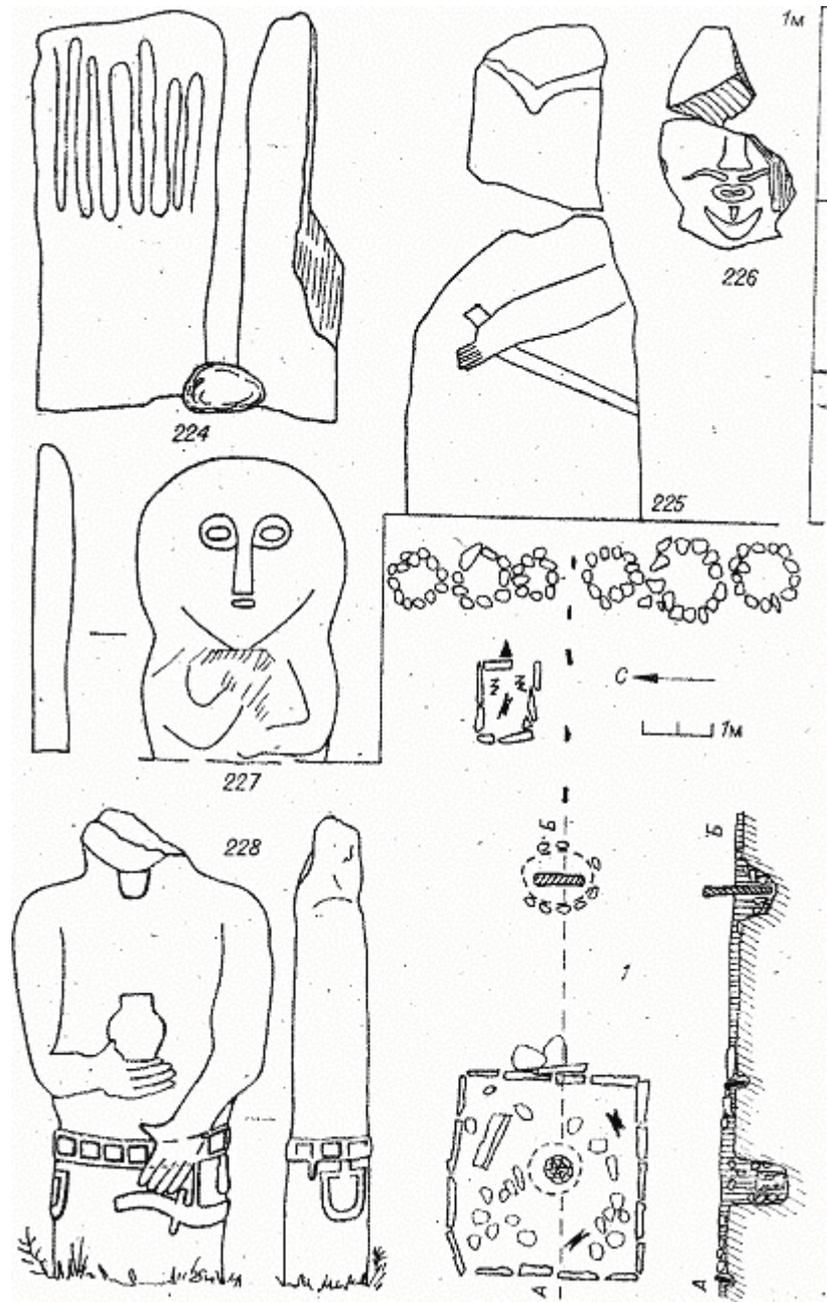

Табл. XL. 224 - Узунтал, 225-228 - Согонолу: 1 - план и разрез оградки у изваяния 228.

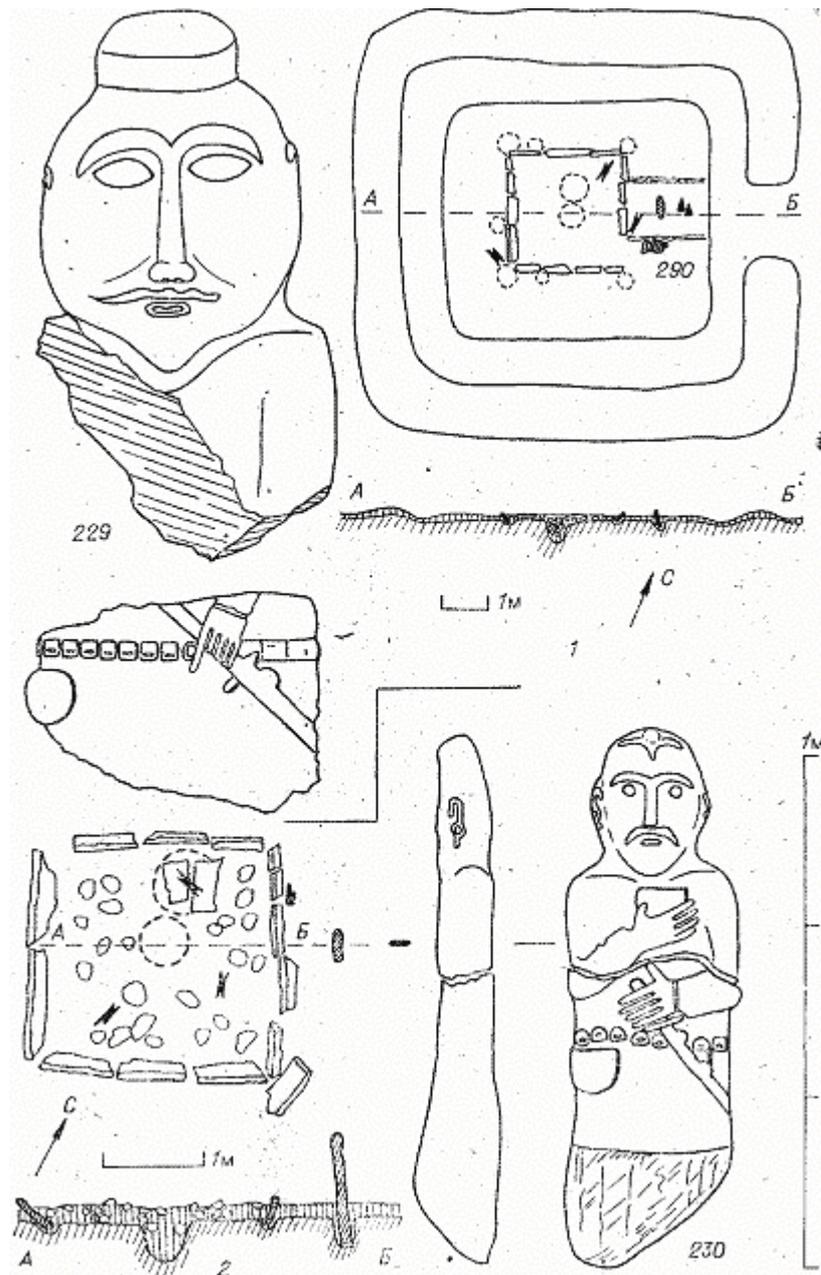

Табл. XLI. 229, 230 - Малталу: 1 - план и разрез оградки у изваяния 229, 2 - план и разрез оградки у изваяния 230.

Табл. XLII. 231 - Малталу, 232 - Текелю, 233 - Туру-Алты, 234 - Ак-Кообы: 1 - план оградки у изваяния .233, 2 - план оградки у изваяния

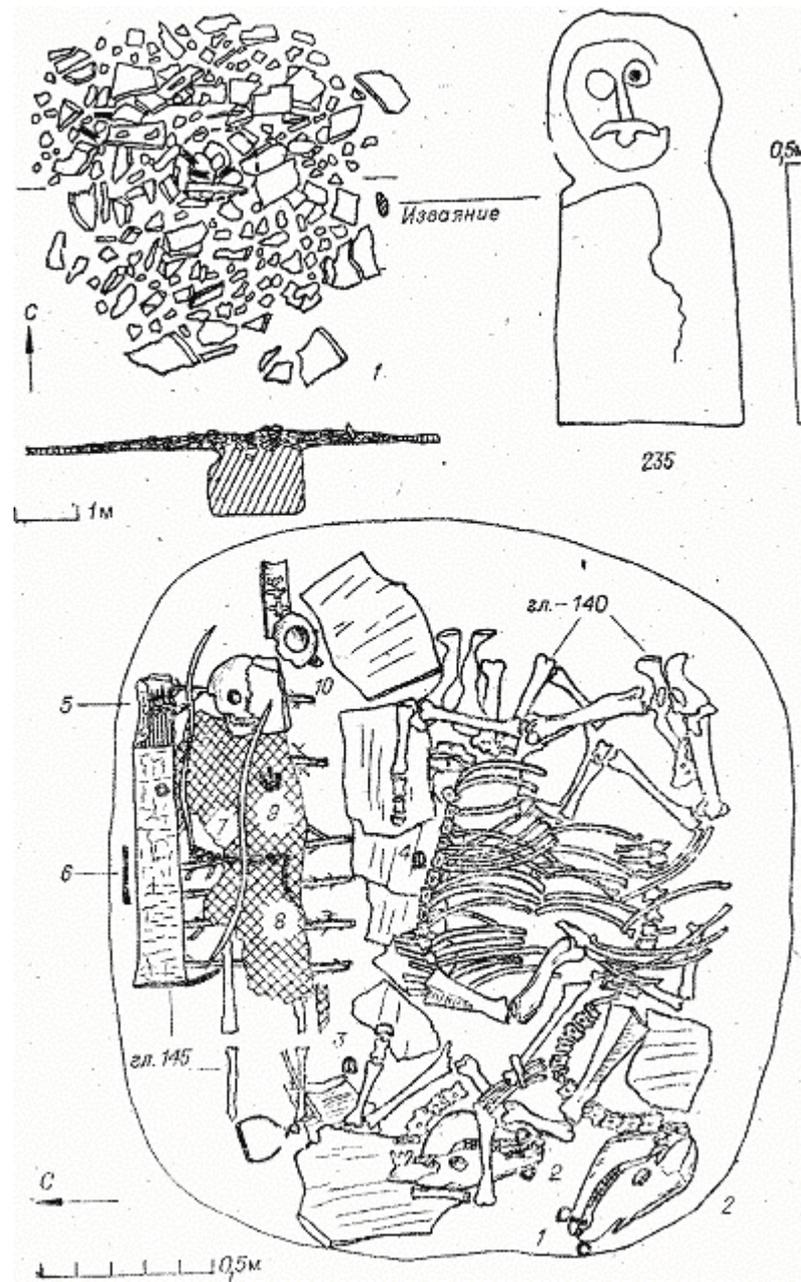

Табл. XLIII. 235 - Ак-Кообы 1 - план и разрез кургана о изваянием 235, 2 - план погребения в кургане с изваянием 235.

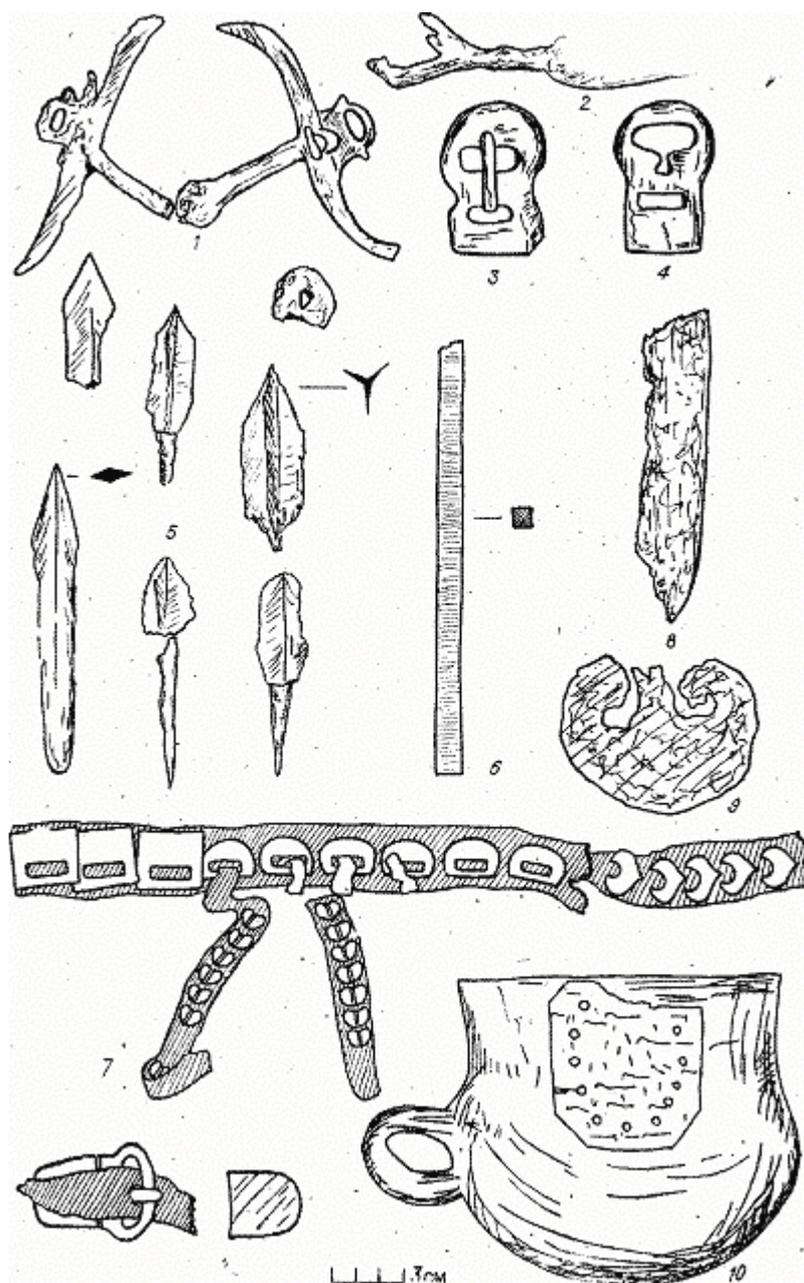

Табл. XLIV. Курган с изваянием 235. 1, 2-железные удила, 3, 4-роговые подпружные пряжки, 5 - железные наконечники стрел, 6 - точильный брусок, 7 - наременные бляхи, из серебра, 8 - обломки железного ножа (кинжала?), 9 - железное кресало-сумочка, 10 - деревянная кружка.

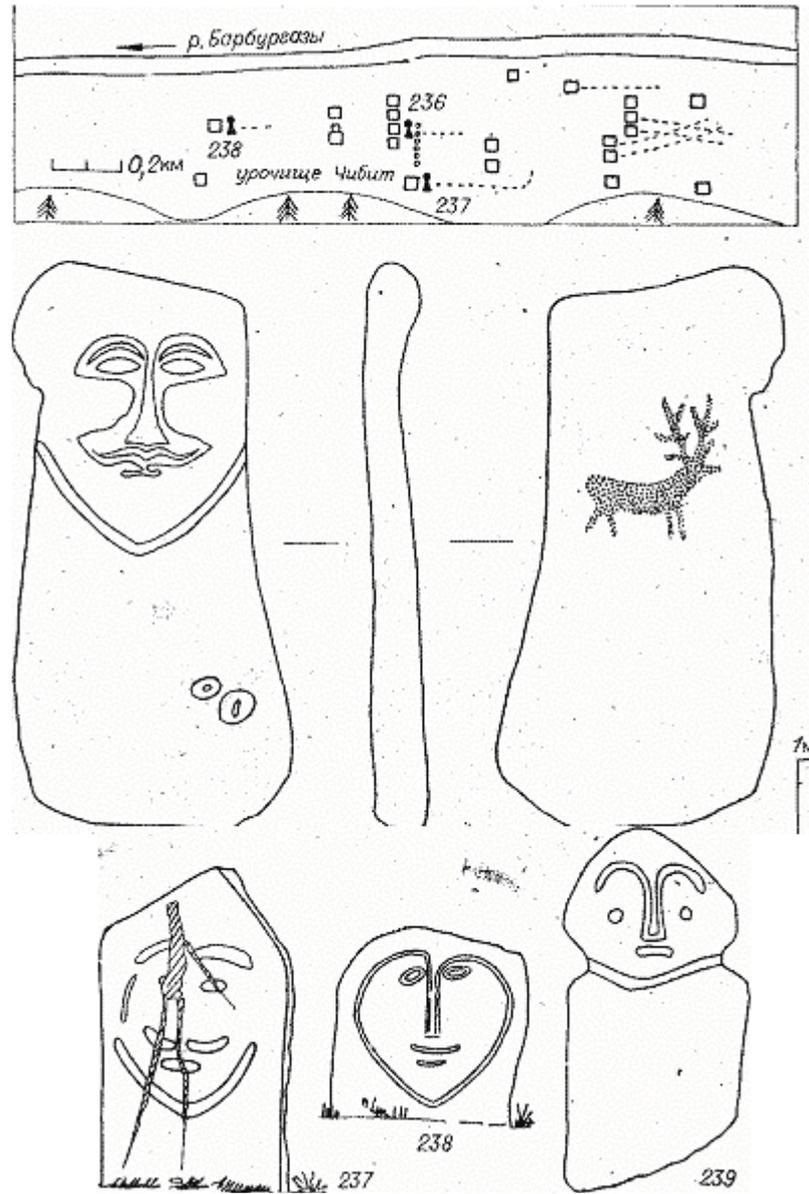

Табл. XLV. 336-338 - Чибит, 239 – Барбургазы

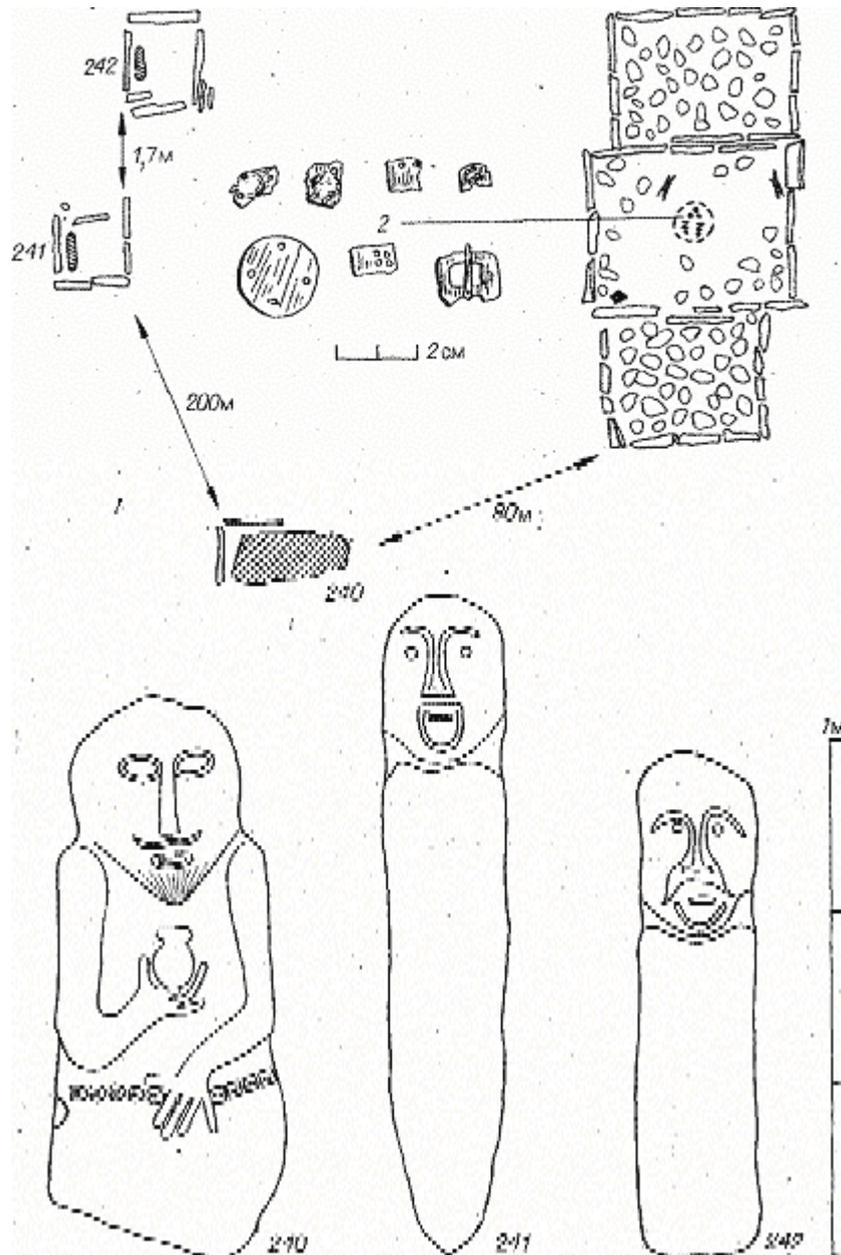

Табл. XLVI. 240-242 - Чадыр: 1 - план оградок у изваяний 240-242, 2-зольное пятно с золотыми бляшками и пряжкой.

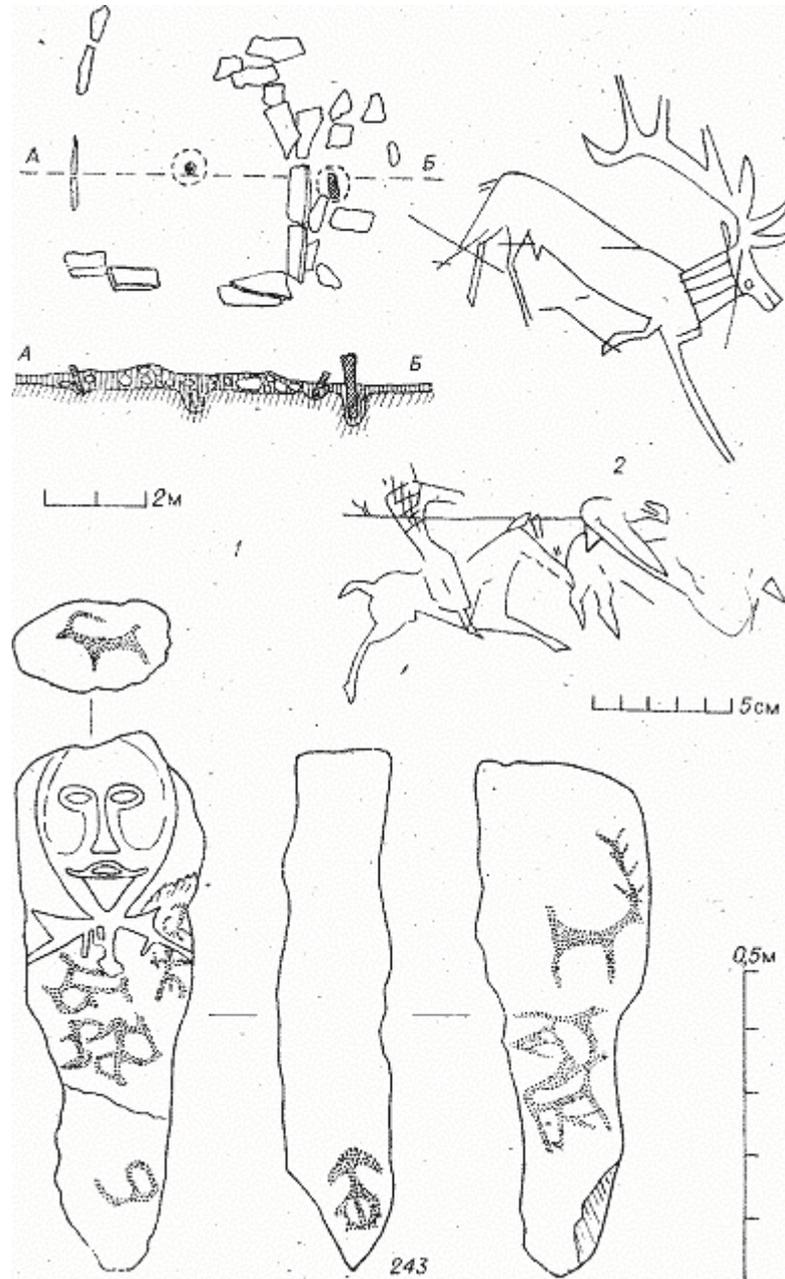

Табл. XLVII. 243 - Юстыд: 1 - план и разрез оградки у изваяния 243, 2 - рисунки на плитах восточной стороны оградки у изваяния 243.

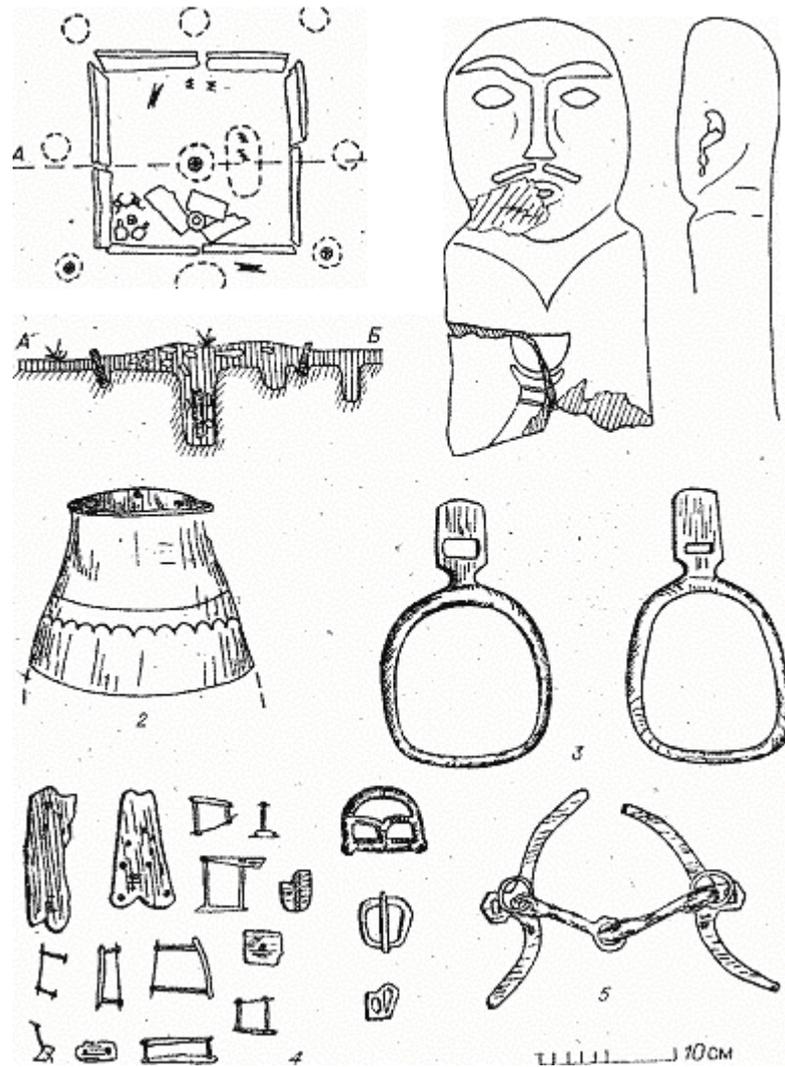

Табл. XLVIII. 244 - Юстыд, 1 - план и разрез оградки у изваяния 244, 2 - серебряный сосуд. 3 - железное стремя, 4 - железные пряжки, бляхи и т. п., 5 - железные удила.

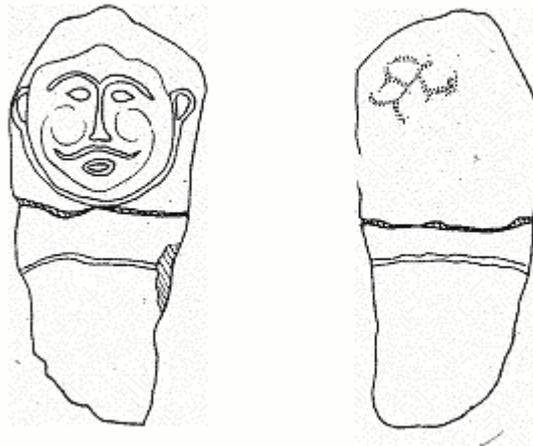
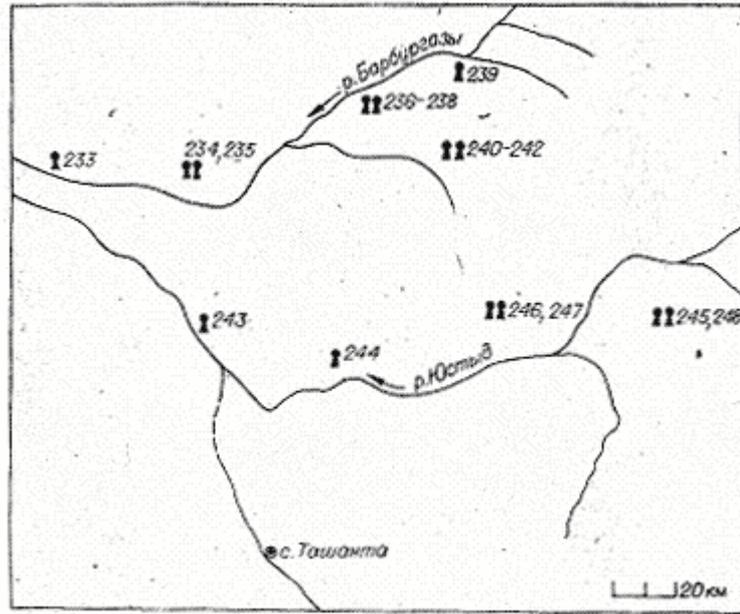

Табл. XLIX. 245 - Юстыд.

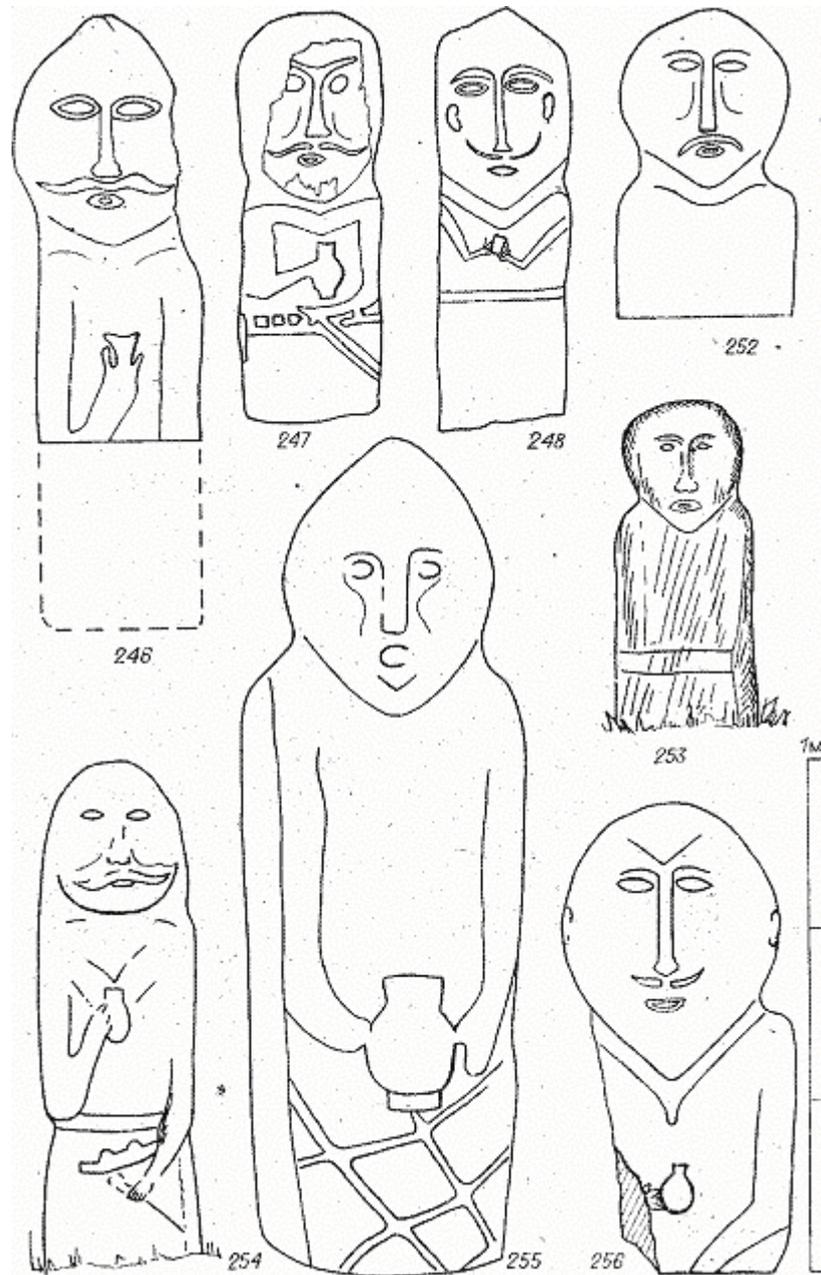

Табл. L. 246-248 - Юстыд, 253 - Кош-Агачский район, 254-256 - Алтай.